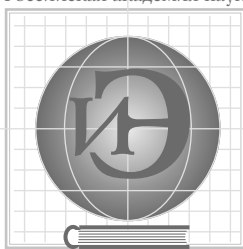

Российская академия наук

Институт экономики

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

ИСТОРИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Выпуск 6

ЭКОНОМИКА В ПЕРЕЛОМНЫЕ ЭПОХИ

Сборник статей

МОСКВА
2017

Редакционная коллегия:

Ю.П. Бокарев (отв. редактор), Г.Д. Гловели,
М.А. Давыдов, В.Л. Степанов, К.А. Фурсов (секретарь)

Рецензенты: д.э.н. М.И. Воейков, д.и.н. А.С. Сеньявский

Э40 **Экономика в переломные эпохи.** История мировой экономики, вып. 6.
Сборник статей. М.: ИЭ РАН, 2017. – 284 с.

ISBN 978-5-9940-0606-1

Выпуск 6 сборника «История мировой экономики» продолжает тематику предыдущих выпусков и посвящен теоретическим проблемам и конкретным исследованиям мировой экономической истории.

В статьях первой (теоретической) части проведено исследование таких проблем, как применимость формационной теории к экономической истории, злоупотребление термином «феодализм» в советской науке и теоретико-систематическое описание категорий «деньги» и «рынок» как экономических объективаций.

В статьях второй (конкретно-исторической) части рассмотрены проблемы как экономической истории России (обращение русского рубля в Болгарии в десятилетие после ее освобождения Россией от османского владычества, роль муниципалитетов в продовольственном снабжении российских городов в годы Первой мировой войны, роль Л.Н. Юровского в финансовых реформах периода НЭПа), так и экономической истории зарубежных стран (значение Восточной Европы в становлении мировой экономической системы в раннее Новое время, сходства и различия двух типов европейских колониально-капиталистических организаций в афро-азиатском мире, опыт финансовых реформ в Австрии и Венгрии на заре существования этих стран).

В третьей части представлены тезисы некоторых докладов на постоянно действующих семинарах Института экономики РАН «Теория и практика экономических реформ» и «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем».

Сборник рассчитан на специалистов по экономической истории, преподавателей и студентов экономических вузов и факультетов, а также на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-9940-0606-1

ББК 65.5

© Институт экономики РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© В.Е. Валериус, дизайн, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- Ю.П. Бокарёв**
Формационная теория и экономическая история... 8
- Л.Б. Шейнин**
Феодализм в советской историографии:
злоупотребление словом..... 54
- И.Э. Фролов**
Историческая реконструкция возникновения денег
и рынка и их теоретико-систематическое описание
как экономических объективаций..... 75

Часть II

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

- А.В. Бугров**
Обращение русской монеты в Болгарии
в 1877–1887 годах..... 128
- А.В. Мамаев**
Город как снабженец: закупочные операции
муниципалитетов и продовольственный вопрос
в условиях Первой мировой войны (1914 –
февраль 1917 г.)..... 147
- А.Л. Арутюнов**
Роль Л.Н. Юровского (начальника Валютного
управления Наркомфина) в формировании
денежно-кредитной системы СССР
в период НЭПа..... 174

- А.Ю. Ермолов**
Роль Восточной Европы в становлении мировой
экономической системы (XVI–XVIII вв.)..... 190
- К.А. Фурсов**
Ост-Индские компании и корпорации «дешевого
империализма»: преемственность и различия..... 209
- А.С. Соколов**
Опыт проведения финансовых
реформ в Австрии и Венгрии после 1919 г.:
сравнительная характеристика..... 247

Часть III

МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННО ДЕЙСТВУЮЩЕГО СЕМИНАРА (тезисы докладов)

- А.В. Гутерц**
«Объединенный комитет русских кооперативных
организаций в Лондоне» (ОКРКОЛ) / «Joint
Committee of Russian Co-operative Organizations
in London» по материалам ГАРФ и РГАЭ..... 264
- Г.Г. Попов**
Антикризисные меры администраций Г. Гувера
и Ф.Д. Рузвельта: сравнение..... 267
- С.Г. Кара-Мурза**
Истоки и значение советского экономического
проекта..... 276
- А.И. Фурсов**
«Реальный социализм» («исторический коммунизм»)
как социальная система: генезис, противоречия,
логика развития 278
- И.В. Ширяков**
Иностранная монета в русской денежной системе
второй половины XVII века..... 280

Часть I

ТЕОРИЯ
И МЕТОДОЛОГИЯ

Ю.П. Бокарёв¹

ФОРМАЦИОННАЯ ТЕОРИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Рассматривается формирование экономического детерминизма и экономического монизма, лежащих в основе формационной теории К. Маркса, анализируются формационные типологии после К. Маркса, сопоставляются формационный и цивилизационный подходы. Приводятся конкретные примеры тех сложностей и неоднозначностей, которые возникают при применении формационного подхода к исторической действительности, дается характеристика постиндустриального общества, анализируется формационный дуализм, открытый К. Марксом.

Ключевые слова: экономический детерминизм, экономический монизм, формационный и цивилизационный подходы, постиндустриальное общество, формационный дуализм.

Экономический детерминизм

С эпохи Возрождения детерминизм играл ключевую роль в проснувшемся европейском сознании. Уверенность в том, что все происходящее причинно обусловлено, породила веру в принципиальную познаваемость мира. Это дало толчок развитию естественных и гуманитарных наук. Детерминизм лежал в основе не только общей картины мира, но и каждой из его частей. При этом одна его часть как бы формирует другие части.

Идея о том, что экономическая жизнь определяет формы политической жизни, появилась задолго до К. Маркса. В XVII столетии английский мыслитель Джеймс Гаррингтон пришел к выводу, что политический строй страны определяют отно-

1. Юрий Павлович Бокарёв – д.и.н., заведующий сектором экономической истории Института экономики РАН.

шения собственности. Неравное распределение собственности влечет монархическое устройство власти, а равное — республиканское².

В XVIII в. подход к общественному развитию с позиций экономического детерминизма получил дальнейшее развитие. Виктор де Мирабо в «Философии земледелия» (1763) особо подчеркивал, что образ жизни и поведение людей в том или ином обществе зависят от существующего в нем способа производства³.

В 1767 г. учитель Адама Смита Адам Фергюсон предложил унитарно-стадиальную концепцию человеческой истории, в которой последовательно сменяют друг друга дикость, варварство и цивилизация. Дикость совпадает с охотой и собирательством, варварство — с кочевым скотоводством, а цивилизация — с оседлым земледелием⁴. Эта схема была позднее дополнена Анном Робером Жаком Тюрго и Адамом Смитом, выделившими внутри цивилизации четвертую стадию развития человечества — торгово-промышленную⁵.

Гийом Тома Франсуа Рейналь в труде «Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях» (1770; 1780) пытался объяснить все социальные, политические и идеологические перемены влиянием видоизменяющихся форм обмена и распределения. Автор неоднократно подчеркивает, что смена одних общественных форм другими происходит спонтанно, стихийно, вопреки и независимо от воли и сознания людей, ставящих перед собой свои частные ограниченные цели.

Джон Миллар в работе «Происхождение различия рангов в обществе» (1771; 1781) изучал как различные формы

2. *Harrington J. The Commonwealth of Oceana and other works. London, 1887. P. 61, 64.* «Марксистскую» критику Харрингтона см.: *Сапрыкин Ю.М. О классовой сущности политических взглядов Харрингтона // Средние века. 1953. Вып. 4. С. 249–270.*

3. *Физиократы. Избранные экономические произведения. М.: Издательство «Эксмо», 2008.*

4. *Фергюсон Адам. Опыт истории гражданского общества. Пер. с англ. И.И. Мюрберг / Под ред. М.А. Абрамова. М.: РОССПЭН, 2000.*

5. *Тюрго Анн-Робер Жак. Избранные философские произведения. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 54–142.*

хозяйства влияют «на нравы, законы и формы правления народа»⁶.

Шотландский историк Уильям Робертсон в 1796 г. указывал: «В любом исследовании деятельности людей, объединенных в общество, первым объектом внимания должен быть способ жизнеобеспечения. Когда он изменяется, другими должны стать и законы, и политика»⁷.

Но вот вопрос, одновариантны ли эти изменения законов и политики. Или при данном способе жизнеобеспечения возможны разные варианты законов и политики?

Экономический монизм К. Маркса

К. Маркс создал теорию исторического развития, исходящую из принципа экономического монизма, сводящего к единой первооснове все разнообразие исторической действительности. Такой первоосновой является для Маркса способ производства необходимых для жизни материальных средств: «Производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образует основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которой они, поэтому, должны быть объяснены»⁸. Поэтому в основе исторического процесса лежит изменение способа производства необходимых для жизни материальных средств.

По определению К. Маркса, «совокупность... производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»⁹.

6. *Millar J.* The Origin of the Distinction of Ranks. London, 1781. P. 4.

7. *Robertson W.* The History of America. Vol. 2. London, 1821. P. 1.

8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., 2-е изд., М., 1955–1961. Т. 19. С. 350–351.

9. Там же. Т. 13. С. 6–7.

Взаимосвязанные и взаимодействующие между собой экономический базис общества и его надстройка представляют собой социально-экономическую формацию.

Каждой формации свойственны определенная основная форма собственности и ведущий класс, господствующий как в экономике, так и в политике.

К. Маркс обратился к материалистическому монизму в борьбе с субъективным направлением исторического идеализма. Его сторонники утверждают, что подлинная история человечества суть история идей. Именно идеи отличают человека от других существ. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все, что называется экономическими условиями¹⁰. Таким образом, человек как сознательное существо изменяет на благо себе экономическую действительность.

Экономический монизм считает такие представления ошибочными. Определяющим является влияние материального производства на общество и его историю. Человеческое самосознание, критическая мысль, развитие разума и т.д. сами формируются под влиянием изменений общественного производства и потому не могут определять исторический процесс.

Вместе с тем, экономический монизм не оставляет человеческое сознание пассивным созерцателем общественных изменений. Человек может активно влиять на окружающую среду, если у него достаточно для этого опыта и знаний. Степень познания окружающей действительности кладет предел сознательным действиям человека. Человек лучше знает то, с чем чаще он сталкивается в окружающей действительности, что составляет его экономическую повседневность. По мере удаления от повседневной действительности сознание чаще наталкивается на непознанное и потому

10. Мизес Людвиг фон. Теория и история. Интерпретация социально-экономической эволюции. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 136.

чаще происходят ошибки в наших сознательных действиях. Ограничивают человеческое сознание и его заостренность на наиболее важных с практической точки зрения проблемах мироздания, и довольно слабое развитие у большинства абстрактного, отвлеченного от практики мышления.

В современной российской философии экономический монизм изучен очень слабо. В последние годы была защищена лишь одна кандидатская диссертация, противопоставляющая монизм плюрализму¹¹. Поэтому отечественному исследователю, воспитанному в духе социальной инженерии и экономических реформ, нелегко принять монизм К. Маркса. И уж совсем неприемлем он для социального лидера авторитарного типа, опирающегося на зарубежный опыт.

Г.В. Плеханов писал: «Раз вообразив себя главным архитектором, демиургом истории, «критически мыслящий» человек тем самым выделяет себя и себе подобных в особую, высшую разновидность человеческого рода. Этой высшей разновидности противостоит чуждая критической мысли масса, способная лишь играть роль глины в творческих руках «критически мыслящих» личностей, — «героям» противостоит «толпа». Как ни любит герой толпу, как ни полон он сочувствия к ее вековой нужде, к ее непрерывным страданиям, — он не может не смотреть на нее сверху вниз, не может не сознавать, что все дело в нем, в герое, между тем как толпа есть чуждая всякого творческого элемента масса, что-то вроде огромного количества нулей, получающих благотворное значение только в том случае, когда во главе их снисходительно становится добрая «критически мыслящая» единица»¹².

Добавим, что ни одному такому «архитектору» не удалось провести более или менее сносно хотя бы одну экономическую реформу, даже если проводилась она по зарубежным лекалам.

11. Бурханов Р.А. Противоположность монизма и плюрализма в социальном познании: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Chicago; L., 1963. V. 18.

12. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. 1. М., 1957. С. 604–605.

Для К. Маркса значение экономического монизма не исчерпывалось борьбой с субъективным идеализмом в истории. Монизм был для него важным методологическим приемом. С его помощью можно было все многообразие существующих экономических форм свести к их единой начальной первооснове, а затем, отталкиваясь от нее, восстановить логику их эволюции. Этим отчасти восполнялась недостаточность источников, дошедших до нас от прошлых времен.

В первых десятилетиях XIX в. Г.В.Ф. Гегель предложил объективно-идеалистическую теорию единства человеческой истории на основе саморазвития Мирового духа¹³. Предложенную К. Марксом монистическую теорию социально-экономических формаций можно до известной степени рассматривать как ответ на теорию Гегеля, сделанный с материалистических позиций.

Монизм отличается большой внутренней последовательностью, монолитностью. Но ограничение им познания с неизбежностью приводит к формализму, схематизации и искажению реальности. Чтобы избежать этого, следует учитывать, что сложившаяся на основе конкретных экономических отношений политическая надстройка может оказывать обратное влияние на происходящие внутри экономического базиса процессы. В частности, Ф. Энгельс в письме к К. Шмидту от 27 октября 1890 г. так характеризовал влияние государства на экономику: «Обратное действие государственной власти на экономическое развитие может быть тройкого рода. Она может действовать в том же направлении,- тогда дело идет быстрее; она может действовать против экономического развития,- тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать вперед в других направлениях. Этот случай сводится, в конце концов,

13. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. СПб.: Наука, 1993; *Он же*. Философия истории // Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. 8. М.—Л.: Соцэкгиз, 1935; *Он же*. Лекции по эстетике. Кн. 1—3. М.: Соцэкгиз, 1938—1958.

к одному из предыдущих. Но ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может породить растрату сил и материала в массовом количестве»¹⁴.

Способы производства представляют собой не только типы, но и стадии развития общественного производства, экономические общественные формации представляют собой такие типы общества, которые являются одновременно и стадиями всемирно-исторического развития: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить, как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»¹⁵.

Другим важным элементом учения К. Маркса является социальная революция: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке»¹⁶.

Но следует задуматься, что означает противоречие между «материальными производительными силами общества» и «существующими производственными отношениями», если они в отрыве друг от друга не существуют, являются двумя сторонами экономического развития?

Формационный и цивилизационный подходы

Формационная теория К. Маркса до такой степени пронизана классовой борьбой, революциями, гражданскими войнами, что трудно понять, каким образом обществу удается

14. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М., 1955–1961. Т. 37. С. 417.

15. Там же. Т. 13. С. 6.

16. Там же. С. 7.

сохранить единство, избежать распада. Чтобы ответить на этот вопрос, надо подробнее рассмотреть не только формационную, но и цивилизационную составляющую общественного развития.

Долгое время в нашей литературе существовало представление о двух подходах к изучению общества: формационном и цивилизационном. Часто они противопоставлялись друг другу. И.В. Побережников выражал весьма распространенную точку зрения, когда писал в 1999 г.: «По большому счету, существуют две полярные позиции для объяснения различий между обществами. Согласно одной точке зрения, человечество в любой точке земного шара развивается в соответствии с одними и теми же закономерностями; дифференциация же между обществами в большей или в меньшей степени объясняется порядком той фазы развития, на которой они находятся. По другой точке зрения, различия между культурными и социальными агрегатами постоянны и неискоренимы; универсалий, которые можно было бы применить к развитию всего человечества, просто не существует»¹⁷.

Первый подход И.В. Побережников именуется формационным, а второй — цивилизационным. При этом он, как и большинство исследователей, писавших в 1990-е годы, отдает безусловное предпочтение формационному подходу. Подобно принятому в 1990-е годы обыкновению, первый подход был назван «прогрессивным», а второй — «реакционным».

Формационный подход берет начало из формационной теории К. Маркса. Согласно этому подходу человечество едино и в своем развитии проходит одни и те же стадии, хотя и не в одно и то же время.

Наряду с марксизмом к формационному подходу относится теория модернизации, создатели которой гарвардские профессора Талкотт Парсонс и Эдвард Шилз, разделившие страны на традиционные, с устоявшейся веками иерархией

17. См.: Побережников И.В. Модернизационная перспектива: теоретико-методологические и дисциплинарные подходы // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 16–25.

рангов и статусов, и более динамичные демократические. Традиционализм препятствует экономическим и социальным изменениям, а демократическое устройство способствует прогрессу. Поэтому традиционные страны отстают в своем развитии, они остаются в Средних веках, в прошлом. А демократические развитые страны определяют лицо современности. Чтобы стать современными, традиционные страны должны воспользоваться опытом и помощью западных стран, чтобы воспроизвести у себя их индустриальную экономику и политическое устройство¹⁸.

Видный американский социолог, экономист и историк Уолт Уитмен Ростоу создал теорию пяти стадий экономического роста.

1. Традиционное общество. Существуют аграрные общества с довольно примитивной техникой, преобладанием сельского хозяйства в экономике, сословно-классовой структурой и властью крупных земельных собственников.

2. Переходящее общество. Растет сельскохозяйственное производство, появляется новый вид деятельности — предпринимательство и соответствующий ему новый тип предприимчивых людей. Складываются централизованные государства, усиливается национальное самосознание. Таким образом, созревают предпосылки для перехода общества на новую ступень развития.

3. Стадия «сдвига». Происходят промышленные революции, за которыми следуют социально-экономические и политические преобразования.

4. Стадия «зрелости». Идет научно-техническая революция, растет значение городов и численность городского населения.

5. Эра «высокого массового потребления». Наблюдается значительный рост сферы услуг, производства товаров потребления и превращение их в основной сектор экономики¹⁹.

18. *Parsons, Talcott. The Social System. Glencoe: Free Press 1964 (reprint from ed. 1951).*

19. *Rostow W.W. The Process of Economic Growth. New York, 1952.*

При всех различиях вариантов формационного подхода объединяет их динамизм подхода, а также то, что экономические факторы определяют этот динамизм или, во всяком случае, находятся среди главных факторов общественного прогресса. Как и полагается во всех формационных теориях, все выделенные стадии обязательны для всех стран. Никаких отклонений в развитии формационный подход не допускает.

Вместе с тем, формационная теория К. Маркса выгодно отличается от теории модернизации, теории Ростоу и всех других теорий формационного подхода. Последние – это всего лишь типологии, претендующие только на определение отличительных признаков той или иной стадии. У К. Маркса же каждая формация – это модель, состоящая из десятков переменных, хотя и не в математической форме. Анализируя взаимосвязи между этими переменными, можно определить, как функционирует формация, на какой стадии развития она находится, как на основе развития производительных сил формируются новые производственные отношения и происходит переход к другой, более высокой формации.

В цивилизационном подходе основным критерием выступает культурный фактор (религия, искусство, миропонимание, мировоззрение, историческое развитие). Цивилизационный подход рассматривает общество как социокультурную общность, формируемую на основе общепризнанных ценностей, получающих выражение в религиях, системах морали, права, искусства. Каждая цивилизация включает в себя общие для данной цивилизации проблемы и задачи, часто понимаемые в форме миссии, средства для ее реализации, институционализированные способы распоряжения средствами, центры объединения, принципы обособления. Каждая цивилизация обладает каким-то набором представлений о собственном превосходстве, хотя бы только в какой-либо одной ограниченной области (в настоящее время чаще всего в спорте). Без этого чувства цивилизация быстро дезорганизуется.

Цивилизационный подход сформировался под влиянием работ Н.Я. Данилевского, П.А. Сорокина, О. Шпенглера,

А. Тойнби и др. Главным в нем является компаративная оценка локальных цивилизаций с позиций их возникновения, роста, кризиса и уничтожения.

Так, А. Тойнби выделял более 10 замкнутых цивилизаций. Каждая из них проходила стадии возникновения, роста, кризиса и уничтожения. Молодая цивилизация энергична, полна сил, способствует более полному удовлетворению потребностей населения, обладает высоким темпом экономического роста, прогрессивными духовными ценностями. Но затем эти возможности оказываются исчерпанными. Экономический, социально-политический механизмы, научно-технический, образовательный и культурный потенциалы устаревают. Начинается процесс надлома и распада, проявляющийся, в частности, в эскалации внутренних гражданских войн. В итоге цивилизация полностью исчезает. Таким образом, общей истории у человечества нет²⁰.

Согласно другим представлениям существование цивилизации происходит в окружении других цивилизаций, влияющих друг на друга. В результате со временем происходят социально-экономическое и культурное сближения цивилизаций, некоторые из них поглощают другие. Так подготавливается общий исторический путь человечества. В итоге создаются институты мирового правительства. Этим заканчивается установление господства одной цивилизации над другими²¹.

Цивилизационный подход не лишен огромной доли субъективизма. Даже у главного для данного направления системообразующего термина «цивилизация» нет общепринятой интерпретации. Нет единой системы выделения цивилизаций. Одни из них выделяются по религиозному признаку (напр., православная цивилизация), другие — по национальному (китайская, индийская, иранская и др.), третьи — по

20. Тойнби А.Дж. Постигание истории. Пер. с англ. Е.Д. Жаркова / Под ред. В.И. Уколовой, Д.Э. Харитоновича. М.: Айрис Пресс, 2002.

21. Мировое государство как будущее международного сообщества: Монография. М.: Проспект, 2013.

историко-географическому (ассиро-вавилоно-финикийская, греко-римская) и т. д.

Однако все компоненты цивилизации достаточно прочно скрепляют общество, позволяя избежать распада из-за противоречий, бушующих в экономическом базисе. К. Маркс утверждал, что изменение экономического базиса влияет на религию. Понятно, что он имел в виду эпоху Реформации. Но за один только XX в. произошло столько базисных изменений, что переворотов в мировых религиях должно быть больше. Тем не менее, религии, созданные человеческой фантазией тысячелетия назад, неистребимая вера простых людей в конечное добро ведет к тому, что Англия и после революции остается Англией.

Постиндустриальное общество

В 1962 г. Даниел Белл написал доклад «Постиндустриальное общество: гипотетический взгляд на Соединенные Штаты в 1985 году и далее»²². Автор полагал, что в последних десятилетиях XX в. индустриальный сектор потеряет свою ведущую роль в экономике под воздействием возрастающей технологизации, а основной производительной силой станет наука и потенциал общества будет измеряться не размером материальных богатств, а масштабами той информации и знаний, которыми общество располагает.

В постиндустриальной экономике количество произведенных материальных благ перестало быть мерилom экономического прогресса. Ему на смену пришли качественные показатели, связанные с технологической вооруженностью производства, его информационной обеспеченностью и способностью быстро перестраиваться в соответствии с изменяющимися условиями мирового рынка. Эра господства материального производства закончилась. Настало время

22. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.

доминирования нематериальных товаров, не считавшихся ранее самостоятельными объектами купли и продажи.

Необходимость и неизбежность постиндустриального общества вызывалась перенасыщенностью рынка старыми товарами, обострением конкурентной борьбы на внутренних и внешних рынках, борьбой за овладение новыми рынками и видами предпринимательской деятельности.

Поскольку надежды последователей К. Маркса на коммунизм явно не оправдались, а советский социализм опирался на те же средства производства, что и капитализм, и потому мог считаться всего лишь разновидностью индустриального общества, постиндустриальное общество гораздо лучше подходит на роль пятой социально-экономической формации в схеме К. Маркса.

В книге Д. Белла содержится доказательство того, что советский социализм содержит все необходимые условия для перехода к постиндустриальному обществу²³. Правда, серьезные препятствия этому создает марксистско-ленинская идеология.

Основой организации производства в аграрной экономике была собственность на природные объекты: землю, скот, домашнюю птицу и т.п. Именно она определяла первобытно-общинное, феодальное и сословно-тягловое устройства. Собственность на орудия труда имела второстепенное значение. Она была бессмысленна без собственности на землю. Именно собственность на землю определяла положение человека в системе общественного производства, его уровень благосостояния и социальную значимость.

Для индустриальной экономики собственность на природные объекты потеряла свою доминирующую роль. Основой производства стал основной капитал: производственные сооружения, машины, оборудование. Владение природными объектами (землей, полезными ископаемыми) без средств для их добычи стало бессмысленным. Доходы земель-

23. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999..

ных собственников приняли характер ренты, а основная часть прибыли доставалась владельцам промышленных предприятий. Правда, свою ведущую роль в системе общественного производства они делили с финансовыми магнатами, но капиталы последних тоже вкладывались главным образом в промышленность.

В постиндустриальном обществе материальные формы собственности потеряли свое значение. Эффективность общественного производства стала зависеть от технологий, менеджмента и маркетинга. Собственность на средства производства сама по себе перестала приносить прибыль. Основой организации производства стала интеллектуальная собственность, т.е. собственность на результаты научных исследований, созданные на их основе технологии и инновации, специфические знания о рынке, а также обладание креативными способностями, позволяющими рационально организовать и эффективно управлять предприятием, экономическим регионом или макроэкономическими процессами.

В общественных науках давно идут дискуссии по принципиальному вопросу, движется мир к единой цивилизации с общечеловеческими ценностями или реализуется тенденция к культурно-историческому многообразию и человечество будет представлять собой совокупность локально развивающихся цивилизаций. Сторонники первой точки зрения ссылаются на бесспорные факты распространения ценностей, зародившихся в европейской цивилизации: рыночной экономики, идейного плюрализма, правового государства, гуманизации, демократизма, современных технологий и др. Сторонники второй позиции подчеркивают, что в основе развития любого жизнеспособного организма, в том числе общественного, лежит взаимодействие противоположных сторон, разнообразие. Распространение же единых, общих для всех народов ценностей, культурных укладов жизни, глобализация мирового сообщества якобы влекут конец развития человечества.

Различные теории дают возможность по-разному увидеть историю. В формационной и общецивилизационной теориях

на первый план выходят общие для всего человечества законы развития, в теории локальных цивилизаций — индивидуальное разнообразие исторического процесса. Таким образом, различные подходы имеют свои преимущества и дополняют друг друга.

Первые трудности формационного подхода

Уже при жизни К. Маркса его формационная теория столкнулась с рядом трудностей. Все было бы хорошо, если бы выделенные К. Марксом пять способов производства вытягивались в одну линейку смены формаций. Так, разложение первобытно-общинного строя порождало бы азиатский способ производства, разложение последнего порождало бы античный способ производства и т. д. Хотя попытки представить дело именно так были.

В 1877 г. в письме в редакцию «Отечественных записок» Карл Маркс писал: «Ему (Н.К. Михайловскому. — Ю.Б.) непременно нужно превратить мой исторический очерк возникновения капитализма в Западной Европе в историко-философскую теорию о всеобщем пути, по которому роковым образом обречены идти все народы, каковы бы ни были исторические обстоятельства, в которых они оказываются... Но я прошу у него извинения. Это было бы слишком лестно и слишком постыдно для меня»²⁴.

Однако попытки создания общей для всего человечества схемы исторического развития не были К. Марксом оставлены. Толчком к продолжению работы послужило письмо Веры Засулич 1881 г., в котором русская революционерка писала К. Марксу, что если его теория запрещает переход к социализму через общину, «тогда социалисту, как таковому, остается лишь заниматься более или менее обоснованными вычислениями, чтобы определить, через сколько десятков

24. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., Госполитиздат, 1947. С. 179.

лет земля русского крестьянина перейдет в руки буржуазии, через сколько сотен лет, быть может, капитализм достигнет в России такого развития, как в Западной Европе». Маркс ответил: «Община является точкой опоры социального возрождения России»²⁵.

Это не было уступкой К. Маркса народникам. Он действительно считал, что путь капиталистического развития для России был закрыт. На Западе произошло «превращение индивидуальных и раздробленных средств производства в общественно концентрированные, следовательно, превращение карликовой собственности многих в гигантскую собственность немногих, эта мучительная, ужасная экспроприация трудящегося народа – вот источник, вот происхождение капитала...»²⁶.

«Таким образом, в конечном счете, мы имеем здесь *превращение одной формы частной собственности в другую форму частной собственности*. Но так как земля никогда не была *частной собственностью* русских крестьян, то каким образом может быть к ним применено это теоретическое обобщение?»²⁷

«Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в нее капиталистами, вращенными за счет крестьян тем же государством», – заключает К. Маркс²⁸.

Рассматривая первобытную поземельную общину, К. Маркс писал: «Земледельческая община, будучи последней фазой первичной общественной формации, является в то же время переходной фазой ко вторичной формации, т.е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности. Вторичная формация охватывает, разумеется, ряд обществ, основывающихся на рабстве и крепостничестве»²⁹.

25. Там же. С. 240.

26. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 19. С. 400.

27. Там же.

28. Там же. С. 415.

29. Там же. С. 419.

Но значит ли это, что исторический путь сельскохозяйственной общины должен неизбежно привести к этому исходу? — продолжал он. — Вовсе нет. Ее врожденный дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится.

Таким образом, К. Маркс был первым, который установил, что общественная формация в зависимости от формы собственности может иметь отличную систему производственных отношений. Доказательством этого может служить параллельное существование в течение 73 лет двух форм индустриального общества: капиталистической и социалистической. Конечно, развернувшаяся в конце 1980-х годов критика социализма была во многом справедливой, но она не могла перечеркнуть заслуг социализма в деле ускоренного индустриального развития СССР. А в причинах кризиса социализма во второй половине 1980-х годов нам предстоит еще разобраться.

Проблемы азиатского способа производства

В 1908 г. Г.В. Плеханов пришел к выводу, что азиатское и античное общества представляют собой не две последовательные фазы развития, а два параллельно существующие типа общества. Оба эти варианта в одинаковой степени выросли из первобытного общества, а своим различием они обязаны особенностям географической среды. «В самом деле, — писал Г.В. Плеханов, — логика экономического развития феодального способа производства привела к социальной революции, знаменовавшей собой торжество капитализма. Но логика экономического развития, например, Китая или Древнего Египта вовсе не вела к появлению античного способа производства. В первом случае речь идет о двух фазах развития, одна из которых следует за другою и порождается ею. Второй же случай представляет нам скорее два сосуществующих типа экономического развития. Античное общество сменило

собой родовую общественную организацию, и та же организация предшествовала возникновению восточного общественного строя. Каждый из этих двух типов экономического устройства явился как результат того роста производительных сил в недрах родовой организации, который в конце концов неизбежно должен был привести ее к разложению. И если эти два типа весьма значительно отличаются один от другого, то их главные окончательные черты сложились под влиянием географической среды, в одном случае предписывавшей обществу, достигшему известной ступени роста производительных сил, одну совокупность производственных отношений, а в другом — другую, весьма отличную от первой»³⁰.

Сторонников К. Маркса это никак не могло удовлетворить. Ведь в результате получалось, что у человечества нет единого пути развития. Один путь ведет к социализму, а второй — к вековому застою.

Это породило ряд дискуссий, не затихнувших и по сей день³¹. По своему содержанию эти дискуссии были направлены не на поиски реальных форм социально-экономического развития стран Азии и Африки, а на формальное решение проблемы азиатского способа производства для устранения обнаружившихся трудностей.

Прежде всего была предпринята попытка представить дело так, будто Маркс никогда не выдвигал теорию азиатского способа производства. Это была лишь гипотеза, впоследствии им отвергнутая³². Однако достаточно заглянуть в труды К. Маркса и Ф. Энгельса, чтобы увидеть, что азиатский способ производства

30. Плеханов Г.В. Избранные философские произведения в 5-ти томах. Т. 1. М., 1957. С. 165.

31. См.: Кобищанов Ю.М. Феодализм, рабство и азиатский способ производства // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Нуреев Р.М. Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Вестник МГУ. Сер. «Экономика», 1979. №5; Он же. Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Развитие политической экономики в СССР и ее актуальные задачи на современном этапе. М.: Изд-во МГУ, 1981.

32. Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; Иолк Е.С. К вопросу об «азиатском» способе производства // Под знаменем марксизма. 1931. №3.

не только отстаивался ими в разные периоды их деятельности, но и играл важную роль в формационной теории, так как обладал уникальными чертами, несвойственными другим формациям. К ним в частности относились: 1) отсутствие частной собственности на землю; 2) необходимость организации общественных работ в большом масштабе; 3) сохранение сельской общины; 4) деспотическая форма государственного управления³³.

Некоторые исследователи считали, что азиатский способ производства является переходным, он характерен для обществ, переходящих от доклассового к классовому устройству³⁴. На переходность указывают такие признаки, как наличие коллективной или государственной собственности на землю, соединение элементов первобытной уравнительности с рентной эксплуатацией низших социальных слоев, сосуществование разных социально-экономических укладов и т.п.

Трактовка азиатского способа производства как переходного периода привлекательна тем, что, с одной стороны, в древневосточном обществе сохраняются элементы первобытнообщинного строя, существует община, в которой большую роль играет коллективный труд, слабо развито товарное производство, классовый антагонизм маскируется формой ренты-налога и «общественных работ», распространявшихся на всех членов общества, и т. п. Но, с другой стороны, азиатского способа производства не было в странах Европы; к тому же он отличается от переходного общества устойчивостью и длительностью своего существования. В нем отсутствуют признаки борьбы между «отжившими» и «прогрессивными» экономическими

33. Мадьяр Л. Экономика сельского хозяйства в Китае. М.— Л., 1928; Он же. Предисловие к книге: *Кокин М., Папаян Г.* Цзинь-Тянь. Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930; *Ефимов А.* Концепция экономических формаций у Маркса и Энгельса и их взгляды на структуру восточных обществ. В кн.: «Историк-марксист». Т. XVI. М., 1930; *Берин Т.* Феодализм или азиатский способ производства? Об азиатском способе производства. Тифлис, 1930; *Кокин М., Папаян Г.* Указ. соч., гл. 1; *Фокс Р.* Взгляды Маркса и Энгельса на азиатский способ производства и их источники. В кн.: «Летописи марксизма», III (XIII). М.—Л., 1930; *Штуссер А.* Маркс и Энгельс об Индии. М., 1930; *Годес М.* Итоги дискуссии об азиатском способе производства. В кн.: *Дискуссия об азиатском способе производства.* Л., 1931.

34. *Нуреев Р.М.* Проблема «азиатского способа производства» в советской историко-экономической литературе // Вестник МГУ. Сер. «Экономика». 1979. №5.

институтами. Напротив, все институты занимают свою экономическую нишу и успешно взаимодействуют.

Были попытки представить азиатский способ производства восточной разновидностью феодализма³⁵. Но тогда феодализм оказывался формацией, предшествовавшей рабовладению. «Феодализм, — писал П.И. Кушнер (Кнышев), — это именно та общественная формация, которая возникает при разложении родового общества»³⁶.

Поэтому-то часть историков и посчитала, подобно В.П. Илющечкину, ранние азиатские государства с деспотической властью (которую вроде бы трудно отрицать) предшественными возникновению классов и частной собственности, т.е. «сословными»³⁷.

Такие представления были подвергнуты жесткой критике. В частности, С.И. Ковалев писал: «Если считать, что азиатский способ производства — феодализм, — тогда нам придется и раннее античное общество считать феодальным, так как в основе его, по Марксу, лежали коллективная эксплуатация и коллективное владение. Таким образом феодализм окажется у нас существующим до античного способа производства и после него, и мы прямым путем попадем в объятия реакционной теории цикличности»³⁸.

Существовала также группа исследователей, доказывавших, что азиатский способ производства является азиатской формой рабовладения³⁹. Наиболее активно отстаивал рабов-

35. Дубровский С.М. К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала. М., 1929; Никольский Н.М. История. Доклассовое общество. Древний Восток. Античный мир. М.: Учпедгиз, 1933.

36. Кушнер (Кнышев) П. Предисловие // А.И. Гуковский и О.В. Трахтенберг. Очерк истории докапиталистического общества и возникновения капитализма. М.-Л., 1931. С. XX.

37. Илющечкин В.П. Крестьянская война тайпинов. М.: Наука, 1967.

38. Дискуссия об азиатском способе производства. Л., 1931. С. 79–80.

39. Струве В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ Древнего Востока // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 77, [1934]; Абдиев В.И. Рабовладение на Древнем Востоке // История в средней школе. 1934. №2; Ковалев С.И. Об основных проблемах рабовладельческой формации // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Вып. 64. Л., 1933; Мишулин А.В. Античная Индия // Борьба классов. 1934. №9.

ладельческий строй стран Древнего Востока В.В. Струве. Во второй половине 1930-х годов концепция В.В. Струве победила. Она была положена в основу учебников и задуманной перед войной «Всемирной истории». Однако некоторые историки и после войны продолжали придерживаться взгляда о господстве феодализма на Древнем Востоке⁴⁰.

Важно также отметить, что все важнейшие элементы азиатского способа производства сохранялись в России вплоть до революции 1917 г. То есть они успешно пережили так называемый «русский феодализм» и продолжали существовать в период генезиса «капитализма», причем не только в деревне, но во многих провинциальных городах.

Сейчас очевидно, что, не признавая азиатский способ производства одной из альтернативных формаций аграрного общества, историкам едва ли удастся продвинуться в понимании экономической истории большинства азиатских и северо-африканских государств.

Парадоксы рабовладельческой формации

В так называемом «рабовладельческом обществе» не выдерживает критики само разделение общества на эксплуататоров и эксплуатируемых. Ни в одном обществе древности, включая римское, не было такого общественного класса, как «рабовладельцы». Римляне вообще не знали подобного слова. Люди, имевшие рабов, принадлежали к разным общественным группам, подчас совершенно ничего общего не имевших друг с другом. Рабами могли владеть и сами рабы, становившиеся, таким образом, рабами-рабовладельцами. Поэтому обладание рабами нельзя считать конституирующим признаком класса⁴¹.

40. *Осинов А.М.* Краткий очерк истории Индии до X века. М., 1948; *Переломов Л.С.* Об органах общинного самоуправления в Китае в V—III вв. до н. э. // Сб. «Китай, Япония. История и филология». М., 1961; *Штейн В.М.* Гуаньцзы. Исследование и перевод. М., 1959.

41. *Валлон А.* История рабства в античном мире. Греция. Пер. С.П. Кондратьева. М., 1941.

Свободные граждане Греции и Рима подразделялись на землевладельцев, торговцев, ремесленников, мелких аграриев и т.д. Между ними часто случались конфликты, столкновения, гражданские войны. Если в них принимали участие рабы, то с обеих сторон. А вот выступления рабов против своих хозяев случались крайне редко. В Риме, например, за всю его историю было только три крупных восстания, два из которых в глухой провинции на Сицилии, где было несколько крупных сельскохозяйственных имений, использовавших рабский труд⁴². В этих выступлениях класс рабов противостоял не особому классу рабовладельцев, а всему обществу в целом.

Восстание же Спартака касалось не всех рабов, а гладиаторов, чье положение и интересы отличались от общей массы. К ним периодически присоединялись и уходили сотни тысяч деклассированных, жаждавших добычи.

Если свобода последних была обеспечена всеми общественными институтами (как в Греции и Риме), то они образовывали самостоятельный класс граждан, а если они были подданными, отличавшимися от рабов лишь меньшей степенью личной зависимости, как в Древнем Египте, то цена их «свободы» была невелика и основная грань в обществе проходила не между свободными и рабами, а между подданными (народом, работниками) и государством или крупными собственниками⁴³.

Во второй половине 1950-х годов немецкие историки Р. Гюнтер и Шрот ссылались на то, что в древневосточных странах рабы не составляли большинства в производстве и не играли ведущей роли в классовой борьбе. Основной категорией непосредственных производителей и главной силой эксплуатируемых в классовой борьбе были свободные крестьяне⁴⁴. Эти факты до сих пор остаются главным кон-

42. *Shaw, Brent. Spartacus and the Slave Wars: a brief history with documents. (2001). Pp. 107–129.*

43. *Добатур А.И. Рабство в Аттике в VI–V вв. до н. э. Л.: Наука, 1980.*

44. *Günther R., Schrot G. Einige Probleme zur Theorie der auf Sklaverei beruhenden Gesellschaftsordnung, – ZfG, 1956, №5; Günther R., Schrot G. Bemerkungen zur Gesetzmässigkeit in der auf Sklaverei beruhenden Gesellschaftsordnung, WZ, 1963. №1.*

кретным возражением против «рабовладельческой» концепции. Надо сказать, что приведенные Гюнтером и Шротом факты были характерны не только для древневосточных, но и для древнегреческого и древнеримского обществ, которые авторы почему-то продолжали считать рабовладельческими. И в странах античного Средиземноморья те категории трудящихся, которых Гюнтер и Шрот считают рабами, видимо, не составляли большинства эксплуатируемых, и в этих странах не было (как теперь общепризнано) «революции рабов».

В СССР также многие философы и социологи считали, что рабы не играли большой роли в экономике так называемых «рабовладельческих обществ». Эту концепцию отстаивали А.А. Богданов и специалист по политической экономии И.И. Степанов⁴⁵. Кроме того, А.А. Богданов и И.И. Скворцов-Степанов полагали, что феодализм — первая классовая формация и от нее развитие может пойти по трем разным линиям. Первая ведет к восточному деспотизму, вторая — к античному рабству, третья — к крепостничеству⁴⁶.

Современные историки установили, что за все время существования рабства доля рабов в составе всего населения Древней Греции и Рима не превышала 2 млн человек⁴⁷. Уже из этого числа можно понять, что одной из основных производящих сил общества рабы не были. В социальных движениях рабы также участвовали весьма неактивно.

В то же время выступавшие на скачках рабы-наездники зарабатывали сотни, тысячи и даже миллионы сестерциев и не только обогащали господ, но и сами купались в роскоши. У римлян был специальный термин для обозначения раба, принадлежавшего рабу, — «викарий». Императорские рабы и вольноотпущенники Калигулы, Клавдия, Нерона, обладали колоссальными состояниями и могуществом, заставлявшим

45. Богданов А.А., Степанов И.И. Курс политической экономии». 4-е изд., доп. и исправл. Т. 1. М.-Л., 1925.

46. Там же.

47. Finley M. Ancient Slavery and Modern Ideology. New York, 1980. P. 80.

трепетать римских сенаторов. Их трудно записать в один класс с рабами из каменоломен.

Чтобы выйти из такого затруднительного положения, в которое завело следование марксистской логике, советские исследователи 1970–1980-х годов обратились к понятию «класс-сословие». Принадлежность человека к классу вроде бы определяется по экономическому признаку, а к сословию — по юридическому. Часто эти два принципа не совпадают, поэтому одни и те же люди могут принадлежать к одному сословию, но к разным классам. Формально такой подход логичен, но его практическое использование зачастую приводит к абсурду. Так, раб, имевший викария, по сословной принадлежности — раб, а по классовой — рабовладелец. Можно ли отнести такого рабовладельца к одному классу с римским сенатором или хотя бы с крестьянином-гражданином?

Вместе с тем раб в Древней Греции и Риме играл слишком заметную роль в экономике этих стран на всем протяжении их существования.

Прежде всего рабы создавали картину богатства и изысканности того дома, хозяину которого они принадлежали. Раб мог быть домоправителем, кассиром, бухгалтером, управляющим сдаваемой внаем недвижимостью, покупщиком припасов. Они были привратниками, сторожами, хранителями мебели, хранителями серебра, гардеробщиками, рабы, вводившие посетителей, рабы, приподнимавшие перед ними портьеры, и т.п. Десятки рабов теснились на кухне. Одни пекли хлеб, пироги, паштеты. Другие накрывали на стол, накладывали кушанье, пробовали, наливали вино; были такие, о волосы которых господа вытирали свои руки; красивые мальчики, танцовщицы, карлики и шуты развлекали гостей за едой. Для личных услуг к господину приставлены были камердинеры, купальщики, домашние хирурги, брадобрее; в богатых домах имелись чтецы, секретари, библиотекари, переписчики, выделыватели пергамента, педагоги, литераторы, философы, живописцы, скульпторы, счетчики, агенты по торговым делам и т.д. В числе лавочников, разносчиков,

банкиров, менял, ростовщиков было немало рабов, занимавшихся тем или другим делом на пользу своего господина. Когда господин появлялся где-либо в публичном месте, перед ним всегда шествовала толпа рабов (лат. *anteambulantes*); другая толпа замыкала шествие (лат. *pedisequi*); *nomenclator* называл ему имена встречаемых, которых надлежало приветствовать; *distributores* и *tesserarii* распределяли подачки; тут же были носильщики, курьеры, посыльные, красивые юноши, составлявшие почетную стражу госпожи, и т.д. У госпожи имелись свои стражи, евнухи, акушерка, кормилица, баюкальщицы, пряжи, ткачихи, швеи. Беттихер написал целую книгу («Сабина») специально о штате рабов при госпоже. Рабами были преимущественно и актеры, акробаты, гладиаторы. На подготовку рабов образованных (лат. *litterati*) тратились большие суммы (напр. Крассом, Аттиком). Многие господа специально воспитывали для того или другого дела своих рабов и затем предоставляли их за плату в распоряжение желающих. Услугами наемных рабов пользовались лишь небогатые дома; богачи старались всех специалистов иметь у себя дома⁴⁸.

Рабовладение еще ждет своего критического исследования.

Феодализм и аграрное общество в России

Что такое «феодализм»? Классическое определение феодализма принадлежит Франсуа Гизо. Он пишет: «Особенный и общий характер феодализма состоял в раздроблении народа и власти на множество небольших народов и мелких государств, в полном отсутствии общей нации и центрального управления»⁴⁹. Гизо выделяет три основных признака феодального порядка: 1) особенное свойство территориальной собственности, состоящее в том, что, несмотря на ее действительность, полноту и наследственность, она получается, тем не

48. Джонс А. Гибель античного мира. Ростов н/Д, 1997. С. 424–425.

49. Гизо. История цивилизации во Франции. Т. III и IV. Пер. Марии Корсак. М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1881. С. 4.

менее, от высшего лица, налагающего на владельца, под страхом утраты на нее прав, некоторые личные обязательства, что лишает ее той полной независимости, какую она отличается теперь; 2) слияние верховной власти с собственностью, т.е. получение владельцем земли над всеми ее жителями всех или почти всех прав, составляющих то, что мы называем теперь верховной властью; 3) иерархическая система законодательных, судебных и военных учреждений, которые связывали между собой ленных владельцев и составляли из них особенное общество⁵⁰.

Именно из этого определения исходил Н.П. Павлов-Сильванский, пытаясь отыскать черты феодализма в средневековой России. Но где же в Киевской, Новгородской или Ростово-Суздальской Руси он нашел зависимость земельной собственности от службы? В Киевской и Ростово-Суздальской Руси бояре служили князьям, но их вотчины имели независимое от службы происхождение, и если боярин уходил от одного князя к другому, то на их вотчинах это никак не отражалось. В Новгородской же земле князь вообще не имел права наделять землей своих слуг.

Правда, в Ростово-Суздальской земле по воле князя случалось разделение территории княжества на уделы. Но производилось оно не за службу, а по родственному принципу. Удел получали младшие братья или сыновья князя. Да и можно ли говорить о «раздроблении народа и власти на множество небольших народов и мелких государей», о «полном отсутствии общей нации и центрального управления» в России, где сохранялся институт великого князя, поддерживаемый к тому же ханами Золотой Орды? Если титул великого князя имел лишь символическое значение, то чем можно объяснить упорную борьбу князей за великокняжеский престол?

Именно благодаря институту великого князя нельзя говорить о слиянии власти с собственностью в России. В Киевской Руси об этом не может быть и речи из-за очередного порядка

50. Там же. С. 20–21.

княжения. Когда же «лествичное право» разрушилось и все князья, включая великого князя, стали владеть своими уделами на правах частной собственности, их уделы оставались частями единой государственной территории Руси. Дробилась не государственная территория. Дробление осуществлялось в рамках государственной территории.

В связи с отсутствием связи между службой и земельной собственностью, а также правом отхода нельзя говорить о существовании на Руси иерархии по ленному принципу.

Таким образом, социально-экономическое устройство Руси не соответствует ни одному из трех признаков феодализма, сформулированных Гизо.

Однако определение Гизо не единственное. В Западной Европе многие историки, социологи и экономисты давали свои определения феодализма. Рассмотрим, например, определение видного представителя школы «Анналов» Жака ле Гоффа: «Феодализм — система личных связей, иерархически объединяющих членов высшего слоя общества. Эти связи имели реальную основу — бенефиций, которым сеньор жаловал своего вассала в обмен за определенные службы и клятву верности. Феодализм в узком смысле слова — это оммаж и фьеф»⁵¹.

В ранней Киевской Руси существовала своя ритуальная процедура, противоположная по смыслу феодальной: занимая престол, князья приносили на вече клятву и целовали крест на том, что будут добросовестно исполнять свои обязанности. Именно отсутствие оммажа и фьефа позволило многим историкам XIX в. сделать вывод об отсутствии на Руси феодализма.

Еще славянофилы считали несовместимым западноевропейский феодализм с общинным устройством Древнерусского государства. Так, И.В. Киреевский писал: «Воображая себе русское общество древних времен, не видишь ни замков, ни окружающей их подлой черни, ни благородных рыцарей, ни борющегося с ними короля. Видишь бесчисленное множество

51. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. С. 89–90.

маленьких общин, по всему лицу земли русской рассеянных и имеющих, каждая на известных правах, своего распорядителя и составляющих каждая свое особое согласие или свой маленький мир; эти маленькие миры или согласия сливаются в другие, большие согласия... областные и, наконец, племенные, из которых уже слагается одно общее, огромное согласие всей русской земли»⁵².

В различии начал западноевропейской и русской истории со славянофилами соглашались и те западники, которые нашли в себе мужество честно отнестись к источникам.

С.М. Соловьев объяснял отсутствие феодализма в России географическими условиями: «В Западной Европе при начале ее государств мы видим движение германских дружин с их вождями в области Римской империи и вооруженное занятие ими этих областей. Пришельцы овладевают землею: усаживают на ней главные вожди; из своих обширных земельных участков выделяют другим в пользование с известными обязанностями; волости, розданные во временное владение, по разным причинам становятся наследственными...

Здесь, на западе, на основании поземельных отношений образуется та связь между землевладельцами, которую мы называем феодализмом... Земля, отношения по земле составляют сущность феодальной системы... Но у нас, на восточной равнине, мы не замечаем подобного явления. Как ни вчитываемся в летопись, чтобы подметить в ней указания на земельные отношения дружины, — не находим ничего...

Дружинники не усаживаются на выделенных им участках в самостоятельном положении землевладельцев, обеспеченных доходом с этих земель; они остаются с прежним характером союзников, товарищей князя... В продолжение целых веков русские дружинники привыкли жить в этой первоначальной форме военного братства, привольно двигаясь из волости в волость на неизмеримом пространстве, сохраняя

52. Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. Т. II. С. 275–276.

первоначальную волю, свободу перехода, и привыкли руководиться интересами личными, а не сословными»⁵³.

В.О. Ключевский указывал на то, что у нас не было «двух основных феодальных особенностей: это 1) соединение служебных отношений с поземельными, 2) наследственность тех и других».

В русских уделах «поземельные отношения вольных слуг строго отделялись от служебных. Эта раздельность настойчиво проводилась в княжеских договорах XIV в. Бояре и вольные слуги свободно переходили от одного князя на службу к другому; служба в одном уделе, могли иметь вотчины в другом; перемена места службы не касалась вотчинных прав, приобретенных в покинутом уделе»⁵⁴.

К.Д. Кавелин признавал, что германские племена «рано развили начало личности», и дальнейшее развитие этого начала было основой их истории. У русско-славянских племен «начало личности не существовало»; у них в основе развития было начало родственных связей, род и семья. Сами «задачи истории» были различны: германцам «предстояло развить историческую личность, которую они принесли с собою, в личность человеческую; нам — создать личность. У нас и у них вопрос поставлен так неодинаково, что и сравнение невозможно»⁵⁵.

Таким образом, до Октябрьской революции лишь очень немногие историки признавали феодальный период в истории России. При этом никто из них не выходил за рамки Северо-Восточной Руси и удельной эпохи. Киевская Русь считалась нефеодальным «дружинно-вечевым» государством. Только Павлов-Сильванский утверждал обратное⁵⁶.

С приходом к власти большевиков положение резко изменилось. Марксистско-ленинская идеология требовала унификации исторического процесса не только в Европе и

53. Соловьев С.М. История России. Т. XIII. С. 789.

54. Там же. С. 360–361.

55. Сочинения К.Д. Кавелина, изд. 1897. Т. I. С. 16–18.

56. Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в Древней Руси. СПб., 1907. С. 158.

России, но и во всем мире. Механически заимствовав формационное учение К. Маркса, большевистская идеология, казалось бы, достигала своих целей.

Поскольку социально-экономическое устройство Руси не отвечало критериям феодализма Гизо и других западных авторов, в СССР был сформулирован свой перечень признаков феодализма. Впервые он был изложен в Большой советской энциклопедии в 1936 г.: «1) господство натурального хозяйства; 2) наделение непосредственного производителя средствами производства; 3) личная зависимость крестьянина от помещика (внеэкономическое принуждение); 4) крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»⁵⁷.

Как видим, признаки, связанные с феодалом, феодальной иерархией и иммунитетом, в этот перечень не вошли. После этого определения уже западные страны должны доказывать, что у них был феодализм. Хотя весьма сомнительный тезис о «господстве натурального хозяйства» мог поставить в тупик исследователей Киевской Руси, Новгородской республики, да и самой Византии.

Обманывая себя термином «феодализм», мы закрываем глаза на то, как реально было устроено общество в Московском государстве XVI в., где население делилось на два класса: тягловый и служилый. В рамках тяглого класса находились все экономические функции. Тягловый класс нес все денежные, натуральные и трудовые повинности. Служилый же класс выполнял все военно-политические и государственные функции. Такому строю мы обязаны той упорной и тяжелой борьбой, которую Россия вела в XIV–XVI вв. за свое существование.

Разложение этого служило-тяглого устройства началось уже в XVII в. При Петре I мы переходим к сословному устройству, а при Екатерине II начинается процесс освобож-

57. Большая советская энциклопедия. Т. 57. М., 1936. С. 343.

дения служилого класса от их обязанностей перед государством. Реформа 1861 г. завершает процесс освобождения тяглого класса, начатый еще П.Д. Киселевым реформой государственных крестьян.

Надо сказать, что благодаря теории феодализма мы не изучили всех сторон разложения служило-тяглого строя, и потому многое остается в истории России непонятым и необъясненным, в том числе и реформа 1861 г., ее истинное значение.

Не следует также отождествлять промышленное развитие с генезисом капиталистических производственных отношений. Промышленное развитие — это объективная фаза экономического развития, связанная с переходом от мелкого ремесленного производства к крупной мануфактуре и фабрике. А капитализм — это только одна из общественных форм, в рамках которых может происходить промышленное развитие.

Мы считаем очевидным, что капитализму предшествует феодализм, и ищем его следы после реформы 1861 г. в остатках крепостничества. Поэтому мы так охотно цепляемся за посессионных рабочих на петровских заводах, полагая эту форму труда крепостнической и неэффективной (хотя производительность труда на таких заводах никем серьезно не изучалась). Считается также несомненным, что посессионный труд был всегда принудительным, что тоже недостаточно изучено.

Мы закрываем глаза (или зачисляем в разряд пережитков) на то обстоятельство, что для России всегда были свойственны и естественны две формы собственности: государственная (казенная) и общинная (общественная), а частная была как бы вторична. Но частная форма собственности — это не единственная форма собственности, совместимая с промышленным развитием.

Предполагается, что для развития крупной промышленности необходимы частный собственник средств производства и лишенный их пролетариат, работающий за заработную

плату. Но в крепостной России пролетариата не было, хотя необходимость в развитии собственной промышленности ощущалась довольно остро.

В XVII в. Россия закупала металл в основном в Швеции, которая тогда была лидером в мировой металлургии, сосредоточив около половины производства мирового железа. Война с Карлом XII резко изменила ситуацию. Важнейшие порты оказались закрытыми, а металла требовалось все больше⁵⁸.

Первые пять железодельных заводов на Урале были построены государством. Два из них, Невьянский и Каменский, начали действовать в 1701 г. Основателем этих заводов был Андрей Виниус, сын голландца на русской службе, основателя самого первого металлургического завода под Тулой. На следующий год Невьянский завод был передан тульскому оружейнику Никите Демидову. В 1720 г. Урал давал уже половину российского металла, а к 1725 г. его доля выросла до 73%⁵⁹.

Деятельность всех заводчиков и их приказчиков находилась под строгим руководством государства. Каждый их шаг жестко контролировался государственными чиновниками — шихтмейстерами. Периодически заводчики подавали руководству горно-заводского округа, к которому были приписаны, различные формы материальной и финансовой отчетности.

В 1724 г. Вильгельм де Генин составил для казенных заводов Урала так называемые абрисы. Исходя из производственной мощности, размеров государственных заказов, норм выработки, производственных затрат и других показателей, де Генин составил сбалансированный производственный план заводов. Это было первым опытом государственного планирования в России⁶⁰.

58. Коваленко Г.М. Русско-шведские отношения в XVII веке, Петрозаводск, 1982.

59. Струмилин С.Г. Черной металлургии в СССР. Т. 1. М. 1954. С. 197; Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв. Т. 1. М.; Л. 1949. С. 76, 94, 105–107.

60. Генин Вильгельм де. Описание уральских и сибирских заводов 1735. М.: Гос. изд-во «История заводов», 1937.

На этом этапе государство ощущало себя полным хозяином экономической деятельности; его распоряжения должны были безоговорочно выполняться, независимо от состояния производственных мощностей. Например, накануне битвы под Нарвой Петр I приказал: «На Олонейцких железных заводах иноземца Андрея Бутенанта фон Розенбуша вылить тотчас 100 пушек железных и чугунных самых добрых, без всяких изъянов, ядром по 12 фунтов да по 1000 ядер ко всякой пушке, и с Олонца, как ему уже указано, поставить в Новгород не позже марта 1702 года»⁶¹. Олонейцкие заводы с заданием не справились и в наказание были отобраны в казну.

Ориентируясь на общий характер эпохи, многие историки характеризуют казенные и частные заводы Урала крепостническими. Это не соответствует действительности. Во-первых, крепостных на Урале было очень мало. Во-вторых, владеть крепостными в России могли только дворяне. Большинство же заводчиков происходили из купцов, ремесленников, инородцев или иностранцев и права владеть крепостными не имели. Поэтому работников приписывали непосредственно к заводам. Это ставило их в положение государственных служащих.

Другим несоответствием действительности является изображение труда заводских работников каторжным и бесперспективным. На самом деле внутри завода действовала своя табель о рангах. Приписанный к заводу работник, независимо от его предыдущего сословного положения, не платил податей, двигался по ступеням заводской иерархии от ученика до старшего мастера, получая не плату за труд, а твердый оклад. С 1857 г., проработав минимальный срок (35–40 лет), приписанный работник мог подать в отставку и получать пенсию.

В середине XVIII в. оклад ученика достигал 12 руб. в год, работника — 18 руб. в год, подмастерья — 24 руб. в

61. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. II. Приложения. СПб., 1863. С. 25.

год, а мастера 60 руб. в год, что примерно соответствовало окладам местных чиновников или было немного меньше. Но это была только часть денежного заработка работника. Они также получали вознаграждения за выполненную работу, обучение учеников, нужное заводу изобретение и др. Например, мастер, обучавший учеников, мог получить за год до 180 руб.⁶²

Если не было учеников, падало производство или завод не получал государственных заказов, то работники окладов не теряли. Но вознаграждений тогда они не получали.

В местах с неустойчивым урожаем работники также получали хлебный паек мукой или зерном. Им разрешалось иметь свои приусадебные участки. На них, семьи работников, помимо огородничества, занимались полеводством, животноводством, птицеводством, пчеловодством и т. д. Поэтому продукция приписанных к заводу крестьян не так была нужна заводу, как их труд при строительстве вспомогательных помещений, рытье котлованов, канав для отвода воды и т. д.

К 1830-м годам покупательная сила рубля упала в 2,5 раза. Соответственно увеличились номинальные размеры окладов и вознаграждений. Падение покупательной силы рубля продолжалось и в последующем. Поэтому оклад уральских мастеров к 1913 г. увеличился до 120 руб.

Для стремительно развивающейся уральской промышленности кадров не хватало. Особенно это касалось высококвалифицированных работников. Первоначально их выписывали из-за рубежа или с центральных заводов страны. Постепенно мастеров стали обучать и на Урале. Первые школы были открыты еще де Генниным. За прогулы занятий родителей школьников штрафовали.

Тяжкий труд ожидал на уральских заводах тех, кто не мог занять какую-либо ступень в табели о рангах и использовался на временных, вспомогательных или черных работах. Поскольку такие работники к заводу не прикреплялись, их

62. Геннин. Указ. соч. С. 101.

принято было называть вольными рабочими. При устройстве такого рабочего на завод заводоуправление составляло на него декларацию. В ней тщательно описывалась внешность нового работника, его рассказ о своем происхождении, а также назначалось место предстоящей работы.

Подавляющая масса таких вольных рабочих состояла из крепостных крестьян, отпущенных барином на оброк. Тогда в декларации значилось, на какой срок он заключается. Некоторые вольные работники боялись сообщать свое имя. Таких записывали Иванами, родства не помнящими.

Указами 1722–1724 гг. было разрешено беглых оставлять при заводах. Помещики в случае опознания беглого могли лишь получить весьма умеренную денежную компенсацию. Указы были изданы потому, что на Урале оказывалось довольно много беглых и прочих «беспачпортных» лиц, и было необходимо предупредить их объединения в банды грабителей.

К началу XIX в. на Урале сложилась система заводских округов. В пределах округа заготавливались уголь и руда, которые направлялись в доменный завод. Чугун, полученный в доменном заводе, перевозился в железоделательный, а полосовое железо шло в передельный, где оно перерабатывалось в сортовое. Администрация округа ведала не только заводами, но и всей жизнью населения территории округа. Такая структура, которая исходила из максимального самообеспечения округов всем необходимым, использовалась и в СССР при создании территориально-промышленных комплексов.

До середины XVIII в. большинство заводов Урала принадлежало государству. В 1750-х годах при Елизавете Петровне было произведено разгосударствление и почти все казенные заводы были проданы придворным сановникам: П.И. Шувалову, М.И. Воронцову и С.П. Ягужинскому. Продавались заводы по очень низкой условной цене, но и эта плата в казну не всегда вносилась. Правительство простило долги. Однако в собственности титулованной знати заводы оставались недолго. Оказавшись неэффективными собственниками, они поспешили уже в 60–70-е гг. продать заводы обратно государству,

но втрое дороже⁶³. Так первый опыт приватизации в России обернулся крахом.

По техническому уровню уральские заводы того времени относились к числу лучших в мире. Уральские домны в среднем были вдвое мощнее английских. С 1725 по 1800 г. металлургия России увеличила производство в 12 раз. В 1740 г. по производству чугуна Россия обогнала Англию, перейдя на второе место в мире после Швеции, а в 1750-х годах обогнала и Швецию.

В это время складываются основные черты русских предпринимателей первой генерации: Демидовых, Строгановых, Баташовых, Лазаревых, Мосоловых, Всевожских и др. Почти все они были выдвигенцами Великого Петра. Известно, что Петр I мало внимания уделял сословному происхождению, породе своих протеже, предпочитая им знание и деловые качества. Свою цель наши первые предприниматели видели в работе на государство. Они лично вникали во все детали заводского хозяйства. Многие из них считали за честь поставлять государству продукцию не только лучшего качества, но и по более низким ценам, чем просило государство⁶⁴.

После отмены крепостного права уральская металлургия пережила кризис и затяжную депрессию. Это ни в коем случае не было связано с Манифестом 18 февраля, как нередко утверждается в нашей литературе. Прежде всего кризис был связан с моральным старением печей и другого оборудования, не менявшихся около ста лет. Определенное значение сыграли также безальтернативность древесного топлива и недостаток коммуникаций.

Но главную роль сыграло решение либерализованного правительства России разрешить иностранному капиталу создать на юге России новый металлургический район. В 1872 г. Джон Джеймс Юз (Хьюз) построил на юге России металлургический завод, работавший на каменноугольном топливе

63. *Сметанин С.И.* История предпринимательства в России. М.: «Палеотип, Логос», 2002.

64. *Тольцова Т.* Предания о Демидовых и о Демидовских заводах // Русский архив, 1878. Кн. 2. №5. С. 119–124; *Неклюдов Е.Г.* Уральские заводчики в первой половине XIX века: владельцы и владения. Нижний Тагил: Изд-во НТГСПА, 2004.

и вольнонаемном труде. Строительство таких металлургических заводов на юге началось после ввода в эксплуатацию в 1886 г. Екатерининской железной дороги, соединившей залежи железной руды в Кривом Роге с коксующимся каменным углем Донбасса.

Большинство горнозаводчиков считали отставание Урала временным. В ноябре 1912 г., при участии петербургского Международного банка, пайщиками которого выступали французские, немецкие и бельгийские банкиры, было учреждено акционерное общество Кузнецких каменноугольных копей (КОПИКУЗ), обещавшее снабжать уральскую металлургию коксующимся углем. Общество получило право на постройку ширококолейной железной дороги для доставки кузбасского угля на Урал.

В других отраслях производства фабрик и заводов было гораздо меньше. Мануфактура продолжала доминировать. При этом многие предприятия, уже превратившиеся в фабрики и заводы, продолжали по традиции именоваться мануфактурами.

В 1725 г. в России было 5 казенных текстильных мануфактур, строились по типу государственных заводов, работавших по казенным заказам. Почти все они находились в Москве или под Москвой. По составу рабочих текстильных мануфактур к середине XVIII в. 84,4% были посессионными, 10,3% — наемными и 5,3% — крепостными. Преобладали, таким образом, посессионные мануфактуры, владельцы которых были в большинстве случаев доверенными людьми государства.

Все они работали на казну, а не на рынок. Цены, по которым продукция сдавалась в казну, были указными, т.е. установленными государством. В начале XIX в. цены на рынке существенно повысились, рубль подешевел. Указные цены на ткани оказались убыточными. Это привело к сокращению производства.

В XVIII в. в составе цензовой легкой промышленности, кроме текстильной, зафиксировано пять отраслей: кожевенная, стекольная, фарфоро-фаянсовая, бумажная и галантерей-

ная. В 60-х годах XVIII в. числилось 13 ценовых кожевенных заведений. Если кожевенная промышленность в России была традиционной отраслью и выросла из кустарных промыслов, то стекольная была внесена в российское хозяйство из-за границы. В 1725 г. числилось восемь стекольных заведений, в том числе предприятие Мальцева, потомки которого потом заняли ведущее место среди стекольщиков России. В 1750-х годах действовало 10 стекольных заведений, в 1760-х — 16. Но из них только часть была посессионными предприятиями. Некоторые были крепостными, т.е. основанными помещиками из своих крепостных на своей земле.

Фарфоро-фаянсовое производство также пришло к нам из-за границы. Первые предприятия этой отрасли возникли в России во второй половине XVIII в. Привнесенной отраслью была и бумажная промышленность. Бумажные заведения были в числе наиболее ранних промышленных предприятий в России: бумага была нужна для бюрократического аппарата. В годы царствования Петра I возникло три казенных бумажных предприятия и три, основанных на частном праве. В 1760-х годах числилось 13 бумажных заведений, в 1799 г. — 52.

Главное место среди химических производств занимали казенные предприятия, производившие порох и его ингредиенты — селитру и серу. В начале столетия порох, сера и селитра составляли по стоимости 87% всей химической продукции. Второе место по стоимости продукции занимали лесохимические производства, которые также находились в сфере особых государственных интересов. Рыночных отраслей, т.е. производства красок и химикатов, в начале столетия практически не было.

Пороховое предприятие не могло существовать само по себе, без государственного заказа: свободная торговля порохом не допускалась. Государство давало предприятиям, как частным, так и казенным, наряд на год или на несколько лет вперед, обеспечивая эти наряды казенным сырьем — селитрой и серой. Слово «план» не употреблялось в документах того времени. Однако советский историк П.М. Лукьянов не случайно применяет в своей работе это понятие, поскольку на

военных предприятиях действительно существовало государственное планирование.

Особенно усиливается казенная регламентация производства пороха в 1720-х годах. В 1725 г. указом Сената было предписано, что штат каждого частного порохового завода должен состоять из 75 человек с установленным жалованием и нормами выработки.

Государственная регламентация на казенных пороховых предприятиях шла еще дальше. В 1729 г. было предписано, чтобы на каждом заводе были 3 мастера, 3 подмастерья и 106 разнорабочих. Цены, по которым продукция сдавалась государству, естественно, государством и устанавливались.

В военное время госзаказы на порох увеличивались, в мирное – сокращались. Но при сокращении заказа нельзя было уволить лишних рабочих, поскольку они были прикреплены к предприятию. Естественно, при сокращении производства не полностью использовались и производственные мощности. По расчетам Артиллерийской канцелярии, в 1740-х годах петербургские заводы выпускали лишь половину того пороха, на производство которого они были рассчитаны. Половина мощностей оставалась в резерве для расширения производства в военное время.

В сфере казенных интересов находилась и лесохимическая промышленность, т.е. производство поташа и смолы. Поташ и смола были важными статьями российского экспорта, и торговля ими являлась казенной монополией.

В начале XVIII в. 70% поташа в России производилось на казенных Починковских промыслах. Весь поташ сдавался государству, и государство экспортировало его. С 1723 по 1762 г. из России было вывезено 1,1 млн пудов поташа. Обошелся казне этот поташ в 650 тыс. руб., а продан он был за 1570 тыс. руб., т.е. прибыль государства от этой операции составила 140%.

Источники свидетельствуют о существовании артелей или артельных принципов организации труда в русских промышленных предприятиях.

Промысловые артели существовали в России уже в X в. В X—XV вв. летописи упоминают «старейшин древодельских», т.е. руководителей артелей плотников. В XII в. строительные рабочие объединяются в братии, или братчины, так в то время назывались товарищества, артели. В XII—XIII вв. братии (братчины) являются производственными и одновременно общественными организациями различных групп городских ремесленников — кузнецов, литейщиков, кожевников и т.д. (рыбпромышленные артели, ватаги в Новгороде)⁶⁵.

Первоначально артели возникали на основе общинных, земляческих, родственных и национальных связей, приобретая в дальнейшем более общий характер. Известно и то, что на Руси в первой трети XIII в. действовало не менее 7—8 артелей, специализирующихся на каменном строительстве⁶⁶. Со временем число таких артелей росло. В XVII в., кроме прочих, широкое распространение получили артели каменщиков, плотников, кузнецов, охотников на морских животных.

Во второй половине XVII в. документально появился термин «подрядная артель». С этого времени все более или менее крупные стройки в стране производились с помощью договоров (подрядных записей) с артелями строителей, заключавшихся между собственником и старшиной артели с указанием числа артельщиков.

Артелями в России было построено 893 км каналов и 1317 км шлюзованных участков рек. С 1838 по 1917 г. строительные артели провели более 90 тыс. км железных дорог. Возьмем, к примеру, рабочих-строителей Петербургско-Московской железной дороги в середине XIX в. Все они работали, объединяясь в артели человек по 80. С каждой артелью подрядчик заключал отдельный контракт, в котором оговаривались нормы выработки, продолжительность рабочего дня, условия питания, быта и дни до срока, по расчету.

65. *Ляцэнко П.И.* История народного хозяйства СССР. В 3-х т. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1950.

66. *Раппопорт П.А.* Строительные артели Древней Руси и их заказчики // Строительство и архитектура. 1985. №4. С. 85.

В артели объединялись не только рабочие, но и русские купцы и владельцы ремесленных заведений. Часто можно встретить артели для пользования общими сооружениями, орудиями труда, кузницами и другими техническими средствами. Гончары объединялись, чтобы иметь общий горн, кузнецы — общую кузницу, ткачи — большое светлое помещение, склад для сырья, материалов и готовой продукции. Такие артели обычно назывались подсобными, или вспомогательными.

Были случаи, когда именно артели становились собственниками предприятий. Например, в губерниях, где был распространен гвоздарный промысел, кустари образовывали артельные кузницы, куда входили от 5 до 18 гвоздарей.

В г. Сурки Лебедянского уезда Тамбовской губ. существовала артель по производству каменных жерновов из 48 чел. Жили члены артели недалеко от каменоломни в землянках, имели общий стол. Были у них свои инструменты, а также специальная кузница для ремонта сломанных инструментов. Работу и все хозяйство артели координировали два выборных старосты, работавшие наравне с прочими артельщиками. Изготавливаемые жернова собирались в общем складе и прямо оттуда продавались окрестным крестьянам.

Артели всегда принимались правительством как реальность, с которой надо считаться, хотя отношение к ним у разных царей и правителей было неодинаковое. Одни мирились с ними, другие (такие как Анна Иоанновна и Бирон) пытались бороться, третьи (Петр I, Екатерина II) стремились поддерживать их.

Петр I и Екатерина II создали и развивали ремесленные цехи на основе ремесленных артелей, дружин и братий. Труд рабочих на заводах организовывался с учетом общинных и артельных представлений. Характерный пример — организация внутреннего самоуправления приписных крестьян во время исполнения ими вспомогательных работ на заводах, впервые выработанная кн. Вяземским для Ижевского и Воткинских заводов (1763), а затем распространившаяся на другие заводы. Приписные крестьяне, работавшие на заводах,

делились на сотни, которые должны были выбирать ежегодно с общего согласия сотника, выборного, старост и по два писчика. Протоколы о выборах за подписью крестьян отсылались в заводскую контору, чтобы она могла знать, с кого требовать исполнения ее распоряжений. Все выборные, по желанию крестьян, могли переизбираться и на следующий год.

В XVIII – начале XIX в. артельные формы труда широко применялись на заводах и фабриках, что явилось одной из главных причин бурного развития крупной железоделательной промышленности в крепостную эпоху, которая уже с 1730-х годов обогнала Англию. К 1782 г. выплавка чугуна на всех заводах России достигла 7,5–8 млн пудов, т.е. была значительно выше, чем в Англии, Швеции, Франции, Пруссии и Америке. Не мы ввозили железо из-за границы, а наоборот, Запад потреблял ежегодно до 4 млн пудов русского железа. А это доказывает, что у нас железо производилось дешевле и лучшего качества⁶⁷. Хорошие результаты наблюдались и в других отраслях.

На Кувшинском заводе на Урале артельные формы организации труда существовали в кричном, листокатальном и ударно-трубочном цехах. Ежегодно артели заключали договор, которым определялись отношения как членов артели между собой, так и самой артели с администрацией завода. Члены артели получали все необходимые материалы от администрации завода по установленным ценам, производили по своему усмотрению (но под наблюдением заводского мастера) оговоренные объемы работ, а за них получали плату через выборных доверенных. Заработок делился между членами артели соразмерно количеству и качеству их труда.

Вот договор, который заключался артелью с администрацией завода:

«1) Артель обязуется содержать полный состав людей, необходимых для управления доменными печами; 2) содер-

67. Архив истории труда о России. Пг., 1922. Кн. 5. С. 101.

жать сторожей для охраны зданий и машин; 3) припасы получать из заводских запасов по установленной цене; 4) содержание всех машин и поправку их, равно и других заводских сооружений (железных дорог, ворот), принимает на свой счет, кроме капитальных исправлений; 5) инструменты, существующие в наличности, артель получает от завода, в случае же недостатка покупает на свой счет; 6) артель получает по истечении каждого месяца плату... [далее идут установленные расценки]; 7) артель обязуется вести счета и расчеты по шнуровым книгам, которые должны быть всегда открыты для заводоуправления. Из заработка артели поверенный ее на основании рабочего журнала удовлетворяет рабочих платой в установленном размере, а остальные хранятся как запасный капитал, который делится по окончании всех расчетов пропорционально назначенным платам за вычетом двух процентов в кассу горнозаводского товарищества; 8) артель обязуется выплачивать чугун под руководством управления завода и вообще выполнять все его требования; 9) мастер обязуется наблюдать, чтобы все работы производились своевременно и надлежащим образом; каждый рабочий исправным выполнением своих обязанностей должен помогать мастеру; 10) каждый рабочий, член артели, обязуется служить делу честно и добропорядочно, быть почтительным, вести себя добропорядочно, совестливо исполнять и в свое время оканчивать работу и вообще всеми средствами содействовать пользам завода; в случае каких-нибудь несправедливых и незаконных требований со стороны служащих по заводу обязуется сообщать через доверенного мастера или лично для должного разбирательства управителю завода»⁶⁸.

В 1915 г. Российское министерство торговли и промышленности опубликовало далеко не полный «Справочник об артелях трудовых». Сюда входили сведения об артелях как организациях, но отнюдь не о числе предприятий, применявших артельные формы организации труда. Причем это были

68. Архив истории труда о России. Пг., 1922. Кн. 5. С. 101.

артели с утвержденным официальным органом уставом, а у абсолютного большинства российских артелей никаких уставов не было.

В этом справочнике значилось 507 артелей, из которых первое место занимали артели грузчиков и крючников – 53, затем шли посыльные и носильщики – 31, далее строительные рабочие – 25, маляры и живописцы – 24, ночные сторожа и караульные – 15, чертежники, техники, землемеры и т.п. – 13, монтеры и водопроводчики – 8.

Были в этом справочнике 7 артелей газетчиков и продавцов произведений печати, 6 артелей театральных капельдинеров, 6 артелей бухгалтеров и конторщиков, 4 артели парикмахеров, 3 – коммиссионных и по поставкам служащих, 3 артели дворников и домовой прислуги, 3 артели по убою скота, 3 артели полотеров, 2 артели печников. Кроме того, в этом справочнике числится по одной артели банщиков, водолазов, якорщиков, музыкантов, стенографов и интеллигентных тружеников.

Отдельно в указанном справочнике значились кредитные товарищества. Среди них: союзы лиц, занятых в транспортной промышленности, – 29, по обработке металлов и изготовлению орудий и машин – 29, официантов, поваров, кондитеров – 29, по изготовлению предметов одежды – 28, по обработке дерева – 27, ювелирные – 19, сапожные – 15, переплетные и типографские – 8, кожевенные и скорняжные – 8, кирпичные – 4, мраморные – 4, ткацкие – 3.

Большое место в справочнике занимали кустарные артели, среди которых чаще всего встречались сапожные – 19, кузнечно-слесарные и по изготовлению различного рода орудий – 9; а потом шли столярные – 6, ткацкие и кружевные – 3, рогожные – 3, портняжные – 2.

Артели объединялись в союзы, для того чтобы противостоять системе частного предпринимательства. В 1914 г. возникает Московский артельсоюз, объединивший 13 артелей, в 1915-м – Боровичско-Валдайский союз из 28 артелей.

Члены артелей составляли значительный слой потребителей промышленной продукции, создавая ей внутренний рынок.

Западный капитализм возник на основе крайнего индивидуализма. Необходимым для него условием наличие в стране лично свободных рабочих, принимаемых на работу в строго в индивидуальном порядке. Так ли было в России?

12 июля 1886 г. было принято положение о найме рабочих. Новое законодательство содержало: положения об удостоверении сделки о найме рабочею книжкою или принятием и удержанием паспорта; ответственность нового нанимателя перед прежним за принятие рабочего без книжки; употребление расчетных листов при рабочей книжке; установление особых обязанностей нанимателя по содержанию и лечению рабочих; определение ответственности и вычетов за прогул, когда нет особого условия о сем в договоре; установление ответственности за неявку и самовольный уход рабочих и право обязательного их возвращения на работу; определение законных поводов к одностороннему прекращению договора с той и другой стороны⁶⁹.

Однако это положение включало еще одно крайне любопытное положение. Договоры о найме могут заключаться не только с отдельными рабочими, но и с целыми семьями и артелями. Под артелью закон понимает совокупность лиц, вошедших в соглашение между собой о совместной работе, с круговым друг за друга ручательством. Договоры о найме артелями заключаются с артельным старостой⁷⁰. Артельные формы организации труда в России сохранились и воплотились в СССР в форме рабочих бригад.

Русский купец-заводчик в большинстве случаев также отличался от западного. Он строил своим рабочим дома, больницы, школы и церкви, заводил для них кассы взаимопомощи и библиотеки. Однако Россия развивалась не изолированно, а в тесной связи с Европой. Русское правительство

69. Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М.: Типография Императорского Московского Университета, 1909.

70. Там же.

стремилось усвоить опыт Запада, копировало его институты и законодательство. Кроме того, после реформы Витте в Россию хлынул поток иностранных капиталов. Развитие промышленного Юга России осуществлялось главным образом западными предпринимателями. Они же осуществляли и образование правящей элиты. О промышленном Урале государство надолго забыло.

Заключение

Говорить о научной смерти пятичленной схемы формаций еще рано. Да и не в этом главная задача настоящей статьи. Мне хотелось просто напомнить историкам, что что без экономической теории, на основе одних только источников хорошего исследования не получится. Нужна глубокая, выверенная теория. К сожалению, такой теории пока не существует. Нам ее еще только предстоит создать в содружестве с экономистами-теоретиками.

Л.Б. Шейнин¹

ФЕОДАЛИЗМ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ СЛОВОМ

Термин «феодализм» не имеет общепринятого значения — ни в России, ни в ряде других стран. У него нет признанных временных рамок. Не прибавляет ясности Марксова концепция феодализма как общественно-экономической формации. В советской историографии был принят тезис относительно существования в России вплоть до 1861 года «феодально-крепостнического строя», однако с ним нельзя согласиться. Своеобразные черты феодализма прослеживаются в Северо-Восточной Руси в так называемую удельную эпоху. Эти черты требуют дополнительного изучения, истолкования, разбивки. При всех условиях неприемлемо сложившееся в публицистике использование терминов «феодализм/феодальный» в качестве лишь порочащих выражений.

Ключевые слова: феодализм, феодальный строй, общественно-экономическая формация, вассал, сюзерен, послуживец, феодальный бенефиций, удельная система, вотчина, поместье, крестьянская реформа, госаппарат, государственный суверенитет, государственная собственность, земельный налог, земельная рента.

1. В своем романе «Отцы и дети» И.С. Тургенев направил своего героя — ученого прагматика Базарова прожить лето в имении образованных дворян Кирсановых. Приглядевшись к их жизни и столкнувшись на дуэли с одним из хозяев, Базаров в сердцах назвал их феодалами. Прав ли был Базаров?

До Крестьянской реформы 1861 г. помещики имели административную власть над своими крепостными. Они собирали с них подушную подать, выставляли рекрут в армию, осуществляли полицейский надзор, отвечали за дорожную повинность, соблюдение ветеринарных правил и проч. Они требовали от крестьян выполнения уроков также в свою пользу — барщины или оброка. В системе государственного

1. Леонид Борисович Шейнин — канд. юрид. наук, независимый исследователь.

управления на помещиков ложилась роль домашних администраторов по отношению к их крестьянам и дворовым людям. В некоторых образованных кругах власть помещиков в отношении их крестьян считалась более приемлемой, чем командование чиновников государственными крестьянами, ибо помещики были прямо заинтересованы в том, чтобы не подрывать, а по возможности содействовать материальному благосостоянию подвластных им людей. О роли помещиков как управленцев можно судить по приписываемой Николаю I фразе, которую он обронил при очередном обсуждении вопроса об отмене крепостного права: «Где я возьму шестьдесят тысяч полицмейстеров, чтобы управлять этими людьми?»

Помещики называли крестьян своими подданными. (Они не стеснялись называть их также своими рабами.) Однако ни о каких *суверенных правах* при управлении подвластным им населением не могло быть и речи; в ходе отмены крепостного права в 1861 г. никто не оспаривал права государства распоряжаться судьбой помещичьих крестьян и дворовых людей. Назвать помещиков феодалами, как это сделал Базаров, можно было только в порядке насмешки. Тем не менее, во времена СССР для многих отечественных историков фраза Базарова звучала без всякой иронии. Видный лидер исторической науки в СССР 1930-х годов и позже М. Нечкина видела в помещиках феодалов, начиная с самого момента зарождения поместного строя в XV в. В то время, как она считала, у власти стояли тоже феодалы, а мелкие служилые люди были вассалами московского царя. Феодалным, по ее мнению, было и боярство еще в XVI в.² М. Нечкину поддерживал В. Преображенский, который находил, что в основе поместного строя лежали «феодалные поместья»³.

Во многих добротных отечественных научных исследованиях и в учебных курсах по истории Московского государства

2. Малая советская энциклопедия. Т. 6. М., 1931. С. 742.

3. Там же. С. 740.

XV–XVII вв., и относящихся даже к более позднему периоду, чуть не на каждой странице встречаются упоминания о «феодальных отношениях», «феодальном строе», «феодальном» или «феодально-крепостническом государстве», о загадочной «феодальной ренте». Земледельцев, даже в XIX в. некоторые авторы называли «феодально-зависимыми», а помещиков нередко именовали феодалами. Возникает вопрос, откуда это словоупотребление.

2. Термин «феодализм» в научную литературу ввел французский историк Фюстель де Куланж (1830–1889). В его интерпретации феодализм в Западной Европе – это прежде всего система *политических* отношений между подчиненными – вассалами и начальствующими – сеньорами. (Высший сеньор – сюзерен.) «Феод» (в Германии – «лен») – это пожалование доходных земель, иногда – должностей, от сеньора вассалу. Последний со своим окружением должен служить сеньору на войне, а также при внутренних несогласиях, согласно договору или обычаю. С другой стороны, сеньор не должен был нарушать права своего вассала. Административная и судебная власть вассала над людьми на отведенной ему территории сочеталась с его правом взимать с них средства на свое (и своего аппарата) содержание. Некоторые исследователи отмечают, что сеньории (баронства) имели *замки*.

Феод мог переходить по наследству, то же относилось к ленам. Еще в XVIII в. некоторые мелкие государи в Западной Европе официально считались ленниками Германского императора. Вырисовывается, что феод – по крайней мере, в некоторые времена – хотя и зависимое, но *государственное* образование. Этим он отличался от бенефиция – временного пожалования, которое не предоставляло жалуемому лицу каких-либо суверенных прав.

Иногда феодализм связывают также с земельными отношениями, с так называемым *колонатом*, возникшим еще во времена Римской империи. Считается, что государство (по другим представлениям – его доверенные и заслуженные

лица) осаживало на землю военнопленных или выведенную из завоеванных стран молодежь, превращая их сначала в рабов, а затем в колонов, плательщиков дани.⁴ Из этих лиц впоследствии выросло сословие, которое обычно называют крепостными крестьянами, или сервами (*servus* на латинском языке обозначает раба.) В соответствии с таким представлением, термин «феодализм» претендует на описание также *аграрных* отношений: по мнению ряда историков — экономических, хотя (нельзя исключить) — фискальных. По мнению известного французского историка Марка Блока (1886—1944), для сервов Средневековья действовал порядок, при котором их повинности, в отличие от повинностей вилланов (которые, как и сервы, находились в зависимости от своих сеньоров), не были регламентированы⁵.

Мне с позиций государственника представляется, что феодализм как политический строй был вызван к жизни отсутствием в европейских монархиях, выросших из варварских государств, *профессионального аппарата управления*. Такая ситуация была обычной в Средние века⁶. Для создания этого аппарата многое сделали Римские папы, поскольку Ватикан был рассадником образованных людей. Видимо, к созданию слоя образованных бюрократов приложил руку не только Ватикан, но также европейские университеты.

Для Киевского государства важным моментом в том же направлении было крещение Руси князем Владимиром в 988 г. Вместе с христианством Киев получил из Византии первых образованных людей — священников и монахов.

-
4. Следует иметь в виду, что такие представления условны. Например, Плиний-Младший (62—114 г.) о соседнем с ним продажном имении пишет, что у его хозяина землю обрабатывали колонны, имевшие своих рабов. Комментаторы «Писем» утверждают, что эти колонны были арендаторами земли. См.: Письма Плиния Младшего. М., 1984. С. 58, 314.
 5. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. М., 1957.
 6. Термин «Средние века» ввел в научный оборот лейденский профессор Горн в 1667 г. Свое время он явно не относил к Средним векам. Разные исследователи относят к Средним векам неодинаковые периоды. Но, как правило, они согласны в том, что Средние века ведут свое начало с разгрома Римской империи варварами где-то в VI в., а выклиниваются в XV—XVI вв., от которых идет отсчет уже Нового времени с его абсолютными монархиями и чиновной бюрократией.

Известно, что они положили начало летописанию; видимо, им поручали также обучение юношества. Мало известна их роль как советников и как критиков князей, хотя отдельные выявленные историками факты в этой области не возбуждают сомнений.

В Средние века глава государства и его окружение не могли прийти до каждого подданного и до каждого воина, им приходилось обращаться к услугам посредников — вассалов. У тех могли быть свои подвассалы — по-русски, послуживцы, с помощью которых они управляли подвластным населением и выясняли свои отношения с соседями. Таким послуживцам в ряде случаев выделялись свои источники доходов: за ними закреплялись определенные поселения, обязанные их содержать. Приставка «де» перед фамилиями французских дворян (и «фон» перед фамилиями немецких дворян) указывала как раз на ту местность, в которой они были испомещены⁷.

Но когда появился централизованный аппарат управления, нужда в посредниках — вассалах первого ряда отпала, и они (если к тому времени не сумели полностью отделиться от своего сюзерена) заняли место вокруг трона уже в качестве государственных деятелей и чиновников. Помогал им слой управленцев-специалистов. Германского императора Максимилиана I (1459—1519) его критики упрекали за то, что при нем развилась власть бюрократии, «писцов». Так возникал новый политический строй под названием «абсолютизм», впоследствии — «просвещенный абсолютизм».

Как известно, во Франции абсолютизм был свергнут в ходе революции 1789 г. Эту революцию французские историки закономерно считают переломным моментом в жизни не только своей страны, но и всей Европы. При этом строй, свергнутый революцией, они обычно именуют не феодализ-

7. Сохранилось дело (по-видимому, XVI в.) об отписке в казну вотчин княгини Воротынской. В числе отписных было село Новобогословское в Рузском уезде, находившееся *во владении* послуживца княгини Воротынской — одоевца И. Офросимова. См.: Разрядный приказ. Опись столбцов дополнительного отдела. М., 1950. С. 26.

мом, а Старым режимом. По-видимому, такое словоупотребление правильно, поскольку при абсолютизме феодальные порядки были уже анахронизмом.

3. Централизация управления в Московском государстве, проявившая себя уже в XV в. при великом князе Иване III (правил с 1462 по 1505 г.), не давала русским историкам основания видеть феодализм в этом государстве, начиная по крайней мере со следующего XVI в. Но до этого в пределах Северо-Восточной Руси несколько веков существовала так называемая удельная система в виде конгломерата княжеств, зависимых, полу — зависимых и не зависимых одно от другого⁸. Князья — Рюриковичи, а затем и Гедиминовичи, правили в своих княжествах домашними способами, и это дало повод ряду историков (например, Н.М. Карамзину) отрицать существование государственности в Северо-Восточной Руси до московского великого князя Ивана III; ведь у тогдашних князей не было выраженного аппарата управления.

По-другому подошел к оценке удельной политической системы петербургский профессор Н.П. Павлов-Сильванский (1869—1907). В договорных грамотах между князьями удельного периода, где один из них признавал другого отцом или старшим братом (независимо от действительного степени родства между ними), он увидел известные на Западе отношения между сюзереном и его вассалом. Это обстоятельство, как и некоторые другие, дали Павлову-Сильванскому основание, для того чтобы прилагать к удельному периоду термин «феодализм»⁹.

Что касается самого слова «феодализм», то в древнем русском языке его, естественно, не было. Не было и ряда политических особенностей, которые считаются типичными для эпохи феодализма во Франции или в Германии. По-видимому,

8. Начиная с наследников Ивана Калиты (после 1340 г.) в Московском княжестве появились временные (по идее) и подчиненные Москве уделы младших сыновей правящих князей; такие уделы сохранялись еще в XVI в. Возможно, с этого момента понятие «удельная система» в применении к Московскому государству следовало бы придавать более узкий смысл.

9. См.: Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси. М., 1926.

на Руси существовал *не весь* комплекс феодальных отношений, известный в Западной Европе, а лишь *некоторые* из них. Тем не менее, значение договорных межкняжеских отношений не следует умалять. Договорные отношения закрепляли относительно мирные границы между княжествами. Договоры сокращали число других спорных вопросов, которые могли рассорить соседей. Такой порядок выгодно отличал эпоху феодализма (феодальную раздробленность) от более раннего периода так называемой военной демократии (он же период варварства), когда война была почти нормальным состоянием общества¹⁰.

4. Согласно Марксу (1818–1883) феодализм – это одна из общественных формаций (ступеней) в истории человеческого общества. Понятие «общественная формация» Маркс впервые употребил в 1851 г. в своей работе «Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта». Более широкое понятие «Экономические общественные формации» появляются у Маркса в 1859 г. в предисловии к его работе «К критике политической экономии». Согласно представлениям Маркса о ходе истории, человеческое общество развивается по строгим законам от некоего первобытно-общинного строя к коммунистическому обществу через рабство («античность»), «феодализм» и «капитализм». Каждому этому термину Маркс приписал самое широкое значение, вложив в него понятие о некоей «общественно-экономической формации»¹¹. Маркс придерживался также более общей схемы, согласно которой история человечества разделяется на три основных этапа: бесклассовое (первобытное)

10. С этих позиций нельзя согласиться с М.Е. Салтыковым-Щедриным, который видел в удельной Руси (феодальной, по Павлову-Сильванскому) одну «удельную резню» и «удельную поножовщину».

11. Приведенные термины приходится брать в кавычки, ибо отсутствуют не только точные определения каждой «общественно-экономической формации», но не выяснены их временные границы. В 1924 г. И. В. Сталин, выступая в Коминтерне, называл лишь круглые цифры, сколько лет понадобилось для победы соответственно «феодализму» и «капитализму». От примеров он воздержался.

общество; классовое общество; снова бесклассовое (коммунистическое) — на более высокой ступени¹².

В работах Маркса и Энгельса нет дефиниции феодализма, равно как и формального определения других общественно-экономических формаций¹³. Такое положение способствовало и способствует тому, что можно назвать расплывчатым использованием терминов, которыми Маркс обозначал свои формации. Не избежал этой участи и «феодализм». С легкой руки ряда историков образованные люди использовали и используют термин «феодал» так же, как тургеневский Базаров, т.е. как критическое или даже как бранное слово. В публицистике термин «феодализм» употребляется иногда в тех случаях, когда приводится описание самовольных действий местной власти, вызывающее аналогию с феодальной раздробленностью. Как критический термин, выражающий неоправданную жестокость центральной власти по отношению к народу, слово «феодализм» употреблял Н.И. Бухарин в конце 1920-х годов. Он называл сталинскую политику в деревне «военно-феодальной» эксплуатацией крестьян. Но при таком словоупотреблении «феодализм» превратился в весьма неопределенный термин.

В СССР тезис Павлова-Сильванского о феодализме на Руси был принят как подтверждение всемирно-исторической схемы Маркса, хотя о самом авторе этого тезиса в СССР упоминали редко, поскольку марксистом он не был. Хотя «феодализм» в Европе соприкасался с эпохой варварства (и даже вышел из него), советские историки старались не затрагивать их соотношение, ибо варварство не соответствовало ни одной из формаций, предложенных Марксом.

12. Эту сокращенную схему Маркса можно представить как те же три предложенные им этапа, но выраженные в государственных терминах. Первый этап — безгосударственный, второй этап — государственный, третий этап — снова безгосударственный. Такую схему допустимо называть «развитием по спирали». Но можно ли Марксовы представления об историческом процессе укладывать в рамки известного тезиса об «Отрицании отрицания» — вопрос для философов. Я бы назвал такие представления умозрительными, т.е. не обязательно отвечающими действительности.

13. См.: Теория общественно-экономической формации. АН СССР, Институт философии. М., 1982.

Например, в Киевской Руси существовал строй дружинной (военной) демократии. Московский профессор С.В. Юшков (1888–1952) – специалист по Киевской Руси, не вступая в прямую полемику с Марксом, назвал эту Русь дофеодальным государством. Из его утверждений вытекало, что обширные пространства леса, степи, тундры не знали по крайней мере некоторых их тех «общественно-экономических формаций», о которых упоминал Маркс. Правда, Маркс, как будто, и сам признавал особый «азиатский способ производства» в Древнем Египте и Вавилоне, который выламывался из его схемы. Но многие историки-марксисты предпочитали не обращать внимания на нестыковки в схеме Маркса.

Например, не все ладно у Маркса было с «рабовладельческой формацией». В марксистской исторической литературе нередко фигурируют термины: «раб», «рабство», «рабовладельческий строй», «рабовладельческое государство», но эти термины не имеют признанного значения¹⁴. В России в первой половине XIX в. наименование крепостных крестьян «рабами» было распространено в дворянских кругах. В «Деревне» Пушкина можно прочесть: «Здесь Рабство тощее влачится по браздам неумолимого Владельца». И далее: «Опора милая стареющих отцов, молодые сыновья, товарищи трудов, из хижины родной идут собой умножить дворовые толпы измученных рабов». В последних строках «Деревни» Пушкин мечтал увидеть «Рабство, падшее по манию царя». Через тридцать с лишним лет Некрасов написал о Крестьянской реформе 1861 г.: «Я видел красный день. В России нет раба».

Как принято считать, евреи в Египте были рабами. Но из текста Библии видно, что рабством они называли принуждение их, скотоводов, к работам для нужд земледельцев:

14. На это обстоятельство, применительно к странам Древнего Востока, указал А.П. Новосельцев в книге (написанной совместно с В.Т. Пашуто и Л.В. Черепнинным) «Пути развития феодализма» (М., 1972. С. 17). Заслуживает внимания, что Маркс одну из предложенных им общественно-экономических формаций, которую в марксистских кругах России принято называть рабовладельческой, не называл так. Он именовал ее «античность».

изготовление саманных кирпичей, которые скорее всего шли на создание валов; валы отсекали поднявшиеся и разлившиеся воды Нила и позволяли производить посев на впитавшей воду земле. Как можно полагать, вновь создававшиеся земледельческие лиманы располагались на площадях, где прежде были пастбища и сенокосы. Недовольство скотоводов должно было питаться обеими причинами: не только тем, что их привлекали к общественным работам в пользу земледельцев, но также результатами этих работ, которые лишали ценных угодий самих скотоводов.

Таким образом, в разное время и в разных странах словам: «раб», «рабство» современники придавали *неодинаковый* смысл, поэтому базировать на этих словах и на связанных с ними обычаях целую историческую эпоху, называемую общественно-исторической формацией, представляется необоснованным¹⁵. Но и с феодализмом дело обстоит не лучше. Поскольку «феодализм» это — иерархический политический строй, и одновременно (или в некоторые периоды) — система крепостнических отношений, разные исследователи понимали и понимают его неодинаково. Но тем самым понятие феодализма оказывается размытым.

Неудивительно, что некоторые зарубежные исследователи приходили к пессимистическому выводу относительно определения феодальной системы: «Нельзя высказать ни одного общего положения, которому не противоречило бы множество частных случаев. Поэтому ни один ученый не отважился выступить с общим сочинением о феодальном порядке»¹⁶. Такое мнение было высказано двумя французскими авторами еще в начале XX в. О разброде в исторической науке относительно понимания феодализма пишут также отечественные историки — наши старшие современники¹⁷.

15. Немецкий профессор Э. Майер (Мейер) в своем труде «Экономическое развитие древнего мира» (М., 1910) доказывал, что в Древнем Риме рабы частных лиц были не столько производителями, сколько домашними слугами. Майер оставлял в стороне вопрос о государственных рабах.

16. Лависс Э., Рембо А. Эпоха крестовых походов. Пер. М.О. Гершензона. Ч. 1. М., 1914. С. 1.

17. См.: Новосельцев А.П., Пауцто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. М., 1972.

5. Трудности с пониманием и определением феодализма на этом не кончаются, ибо эти трудности питаются тремя дополнительными причинами.

1. Во-первых, смысл ряда терминов, относящихся к феодализму (и не только к феодализму), менялся со временем. Например, некоторые исследователи утверждают, что «лен» и «бенефиций» могли перетекать в «феод», обладатель которого занимал более высокое общественное положение по сравнению с тем, кто носил титул ленника или бенефициария¹⁸. Условное держание — «лен» со временем могло перейти также в более прочное владение — «аллод». Таким образом, один и тот же титул в разное время и при разных обстоятельствах мог обозначать лиц, занимающих разное положение в обществе и государстве. Какие именно титулы дают основание разным авторам считать то или иное лицо феодалом, остается не всегда ясным. В Московском государстве до середины XVI в. существовали *кормления*, привязанные к определенным территориям. Эти территории предоставлялись только *во временное* управление и пользование (в смысле сбора налогов в свою пользу) заслуженным лицам — кормленщикам. Кормления напоминают западноевропейский бенефиций. Но отечественные историки не называют кормления бенефициями¹⁹.

В истории Руси можно проследить изменение понятия «вотчина». В конце XI в. во времена Киевской Руси (и позднее) вотчина обозначала *княжество*, где сын правил после отца (решение съезда князей в Любече). Такой порядок противопоставлялся так называемому старшинству, когда престол наследовал старший в роде, обычно — брат умершего князя. Но в последующие века под вотчиной стали понимать также наследственное владение привилегированного лица, *подчиненного* княжеской власти²⁰. Понятие вотчины размылось.

18. Советский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 707.

19. См.: Тихомиров М.Н. Условное феодальное держание на Руси XII в. Сб. Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню семидесятилетия. М., 1952. С. 100–104.

20. Борисов Н. Дмитрий Донской. М., 2014. С. 479. Можно предполагать, что в Московском государстве понятие «вотчины», в смысле частного владения, появилось только во времена Дмитрия Донского, т.е. во второй половине XIV в.

Ближе к XVIII в. к статусу вотчин стали приближаться поместья — условные держания высшего слоя служилых людей. В 1730-х годах в правление Анны Иоанновны поместья были приравнены к вотчинам; на те и другие был распространен термин «имения». Впоследствии же термином «вотчинное право» законы России обозначали вообще право частной (обычно поземельной) собственности. Политический термин приобрел, в конце концов, гражданско-правовой смысл.

Размытый смысл оказался и у слова «владелец». В XVII—XVIII вв. (а возможно и раньше) под владельцем в Московском государстве понимали лицо, близкое к частному собственнику. Но термин «владелец» использовался также для обозначения абсолютного монарха, суверена²¹. Таким образом, один и тот же термин применялся для описания и экономических (частно-правовых), и политических (публично-правовых) отношений. Значение владельца в смысле государя со временем отпало; остался владелец, близкий к собственнику. Это последнее понимание является господствующим и в наше время. Что касается применения этого термина в старинных документах, то различать, в каком смысле они употребляют слово «владелец», приходится по смыслу.

2. Во-вторых, ряд историков допускает неоправданное понижение социального ранга некоторых терминов, в действительности относящихся (как я понимаю) к регулированию отношений только в пределах *верхушки* общества. Примером может служить термин «коммендация». Термин этот — чисто юридический, понять его легче на примере. Начиная с XIV в., Москва присоединяла к себе удельные княжения, принадлежавшие другим великим княжествам (впрочем, со временем очередь дошла и до соседних великих княжеств, таких как Ярославское, Тверское, Рязанское и некоторых других). При этом прежние удельные князья, вольно или невольно переходившие в подчинение Московского великого князя и становившиеся его

21. См.: Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2. М., 1975.

подручниками, сохраняли владетельные права в своих княжествах. Выражаясь языком западно-европейских феодальных грамот, они совершали так называемую коммэндацию: как бы передавали свои земли великому князю и получали от него их обратно, но уже с обязательством служить ему²². (Для Московского государства формула передачи земли и получения ее обратно, неизвестна, но этот вопрос относится уже к юридической терминологии.)

Тем не менее некоторые историки феодализма термин «коммэндация» относят не только к княжеским отношениям. Коммэндация изображается иногда как *универсальный* инструмент, применяемый на разных ступенях общественной лестницы. Например, коммэндацию понимают как уступку земли феодалу со стороны некоего вольного землепашца, т. е. на производственном уровне. Однако такое понимание коммэндации, как минимум, страдает тем, что можно назвать неисторичностью. В самом деле, если в какой-то момент землепашец ради защиты от внешней угрозы вынуждается отдать свою землю некому феодалу, чтобы получить от него эту землю обратно (уже на даннических условиях), то почему такая уступка не произошла ранее? И почему не позднее? Кроме того, возникает вопрос, почему земледелец отдает под власть феодала свою землю, а не себя самого.

По всей видимости, коммэндация касалась регулирования отношений только в среде власть имущих лиц; никакой коммэндации на низовом уровне не происходило. Основная сфера ее действия — право сбора налогов и наложения натуральных повинностей на население в границах определенной территории. Выражаясь юридическим языком, коммэндация была публично-правовым, а не частно-правовым актом.

22. Именно такое понимание коммэндации представил Л.В. Черепнин в книге (написанной совместно с В.Т. Пашутой и А.П. Новосельцевым) «Пути развития феодализма» (М., 1972. С. 208). Однако тот же Л.В. Черепнин, следуя спорной традиции, не раз упоминает о «крестьянах — аллодистах» (в смысле собственников), как если бы речь шла о людях, стоявших на одной из высших ступеней феодального общества.

3. Многие авторы плохо различают, в каком качестве государь или управомоченное им лицо имели право на продукт земледельца : в качестве собственника земли или в качестве суверена. В первом случае мы имеем дело с земельной рентой, во втором случае — с налогом. В своем «Капитале» Карл Маркс нашел ошибку у английского автора XVIII в. Джемса Стюарта. Как считал Маркс, Стюарт не разобрался в общественных отношениях в пределах горной Шотландии. Выплачиваемую лидерам кланов дань со стороны подвластных им лиц Стюарт ошибочно объявил земельной рентой²³.

Некоторые исследователи плохо различали налоги и причитающиеся государству хозяйственные платежи даже в том обществе, в котором они сами жили. Одним из первых исследователей, кто неосновательно придал государственному налогу на имущество характер частного платежа, был Мерсье де ла Ривьер (1720–1793). Учитывая возросшее в его время значение права собственности, этот французский автор утверждал, что король облагает имущество (землю) своих подданных на том основании, что имеет такое же право собственности на облагаемое имущество, как и его (имущества) юридический собственник. Мерсье полагал, что король является *со-собственником* облагаемого имущества. В таком качестве он и получает право на долю дохода в общем имуществе²⁴. Хотя тезис Мерсье открыто не был принят ни монархами, ни финансистами, он отражал, по-видимому, распространенное представление в обществе. В частности, представление о двоякой собственности излагал Энгельс в его «Эльберфельдских речах» в феврале 1845 г.²⁵ Это неправильное представление переносилось и на прошедшие века.

23. Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные произведения. Т. 2. М., 1966. С. 121.

24. *Mercier de la Riviere*. L'Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques. V. 1–2. Londer-Paris, 1767.

25. «Право взимания налогов во всех странах выводится из так называемой собственности. В самом деле, либо частная собственность священна — тогда нет национальной собственности, и государство не имеет права взимать налоги; либо государство это право имеет — тогда частная собственность не священна, тогда национальная собственность стоит выше частной

Многие отечественные историки исходили и исходят из того неверного тезиса, что государство на Руси получало подати, налагаемые на землю, не в качестве политического органа, а в качестве *собственника* земли. Иногда эту собственность называют верховной собственностью. Действительно, формула верховной собственности присутствовала в законодательстве некоторых стран (хотя она вряд ли правильно отражала действительность), например в Турции. Ссылаясь на турецкое законодательство, русские власти объявили весь перешедший в 1878 г. под их контроль район Батума собственностью казны. Это вызвало протест ряда российских граждан, купивших землю у турок²⁶.

В России при императрице Анне Иоанновне (1730–1740) существовала Канцелярия по конфискациям, которая отнимала имения у дворян, неисправно несущих государственную службу. Но понятия верховной собственности в России не было. Право конфискации считалось полномочием державной власти монарха, а вовсе не его частным правом, как верховного собственника. Доктрина верховной собственности на землю предстает вообще как принципиальная ошибка, ибо она мешает правильному пониманию и правильному решению проблемы собственности. Нет сомнения, что провозглашенное верховное право собственности суверена на землю во многих случаях, или даже всегда, скрывало *политическую* власть суверена. Но почему государи в некоторых странах считали удобным свою суверенную власть маскировать под верховную собственность — вопрос непроясненный.

Смещение налога и рентного платежа запутывает современного читателя, ибо ему неясно, *кто* такой «феодал» (или иное лицо с феодальным титулом): властитель или же привилегированный собственник земли. Неопределенность может при-

собственности, и настоящим собственником является государство. Этот последний принцип общепризнан» (Маркс К. и Энгельс Ф. Т. 2. Сочинения. М., 1955. С. 544–545).

26. Сб. «Батумское побережье». Батуми, 1911. С. 76. Автор (Анисимов) указывал, что в 1902 г. российским гражданам, владельцам земель, которые они купили у (выехавших) турок, было разрешено вторично выкупить свои земли, на этот раз у казны, по цене 6 руб. 25 коп. за десятина.

существовать также в выражении «право на землю» привилегированного лица, ибо это право может отражать его *политические* полномочия на сбор налога (с той же земли), а может выражать тот факт, что земля принадлежит ему как собственнику.

В 1920–1930-х гг. среди советских историков шел спор о природе помещичьих доходов в дореформенной России (до 1861 г.). Позиции спорящих сторон сводились к двум противоположным по смыслу парам слов: «экономическое принуждение» и «внеэкономическое принуждение» — по отношению к подвластным господам крестьянам. Спор этот не был доведен до конца. Но в наше время к нему присоединилась видный историк-аграрник Е.И. Индова. Она установила, что крестьянин отдавал помещику долю от продуктов своего труда, «даже если *они* были получены *вне* земледельческих занятий». Это означало, что оседавшие на землю помещики продолжали традицию *обложения* приданного им населения, причем объектом обложения не обязательно была земля. Е.И. Индова назвала этот процесс «наступлением на землю и на личную свободу крестьян»²⁷. Можно вспомнить также статью А.И. Герцена «Крещеная собственность» 1858 г.: «Чем больше способностей, тем больше требует барин». По Герцену, власть помещика над крестьянином в дореформенной России выходила далеко за пределы одной только собственности на землю.

В дореформенной России помещики, которые «присвоили себе насильственной лозой и труд, и собственность, и время земледельца» (Пушкин), опирались на *державные (публичные) права*, часть которых им уступила государственная власть, а вовсе не на свои права на землю. Этот врученный помещикам пучок прав *не* затрагивал суверенные полномочия государства.

Часть авторитетных русских историков (Карамзин, Ключевский и др.), которые уделяли внимание удельному периоду на Руси, склонны были недооценивать налоговые

27. Индова Е.И. Российское законодательство X–XX веков. Т. 5. М., 1991. С. 8. (Введение).

(как мы бы сказали) отношения того времени; они предпочитали видеть в них отношения собственности. Скорее всего, их вводил в заблуждение недостаточно развитый юридический язык древних актов, поскольку в тогдашних документах князья называли *своими владениями* то, на что распространялась их политическая власть, но отнюдь не право собственности в нашем понимании.

В качестве небезобидного парадокса в современной хозяйственной практике нередко наблюдается *обратная* картина. В России за добычу полезных ископаемых с их разработчиков требуют уплаты не природной ренты, принадлежащей государству как собственнику недр, а *налога* на добытые полезные ископаемые. Соответственно, сбор налога поручается налоговой службе, которая (естественно) не разбирается и не обязана разбираться ни в качестве добываемого сырья и топлива, ни в горно-геологических условиях добычи, ни в транспортном положении мест добычи, ни в рыночных ценах. Аналогичное положение существует в лесном хозяйстве, где лесозаготовители вносят плату за вырубку принадлежащих государству древостоев не органу лесного хозяйства, а той же налоговой службе. С исторической точки зрения такой порядок является анахронизмом²⁸.

Перечисленные трудности прочтения древних актов способствуют разнобою с пониманием феодализма в исторической науке.

б. Доказал ли кто-нибудь существование общественно-экономической формации под названием феодализм? Относительно предложенных им формаций, включая феодализм, Маркс высказывался *походя*, как если бы их существование не требовало доказательств. Поскольку никаких четких определений своим формациям Маркс не дал, некоторые русские последователи Маркса, например С.М. Дубровский (1900–1970), пытались упорядочить схему исторических формаций, но без особого успеха²⁹. В современной русской

28. См.: Шейнин Л.Б. Монопольные и другие не выровненные цены. М., 2013. С. 206–214.

29. См.: Дубровский С.М. К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитализма. М., 1929. Тогдашние историки-охранители «закле-

исторической литературе Марксова концепция формаций признается, хотя в нее и вносятся некоторые поправки³⁰. Таким образом, обоснованность предложенных Марксом общественно-экономических формаций, включая феодализм, внушает известные сомнения.

Тем не менее, было бы неразумно отрицать, что по крайней мере в ряде стран Европы существовала эпоха феодализма как *политического* строя, в котором вторые ступени власти получали если не весь набор суверенных полномочий, то по крайней мере существенную его часть. Логично поставить вопрос о времени существования этого строя. Историческая традиция привязывает феодализм к Средним векам. К нему не относят XVIII в. европейской истории, а по многим доктринам — также XVII и XVI вв., которые приписывают Новому времени. С точки зрения политической истории такая периодизация не вызывает сомнения, ибо уже в XVI в. в ряде стран Западной Европы, а также в России, побеждает централизованная система государственной власти, обычно называемая Абсолютизмом (впоследствии — Просвещенным абсолютизмом). Примерно к XVI в. относят отмену в странах Западной Европы серважа, в котором пребывала значительная часть сельского населения и который обычно ассоциируют с крепостным состоянием.

В 1861 г., когда в России пало крепостное право, плотность сельского населения в зоне помещичьего землевладения достигла такого уровня, что дворянам-помещикам был гарантирован доход от земли, *не зависящий от их командных прав* в отношении сельского населения. У бывших помещичьих крестьян не хватало земли (особенно лугов и выпасов), и они вынуждены были арендовать ее у своих бывших господ. Что касается *права собственности* помещиков на земли в их

вали» Дубровского. Ведь всякая попытка прояснить историческую схему Маркса должна была обнажить шаткость этой схемы, а следовательно — вызвать сомнение в правильности политической доктрины, которая господствовала в СССР.

30. См.: *Илюшечкин В.П.* Теория стадийного развития общества. М: Изд. восточной литературы РАН, 1996.

имениях, то оно было гарантировано им еще за 80 лет до того Екатериной II в ее «милостивом указе» 1782 г. Напрашивается догадка, что аналогичное положение с достаточной плотностью сельского населения (и с его повышенным спросом на землю) возникло в свое время в Западной Европе, в результате чего там и произошла отмена серважа.

Можно полагать, что XVI в. — крайний срок для существования феодализма как в Западной Европе, так и в Московском государстве. Но в отношении России историческая наука советского периода считала по-другому. Она обращала внимание не столько на централизацию власти, которая произошла уже в XVI в., сколько на факт *личной зависимости* крепостных крестьян от своих господ.

Однако при таком подходе на задний план уходило то важное обстоятельство, что власть помещиков над их крестьянами была установлена *прежде всего в интересах государства*. В отношении своих крестьян помещики выступали в роли агентов государства. Из некоторых документов первой половины XIX века видно, что отказ крестьян от работы на помещика приравнивался к бунту³¹.

Личную зависимость помещичьих крестьян от своих господ многие историки считали решающим обстоятельством для применения к тогдашним аграрным отношениям понятия «феодализм». Но они упускали из виду, что эта зависимость была (если можно так выразиться) административно-финансовой, но никак не политической. У дворян не было суверенной власти в отношении подчиненного им сельского населения. К этому можно добавить, что к 1861 г. в России насчитывалось около 20 млн государственных крестьян, т. е. примерно столько же, сколько помещичьих. Государственными крестьянами в административно-финансовом отношении ведали государственные чиновники, но все эти 20 млн человек НЕ находились в личной зависимости от управ-

31. См.: Шейнин Л.Б. Частные долги или налоговая нагрузка? (О происхождении крепостного права в России) // Педагогика, общество, право. 2014. №3. С. 93–103.

ляющих ими лиц. В положении помещичьих и государственных крестьян были существенные различия, но эти различия не расставляли крестьян, помещичьих и государственных, по разным эпохам. Все податное население было подчинено одной и той же государственной власти, которая самодержавно устанавливала порядок управления, распоряжалась повинностями всех категорий крестьян, их бытом и их судьбой.

7. Еще не так давно многие отечественные историки исходили из того положения, что до 1861 г. Россия переживала феодализм, или феодально-крепостнический строй. Трудно представить, что они были глухи к фактам — хотя авторитет Маркса, наверняка, давил на их научные представления. Тем не менее, для них оказалось проще, удобнее и безопаснее именовать русских помещиков еще в первой половине XIX в. феодалами, а при описании тогдашних аграрных и неаграрных порядков навешивать на них феодальные ярлыки. Одним авторитетом Маркса такое явление объяснить трудно. По всей видимости, здесь сказывался политический заказ.

Имел ли «феодализм» отношение к официальному лозунгу 1960-х годов «Верной дорогой идете, товарищи!» (на плакатах этот лозунг провозглашал Ленин). Да, самое прямое. Мемуаристы, описывавшие выступления Н.С. Хрущёва в США, отмечали, что он внушал своим слушателям бесполезность противодействия коммунизму. Главным его доводом была Марксова схема, по которой одна общественно-экономическая формация сменяется другой — вплоть до коммунизма. Хрущёв считал эту схему очевидной и бесспорной. Ход его рассуждений в принципе не отличался от идеологического наступления, которое применяли монгольские ханы в XIII в. К Великому князю, например Владимирскому, прибывал ханский посол и заявлял примерно следующее: «Всевышний отдал Вселенную моему повелителю. Ему уже покорились такие-то правители и земли. Ты тоже должен признать его власть и принести ему свою покорность».

В справедливость Марксовой исторической схемы верил не один Хрущёв. Освящалась эта схема авторитетом Маркса, который считался и выдавался за самого ученого человека

всех времен и народов. Подкреплялась она опытом России. В самом деле, разве Октябрьская революция победила не под знаменем марксизма? Разве многие правители из стран Третьего мира, стремившиеся быстрее преодолеть их отсталость, не заявляли о своей приверженности учению Маркса?

При этом, однако, забывалось, что добивавшиеся успеха революционеры, считавшие себя марксистами, делали совсем не то, чему учила теория Маркса. Лидеры же стран Европы, Азии, Африки, Америки, которые пытались делать все по Марксу, сходили с политической сцены.

Руководители СССР внедряли свою веру миллионам соотечественников (и не соотечественников тоже), идея о железной последовательности смены капитализма социализмом, а затем коммунизмом, в десятках вариантах присутствовала в книгах, газетах и журналах, звучала и преподносилась по радио и телевидению. Ее повторяли самые авторитетные люди страны. В этой же обстановке росли и воспитывались ученые историки. Спрашивается, как следовало им оценивать отношения в обществе, предшествовавшие Крестьянской реформе – то, что было до 1861 г.? Вольно или невольно они должны были говорить и писать об экономике дореформенной России как о феодально-крепостнической. Поэтому огромный массив отечественной научной и популярной литературы, относящийся к Новому времени, оказался прочно забит феодальной терминологией, претендующей на научность, но на деле сбивающей читателя с толку.

Ученым историкам и не историкам следовало бы пожелать не следовать рецепту хитроумного Вагнера (из гетевского «Фауста»), который советовал своим коллегам: «Коль недочет в понятиях случится, словечком можно заменить». Феодализм в разных его видах есть эпоха в политической истории ряда стран, в том числе России; эта эпоха заслуживает внимания, изучения, разбивки, истолкования. Феодализм не должен выступать в качестве поверхностного, неопределенного или порочащего слова.

И.Э. Фролов¹

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ ДЕНЕГ И РЫНКА
И ИХ ТЕОРЕТИКО-СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ КАК ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ОБЪЕКТИВАЦИЙ²

В статье рассматривается проблема действительного описания экономических и финансовых взаимодействий с использованием нового категориального аппарата, включающего категории «объективация», «воспроизводство» и «мир». Показан метод исследований общих экономических объективаций (сфер деятельности). Обоснована новая гипотеза возникновения монетного обращения, а также реконструированы функции денег, отличающие их от выделенных товаров-посредников. Дополнительно рассмотрены социокультурные условия возникновения и объективации товарных рынков с реконструкцией их особых функций. Приведена формализация структуры денежного обращения и возможные направления операционализации концепта «деньги».

Ключевые слова: общественная объективация, воспроизводство, возникновение денег, функции рынка, меновая стоимость.

Введение в проблему

Доминирующие в настоящее время большое многообразие теорий и моделей денег и рынков, как правило, исходят из классической политэкономической или неоклассической традиций.

-
1. **Игорь Эдуардович Фролов** – д.э.н., зав. лабораторией Института народнохозяйственного прогнозирования РАН.
 2. Автор выражает благодарность к.ф.н., доц. МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Чусову, к.ф.н., с.н.с. Института экономики РАН О.Б. Кошовец, д.э.н., в.н.с. Института экономики РАН П.А. Ореховскому, к.и.н., зав. отделом нумизматики Государственного исторического музея И.В. Ширякову за критические замечания и идеи, высказанные при работе над настоящей статьей.

Теорий и концепций происхождения денег множество: традиционно их сводят либо к 1) многообразию теорий товарного происхождения денег, где деньги появляются в результате исторического процесса, когда в процессе развития рыночных отношений ряд предметов обмена выделились (но неизвестно как!) из общей товарной массы и стали играть особую роль — всеобщего эквивалента, либо к 2) многообразию номиналистических (рационалистических) теоретических концепций, указывающих в той или иной степени на сознательность введения денег (субъектом может быть государство или другой суверен), которые зачастую отождествляются с монетами или другими денежными средствами. В более развитых теоретических конструкциях особо подчеркивается, например, скорость обращения денежных средств (англ. — *velocity of circulation*) как выделенная величина, влияющая на функции денег. В настоящее время развивается взгляд на деньги как на финансовую категорию, в рамках которой деньги, в частности, являются активом с максимальной ликвидностью. С вопросом возникновения рынка дело обстоит еще хуже — традиционно его сводят к *сфере обмена*, обычно не проблематизируя как сами условия возникновения обменных операций, так и более сложные формы взаимодействий, специфицирующие особые функции рынка.

Но, во-первых, сами эти подходы в ходе их длительного исторического развития стали существенно онтологически и методологически неоднородными, а если рассмотреть ключевые предпосылки и компоненты, например, неоклассических школ, то они, как правило, дополнительно плохо исторически аргументированы и нереалистичны. Все это приводит к взаимной критике и многочисленным дискуссиям, длящимся десятилетиями.

Во-вторых, неудовлетворенность результатами построения очередной теоретической модели какого-либо экономического или финансового явления заставляет исследователей вновь пытаться переформулировать известные или сформулировать свои определения. Но при этом многообразии раз-

личных определений, в частности денег, настолько велико, что порождает, например, такие высказывания: «Если кто-то хочет дать им [деньгам] определение, оно неизменно ускользает. Деньги, одновременно реальность и фикцию, субстанцию и функцию, цель и средство завоевания, прибежище и исключаящую ценность, движущую силу и конечную цель отношений, невозможно заключить в единое целое, равно как нельзя свести ни к одной из этих составных частей»³ — или: «... [существует] загадка природы и происхождения денег. Самыми острыми умами было исписано на эту тему немало страниц. Но и сегодня мы вынуждены признать, что не сумели раскрыть эту тайну...»⁴ (курсив мой. — И.Ф.).

Настоящая статья исходит из других онтологических и методологических предпосылок и старается уйти от попытки сразу дать законченные и логически непротиворечивые дефиниции. Попытки априори установить какие-либо аксиоматические предпосылки и основания общей теории экономики и финансов, на взгляд автора, заранее обречены на провал, хотя бы в силу исторических изменений общественных объективаций.

В качестве альтернативного подхода предлагается сдвинуть проблему получения реальных определений с логического универсума в методологический (предметный). Тогда *существенные предпосылки* предмета исследования (в данном случае денег и рынка) должны *реально существовать* как предметные (объективированные) определенности в действительности, т.е. *самостоятельно воспроизводиться* в конкретной социокультурной исторической реальности. При этом автор отталкивается от теоретико-методологических взглядов К. Маркса, Д. Лукача, П. Бурдьё и отчасти Б. Латура.

-
3. Rigaudière, Albert. Conclusions // *L'argent au Moyen Age*: XXVIIIe congrès de la S.H.M.E.S., Clermont-Ferrand, 30 mai-1er juin 1997. Paris: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 318. (Цит. по: Ле Гофф, Ж. Средневековье и деньги: очерк исторической антропологии / Пер. с франц. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2010. С. 2).
 4. Радаев В.В. Предисловие научного редактора. В раб.: Зелизер В. Социальное значение денег: деньги на булавки, чеки, пособия по бедности и другие денежные единицы. Пер. с англ. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2004 (1994). С. 11.

Необходимо заметить, что автор не ставит задачей исследования анализ и критику существующих *теоретических взглядов* на происхождение денег и рынков по причине использования иных (более универсальных) метатеоретических оснований. Предварительным результатом является описание (реконструкция) системы указаний (в том числе и в формализованном виде) на действительные цепочки взаимодействий, объективация которых и порождает феномены денег и рынка. В силу высокой сложности объекта исследования и естественной ограниченности объемов статьи изложение результатов исследования вынужденно является излишне лапидарным.

I. Методологические компоненты исследования

Многие исследователи, как теоретики, так и прикладники, практически не рефлексируют над полученными в университетах знаниями, неявно полагая их фундаментальными. Поэтому для прояснения занимаемой автором позиции требуется ввести ряд достаточно сложных теоретических и предметных оснований, которые должны помочь читателю лучше представить ход и результаты исследования.

Оттолкнемся от известного положения: разные исследователи работают в различных парадигмах. Например, экономический мир (предмет исследования) можно описывать как категориальную связку «вещь-свойство (атрибут)». Тогда, в частности, деньги — это монета, банкнота, слиток золота и пр., т.е. некоторый объект материального мира. Другая парадигма более развита: в ней центральной категорией является «отношение». Тогда деньги — это отношения, возникающие между людьми в момент акта купли-продажи. Возможны и другие более развитые метатеоретические конструкции, например использование системного подхода, структурно-функционального и т.д. Но все эти онтологические парадигмы, на взгляд автора, недостаточно адекватны той сложности общественных отношений, с которой приходится сталкиваться

каждодневно. Здесь изложены предварительные результаты исследования, опирающиеся на другие, более универсальные онтологические основания, а именно на взаимодополняющие категории «объективация» и «воспроизводство», а также — «мир» и «конституирование».

Заметим, что категорию «объективация» как термин ввел еще немецкий философ А. Шопенгауэр. Мир у него есть *объективация* воли. Термин оказался удачным, хотя и мало востребованным вне философского дискурса. Для нас важно, что исторически возникли две традиции развития смыслов, вкладываемых в понятие «объективация». Первая традиция связана с творческим наследием К. Маркса, где «объективация» является одной из центральных категорий, хотя в русских переводах вариации термина «objectivation» (или «objectiviert») переводятся как «опредмечивание», «овеществление», но редко как «объективирование»⁵. Среди наиболее известных продолжателей этой линии можно упомянуть венгерского философа Д. Лукача, для которого объективация — это возникновение нового объекта, его появление «там, где его не было», «фиксация структуры»⁶, а также социолога П. Бурдьё, у которого «объективный мир создан из предметов, произведенных в результате операций объективации»⁷.

Вторая традиция смыслов связана с субъективной стороной объективации, а именно трансформацией мыслей, идей, представлений человека в нечто материальное. В развитии второй традиции можно упомянуть немецкого философа и психолога В. Дильтея, у которого «объективация» — это процесс выхода субъективного духа в чувственном мире, благодаря чему возникают стили жизни, формы общения, обычаи, право, религии, искусство, науки, философия и т.д. В рамках

5. Чусов А.В., Фролов И.Э. Об онтологической подструктуре диалектического метода (очерк развития) // Сб. Философские проблемы экономической науки. Институт экономики РАН, 2009. С. 59–133.

6. Лукач Д. Своеобразие эстетического. Т. 1. М.: 1985. С. 29, 53–62.

7. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, М.: Институт экспериментальной социологии, 2001. С. 151.

излагаемой парадигмы автору более близка первая позиция, как более универсальная, т.к. второе направление в ней также присутствует в виде парной категории – субъективации.

Под *общественной объективацией* здесь понимается фиксация структуры (т.е. сохранение некоторого инварианта) общественных феноменов, взаимодействий, практик, возникновение новой сферы деятельности людей, что взаимообусловлено как воспроизводством самих общественных объектов, так и воспроизводством части условий, обеспечивающих их существование. Также надо понимать, что «объективация» может означать процесс *становления* объекта, а может – *результат* этого становления, т.е., в частном случае, сам общественный объект. А под *общественным воспроизводством* (нем. – *Reproduktion*) понимается квазипериодически повторяющееся воссоздание локальных общественных объективаций в связанных с ними актах других объектов и субъектов. Результатом воспроизводственного цикла является воссоздание субъекта производства, структуры и условий производства, а также результатов производства, которые по совокупности становятся *началом* нового цикла. При этом важно, что воспроизводство никогда не бывает полным, т.е. при этом меняются как сами общественные объекты, так и условия их существования, поэтому исторически постоянно возникают многочисленные вариации общественной объективации, а ее инвариантом является структура⁸.

Заметим также, что объективация – это всегда выделение и становление определенного *интегрированного уровня взаимодействия*, ставшего самостоятельным, и, соответственно, возникновение и сохранение *новых функций* между общественными акторами. При этом необходимо различение уровней взаимодействия: типов целого объективации как

8. См. подробнее: Фролов И.Э. Размышления о применении экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях // Вопросы экономики, 2009. №12. С. 72–82; Чусов А., Фролов И. Указ. соч.; Кошовец О.Б., Фролов И.Э. Онтология и реальность: проблемы их соотношения в методологии экономической науки // Теоретическая экономика: онтология и этика. М.: Институт экономики РАН, 2013. С. 27–111.

некоторых единств (как «становящейся [нем. – werden sein] целостности» [нем. – Integrität, Totalität]) и «общего» [нем. – Gemein] – как того, что составляет основу (инвариантность) соединения гетерогенных компонентов объективации).

В ходе развития общественной объективации необходимо фиксировать ее особую сторону – *субъективацию*, т.е. формирования («фигурации» – по Б. Латуру) и объективирование особых типов распределенных коллективных субъектов на разных уровнях общественной реальности, их персонификацию и воспроизводство в качестве носителя (группы или индивида) обособившейся функции в структуре общественного субъекта. Как пример, можно указать на распределенного субъекта как на определенную фигурацию владельца капитала как доминирующего акционера в особом взаимодействии с топ-менеджментом компании.

Поскольку любая категория имеет две стороны – с одной стороны, фиксирующее компоненты данностей, обусловленных объективированными коллективными практиками, включенными в объективную действительность (внешняя сторона), а с другой – объективированные компоненты в универсуме представления, то для различения мы будем использовать кавычки. Если акцент делается на объективированные компоненты в универсуме представления, т.е. на концепты, смыслы, содержание, признаки определения и пр., то термин ставится в кавычки, если фокус смещен на указание на действительное, то без кавычек (иногда возможно дополнительное выделение курсивом)⁹.

«Мир»¹⁰ в первом приближении можно определить как текущий комплекс актуальных взаимодействий между объ-

9. См. подробнее: Кошовец О.Б., Фролов И.Э. Указ. соч. С. 67–87.

10. Идея множественности локальных миров внутри человеческого общества не нова, см., например, тезис И. Валлерстайна в Предисловии к изд. 2011 г. о различении «the World» и «a World». (См.: Валлерстайн И. Мир-система Модерна. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. С. XVIII–XIX). Но И. Валлерстайн не различает «мир» и «систему». Здесь же мы отталкиваемся от концепта «мир» в смысле И. Канта (введенного им в диссертации «О форме и принципах чувственного и умопостигаемого мира» (1770)), который определил его как

ективациями и результатами этих взаимодействий, локализуемый в пространстве и времени («здесь-и-теперь»), который частично воспроизводит (самоотождествляет и разотождествляет) упорядоченное изменение некоторого *единства*, но сам не воспроизводится собственными актами в смысле объективации. Ключевым отличием воспроизводства локального мира есть то, что для него существенно *становление*, которое является основанием открытости и разотождествления в отличие от объективации, для которой становление — подчиненный момент ее существования (идея А. Чусова).

«Мир» рассматривается здесь как дополняющая теоретическая конструкция к категории «объективация», и он *не замкнут* (не имеет границ, но имеет пределы), поскольку к локальному миру постоянно и, по мере их появления, «творятся» и «присоединяются» новые «места» и их отношения (диспозиции), которые затем *занимаются* возникающими и изменяющимися объектами, и в котором обнаруживаются все новые результаты действий.

При отождествлении локального мира происходит отождествление цепочек взаимодействий вхождений (пар) <объект (субъект), место «здесь-и-сейчас»¹¹>, что создает условия появления независимых *событий* (локальных констелляций взаимодействий, могущих стать зародышами новых локаль-

целое, которое не является частью чего-то другого, а контекстуально — как координацию субстанций (подробнее см.: Чусов А.В. Современный концепт «субъект» и онтологические аспекты его становления // Методология и история психологии. Субъект в философии и психологии. Т. 5. Вып. 1. Январь—март 2010. С. 19–31).

11. «Место» здесь понимается в самом широком смысле: не только в геометрическом или физическом смысле, но и в общественном, например должность президента фирмы, и т.д., а также в семантическом — место, например, подлежащего в предложении. Дополнительно, место «здесь-и-сейчас» предполагает не только пространственную определенность, но временную, как *момент*, т.е. рассматривается как *хроно-топ*. Причем «место» всегда рассматривается с *окрестностью*. «Окрестность» здесь понимается в топологическом смысле как открытое множество. Тогда важными характеристиками станут конструкты «близко» и «далеко». Например, для разных экономических взаимодействий по-разному: существует «близко» и «далеко». Если индивид покупает хлеб, то магазин (рынок) должен быть в шаговой доступности (близко), а на другой конец города за ним он не поедет, даже если хлеб там немного дешевле (далеко). Но вот для праздничной еды (например, экзотических фруктов) можно и поехать на другой конец города (близко).

ных миров)¹². Мир — это то, что постоянно находится в становлении, распаде и образовании нового. Заметим, что в мире всегда, помимо локальных взаимодействий, объективируются и транслокальные структуры. В таком определении мир не может быть объективацией (объектом, системой и пр.).

Дополнительно введем категорию «конституирование», которая в некотором смысле является парной категорией к категории «мир». Конституирование (от *lat. constitue* — формировать) одно из основных понятий так называемой «конститутивной феноменологии» Э. Гуссерля и обозначает специфическую активность сознания, при которой сознание не просто воспринимает внешние предметы, а продуцирует их из самих составляющих сознания, обеспечивая *предметное единство*. Но мы исходим из более ранней традиции, когда основной интуицией понимания, связанной с употреблением термина «конституирование» было «образование чего-то нового, но еще не сформировавшееся окончательно»¹³. Базовая характеристика конституирования — это то, что оно обеспечивает *единство* некоторого вза-

12. При рассмотрении единства мира в хозяйственном (экономическом) смысле можно использовать критерий временных интервалов осуществления предельных, но устойчивых географических связей дальней торговли. См., пример, когда Ф. Бродель цитирует Ф. Фрида (см.: *Fried, F. Le tournant de l'économie mondiale, 1942. P. 67–68*): «Если учесть все факторы, то мы приходим к выводу, что в эпоху римской античности все «мировое» экономическое пространство с помощью самых передовых транспортных средств можно было объехать *примерно за сорок–шестьдесят дней*; это пространство простиралось от Геркулесовых столбов до границ Парфянского царства и от устья Рейна до начала африканской пустыни. В наши дни (в 1939 г.) потребуется также приблизительно от сорока до шестидесяти дней, чтобы покрыть всю территорию современного мирового хозяйства, используя обычные средства доставки товаров, если пренебречь малозначительными участками, лишенными средств передвижения». Далее Ф. Бродель комментирует: «...речь может идти не о точных значениях, а только о *порядке величин*. В этом смысле в XVI веке Средиземноморье все еще *сохраняло прежние размеры*, хотя прошло целое тысячелетие ... если угодно, Средиземноморье XVI века соответствует, *mutatis mutandis*, всему мировому пространству 1939 года» (курсив мой. — И.Ф.) (*Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: в 3 ч. Ч. 2: Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М.А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 36–37*). Заметим, что скорость передвижения по дорогам римской эпохи принимается Ф. Фридом примерно 50 км в день.

13. См., напр.: «...*Конституирование политического государства* и разложение гражданского общества на независимых *индивидов*, — взаимоотношение которых выражается в *праве*, подобно тому как взаимоотношение людей сословного и цехового строя выражалось в *при-*

имодействия, которое еще *не объективировалось* и поэтому не образовало целостность.

Теперь изложим основные моменты метода, адекватного задаче построения теоретических конструктов большой синтетической теории развития глобальной экономики. Здесь под *методом*, в самом общем виде, понимается специфическая форма организации практики (включая обособившиеся эпистемологические средства и действия) исследователя по преобразованию через ряд этапов первичных данных и предшествующих знаний в новую, специфически типологизированную форму знания о заранее определенной (предшествующей и сопутствующей применению метода предметно-практической деятельности коллектива исследователей) области действительного мира.

Метод, как минимум, предполагает¹⁴: начало метода (налично данный набор *первичных данных* об общественной реальности, фиксируемых с помощью уже сформированного у исследователя *повседневного*¹⁵ научного знания); предопределенный тип результата применения метода; способы и результаты моделирования фрагментов мира, связанных с предметной областью; предопределенные типы общественных практик, в рамках которых возможна методологическая деятельность; особый тип субъектной позиции исследователя. Структурно метод состоит из методологических регулятивов и способов переходов между ними, среди которых, как минимум, надо выделять *методологические категории и принципы, начало метода, предметную логику*¹⁶ развертывания и *тип результата* применения метода.

вилегиш, — совершаются в одном и том же акте...» (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. М.: Изд. политической литературы, 1955–1966. Т. 1. С. 343.

14. См.: Чусов А.В. Четыре лекции о методе: Учебно-методическое пособие. М.: МАКС Пресс, 2009.

15. Категория «повседневность», или «повседневная жизнь» (нем. — Alltäglichkeit или Alltagsleben) здесь используется в смысле Д. Лукача.

16. *Предметная логика* здесь понимается как система указаний на реальную структуру методических действий и их результатов. См.: Чусов А.В. Начала предметного анализа методов (на примере метода Ф. Бэкона): Учебно-методическое пособие. М.: Макс Пресс, 2009. С. 4.

Для выбора *начала* исследования (в том числе и для данного исследования) критическим является конвенциональное соглашение о том, в какую эпоху и в каком регионе (стране) общественное явление принимается за *развитую* (*классическую*) *форму*, т.е. ту пространственно-временную локализацию хода исторических изменений, которая образовывала фиксируемую исследователями определенную устойчиво воспроизводящуюся становящуюся целостность. Такая целостность стремится развиваться до *целого* (в пределе до открытой общественной системы), создавая при этом собственную локальную историю. Терминологически степень развитости объективации можно выделять следующим образом: самую неразвитую форму, которая воспроизводится как момент в другом типе объективации, но уже может быть зафиксирована, назовем «праформа» (предшествующую — «предформа»). Если конституирование объективации в существенных чертах уже произошло и она стала относительно самостоятельной, но еще не достигла стадии зрелости, то обозначим ее как «протоформа». Объективация в развитой, классической форме имеет устойчивые закономерности развития. Критерием здесь является переход от относительной самостоятельности к *автономности*, т.е. объективации внутренних законосообразных связей, позволяющих обеспечить специфическую *устойчивую динамику* новой сферы деятельности за счет потребления нового типа ресурсов.

Закономерность в таком аспекте — это фиксируемые исследователем устойчивые последовательности событий (процесс) и/или результаты взаимодействий системообразующих (законосообразных) связей, воспроизводящих «материнскую» общественную объективацию, с другими объективациями, которые также имеют определенную направленность изменений во времени.

Идеальная схема специальной историко-методологической процедуры исследования наиболее общих хозяйственных, экономических, финансовых и иных общественных

объективаций состоит в последовательном проведении трех взаимосвязанных этапов исследований (см. рисунок):

- 1) историко-критический;
- 2) историко-систематический;
- 3) теоретико-концептуализирующий.

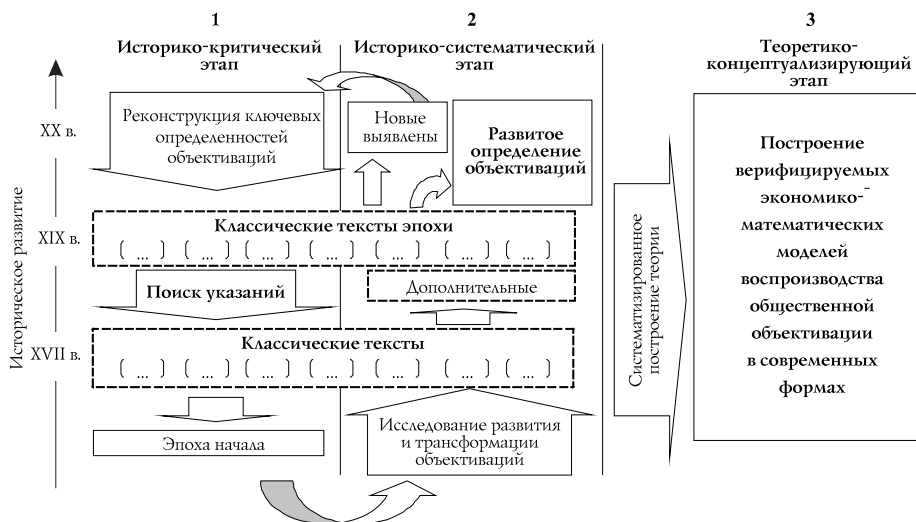

Рис. 1. Схема историко-методологической процедуры анализа общественных объективаций

1. Реальной проблемой, выбранной для анализа общественной объективации в развитой, классической форме является то, что она непосредственно непрозрачна (а иногда и невидима) для научных средств исследователя. В частности, это связано с тем, что она, как правило, является металокальным феноменом в отличие от индивида, всегда занимающего локальную позицию. Иначе говоря, исследователь одновременно не может увидеть не только все цепочки взаимодействий компонентов анализируемой целостности по отдельности, но и не способен охватить воспроизводство целостности как единой (металокальной или транслокальной) объективации. Поэтому исследователь явно или неявно их достраивает в теории (в регионе «должного» — по Э. Гуссерлю). Но более

короткие первичные цепочки взаимодействий, как правило, проявляются в период их формирования. Отсюда и возникает необходимость в ретроспективном исследовании.

В ходе историко-критического анализа той эпохи, которую исследователь выбирал в качестве базовой, выявляются как существенные, так и малообоснованные понятийные и категориальные схемы и отношения в текстах предшествующих классиков, на основе которых реконструируются действительные общественные (в том числе и экономические) *определенности*¹⁷ той же эпохи. При этом используются как техники феноменологического анализа «редукция», «деструкция», так и диалектические техники непосредственного и опосредованного «полагания» и «предполагания». Все эти техники представляют собой *методологические регулятивы*¹⁸. Они создают конкретную структуру общих научных операций анализа и синтеза. Применение методологических регулятивов позволяет определить слабые (т.е. недействительные) контекстуальные связи в текстах классиков. Хотя данность (а также совокупность практических знаний, интересов и потребностей, обусловленных позицией ученого/коллектива в общественном воспроизводстве) для исследователя представлена в виде текстов в широком смысле этого слова, но целью исследования является именно *реконструкция* экономических определенностей, которые здесь надо исследовать по *отдельности*. При этом с каждым шагом исследования приходится опускаться вниз в направлении, *обратном ходу исторического развития*, для определения *начала* возникновения исследуемой объективации. Важно, чтобы при движении вниз были найдены *инвариантные* структуры, воспроизводимые на протяжении *всей локальной истории* выделенной объективации, которые являются в некотором

17. *Определенность* (нем. – Bestimmtheit) здесь – это нечто, фиксируемое в предмете исследования и существующее в действительном мире (устойчивый результат или устойчивая сторона воспроизводящегося взаимодействия), проявляемое в том числе и на уровне повседневности в ходе общественной практики, включая мыследеятельность.

18. Чусов А., Фролов И. Указ. соч. С. 60–62, 85–86, 94–96, 120–127.

смысле базисом для вторичных объективаций, а с точки зрения предмета метакатегориальными конструкциями к выделенной категории¹⁹. Начальные абстрактные дефиниции экономических взаимодействий при этом конкретизируются, в идеале достигая реальных определений, действительных для конкретной историко-культурной локализации. На этой фазе исследования необходимо выявлять максимально простые (но не в логическом, а в историко-методологическом смысле) общественные отношения – «реальные абстракции» (К. Маркс). Одной из главных задач здесь становится *различение определенностей* познаваемого предмета. Это связано с созданием гносеологических и эпистемологических средств (включая и введение *особой терминологии*), которые дают возможность в ходе некоторой деятельности *различать* строение сложного предмета.

Границами исследуемого предмета здесь являются исторический период, предпосылки и условия *действительного возникновения* искомой объективации в конкретной историко-культурной и хозяйственно-географической локализации. Здесь завершается историко-критический этап применения метода. Выявление в истории *действительных предпосылок*²⁰ возникновения (начало самостоятельности) исследуемой объективации становится поворотом (*нем.* – *Umkehrung*) в исследовании.

2. Полученная совокупность понятий, категорий, рассуждений и других теоретических и эмпирических конструкций, воссоздающих начальные взаимодействия устойчи-

19. В частности, для истории объективации *деньги* более общей категорией является теоретическая конструкция «выделенный товар, служащий локальным эталоном меновых отношений» (например, серебро или золото).

20. В работах К. Маркса можно найти многочисленные места, из которых видны подобные структуры взаимодействий объектов с условиями мира, в который они включены. Например: «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольны... это – *действительные предпосылки*, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» (Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., Т. 3. С. 18) (курсив мой. – И.Ф.).

вого воспроизводства новой сферы деятельности, становится новым *исходным пунктом* (нем. — Ausgangspunkt) для второго этапа применения метода: исследования развивающейся общественной объективации. Критерий устойчивого воспроизводства этой сферы деятельности — *самостоятельная активность* новой объективации. Теперь исследователь двигается вверх, по ходу исторического развития, фиксируя и анализируя трансформацию выработанных теоретических и эмпирических конструктов, вследствие естественно-исторического развития объекта исследования (взаимодействия общественных объективаций, включая цепочки контингентных событий (в смысле Р. Лахмана)). Верификация полученных результатов должна осуществляться путем *моделирования* конкретных исторических ситуаций, совместимых с исторически зафиксированными реальными событиями. Существенным здесь становится применение метода историко-культурного анализа — реконструкции «потенциального текста культуры»²¹.

Типом результата на историко-систематическом этапе становится *описание* воспроизводства общественной объективации в *классической форме*. Для автора классическим периодом, на котором целесообразно изучать мировую экономику, является период 1860–1920-х годов.

21. Романов В.Н. Историческое развитие культуры: психолого-типологический аспект. — М: Изд. Савин С.А., 2003. Суть реконструкции потенциального текста культуры исходит из того, что индивид, отвлеченный от окружающей предметной действительности, определяется конкретно в мире *наличных вербальных значений*. Он, порождая «тексты», создает свое место в дискурсе среди наличных вербальных значений в качестве местоимения первого лица ауторефлексивных высказываний. Трансформация содержания общезначимых понятий в предидирующей личности *смыслы* означает, что все они прямо или косвенно что-то сказывают о нашем Я, *одновременно* сказываясь и на наших возможностях в их конкретной содержательной определенности. Но область возможных автопредикаций *ограничена и в разных культурах* она имеет свои конкретные очертания. В ней всегда в каждом отдельном случае имеется наиболее *устойчивая* и чаще всего актуализирующаяся смысловая *зона*, обеспечивающая *единство сообщества*. Иными словами, та или иная система общезначимых понятий имеет свою *особую содержательную специфику*, присущую именно *данной культуре* в *данную* историческую эпоху. Иначе говоря, метод В. Романова позволяет реконструировать действительные отношения в конкретной географической, социокультурной и временной определенности.

3. Главной задачей теоретико-концептуализирующего этапа применения метода является создание способов теоретизации и систематизированное построение теории, содержание которой относительно устойчиво к качественным изменениям совокупности общественных объективаций, конституирующих объект теории, на интервале времени от выбранного классического периода до настоящего времени. На этом этапе проверяется возможность описания и объяснения с помощью классической системы категорий и понятий форм воспроизводящейся на современном этапе развитой общественной объективации.

Типом результата на теоретико-концептуализирующем этапе становится построение верифицируемых экономико-математических моделей воспроизводства общественной объективации в современных формах.

Предварительные результаты применения метода следует считать эвристическими и рабочими *гипотезами* в методологическом смысле, т.е. методологическими схемами, которые позволяют отобрать (или, соответственно, наоборот — отбросить) и объяснить определенную совокупность фактов, проверяемых *независимым* от оснований гипотезы способом (что обеспечивает их воспроизводство на эмпирическом уровне научного знания). Гипотезы затем концептуализируются и теоретизируются. Дальнейшее развитие теоретических конструктов предполагает формализацию смысловых структур и операционализацию полученных эмпирических и теоретических конструктов.

Результаты исследования здесь излагаются с более простой и конкретной с точки зрения исторических процессов категории «деньги».

II. Реконструкция объективации «деньги»

Примеры становления экономических и финансовых отношений приведены из истории Античности и Средневековья Европы в сопоставлении с описаниями ряда

традиционных обществ. В качестве исторического материала использовались в основном работы М. Аглиетта, П. Андерсона, Ф. Броделя, М. Блока, Г. Бермана, Р. Лахмана, Ле Гоффа, К. Поланьи, Б. Поршнева, де Сото Х. У., Ч. Тилли, а также А. и Е. Харламенко²².

Первый ключевой вопрос исследования, если функционирование денег с необходимостью предполагает существование денежных средств, то на какой основе возникает монетное обращение, если до этого много веков оно не возникало.

Исходный пункт рассуждения основывается на анализе таблицы Кайе²³, в которой в систематизированной форме представлены динамика сокращения массы клейменных слитков (монет) от так называемого «весового фунта» Креза (450 г) и малого золотого таланта (36–48 г) к римским монетам (например, 20 ауреусов – ок. 160 г), до турецкого ливра Людовика IX (8,3 г), и далее вплоть до классических золотых франков. Естественные вопросы, зачем при повседневных обменных операциях столь массивные слитки, какие новые функции несет унификация монет и само монетное обраще-

22. Аглиетта М., Орлеан А. Деньги между насилием и доверием / Пер. с фр. И.А. Егорова; под науч. ред. Н.А. Макашевой. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006 (2002); Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / Пер. с англ. А. Смирнова; под ред. Д.Е. Фурманова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007 (1974); Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1–3. М.: Изд. «Весь мир», 2007 (1992); Блок М. Проблема золота в Средние века / *Анналы экономической и социальной истории*. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007. С. 195–234 (1933); Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1998 (1983); Лахман Р. Капиталисты поневоле: конфликт элит и экономические преобразования в Европе раннего Нового времени / Пер. с англ. А. Лазарева. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010; Ле Гофф, Ж., 2010. Указ. соч.; Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева. СПб.: Алетейя, 2002; Поланьи К. Избранные работы. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2010; Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. М.: Наука, 1964; Сото Х.У. де. Деньги, банковский кредит и экономические циклы. Пер. с англ. под ред. А.В. Куряева. Челябинск: Социум, 2008; Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 г. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009 (1992); Харламенко А.В., Харламенко Е.Н. О становлении капитализма как мировой системы // В Сб. «История и реальность: уроки теории и практики». Вып. 2. Труды международной логико-исторической школы. М.: Мысль, 1995.

23. Cailleux A. *L'Allure hyperbolique des dévaluations monétaires* // *Revue de Synthèse*, 1980. № 99–100. P. 253. Цит. по: Аглиетта М., Орлеан А. Указ. соч. С. 138.

ние, почему происходит и каковы закономерности сокращения веса монет²⁴.

Реконструкция предполагает следующую последовательность рассуждений.

1. Предварительно необходимо сказать несколько слов о понимании категории «богатство». С одной стороны, понимание богатства у архаичных народов связано с *воспроизводством изобилия* (определенного излишка) потребительных ценностей, которых у богатого больше, чем он может непосредственно потратить. При этом воспроизводство богатства (в отличие от самодостаточности) — это всегда *расширенное воспроизводство ресурсов* (хозяйства), на базе которого богат ведет более сложный и более престижный образ жизни, чем окружающие, т.е. богатство указывает на уровень социальной иерархии и связано с определенным объемом *власти*. С другой стороны, богатство также тесно связано с идеалом образа жизни. Идеал связан с культурными нормами и никогда полностью не реализуется, но ключевая функция идеала — это пополнение реальной жизни *до должного*, т.е. *то*, к чему стремятся. Для архаичного хозяйства богатство — это земля, скот, рабы, жены, наложницы, оружие и т. д. Все эти наборы регулируются обычаями («*пomos*»²⁵ у древних греков), но при развитом меновом хозяйстве возникает возможность путем обмена части излишков получить больше, чем можно достичь только за счет собственных ресурсов. Часть богатства благодаря процессу тезаврации трансформируется в сокровища. Сокровища играют особую роль: они являются гарантией определенного образа жизни в социальной иерархии²⁶. Сокровища сохраняются только у правящего класса и зажи-

24. Сложная проблема отношения понижения веса монет и сохранения их номинала (покупательной способности) поднималась давно (см., напр: *Smith W. A Dictionary of Greek and Roman Antiquities. London (1890). Ch.1* / Пер. с англ. О. Любимовой, 2011. С. 201–208), но пока еще далека от разрешения.

25. Для удобства греческие термины приводятся в латинской транслитерации.

26. Сокровище можно отнять, поэтому клады и зарывают в малодоступных местах. Для архаичных обществ владение сокровищами связано еще с сохранением удачи вождя, а следовательно, и его власти.

точных слоев других сословий, страт и классов. Исключительно важным является и соблюдение социокультурных норм конкретной исторической общности, где накапливаются богатства. Например, для древних греков чрезвычайно важным было соблюдение так называемой «*isonomia*» (божественной справедливости по отношению ко всем гражданам полиса). Причем одним из ключевых принципов «*isonomia*» (помимо права владения землей и недвижимостью, права на семью и пр.) была воинская повинность (например, оснащение гражданами триер, всадников, гоплитов, фетов и пр.). Необходимо ответить на вопросы, каким образом происходила трансформация архаичного богатства в экономическую (товарную и денежную) форму, как это связано с появлением денег.

2. Известно, что первые так называемые монеты появились в ионической Греции (примерно в VII–VI в. до н.э.). Это были слитки из электрума, позднее получившие название «статер»²⁷, на которых была изображена бегущая лисица (при полулегендарном басилевсе Гигесе) – символ главного лидийского бога Бассарея²⁸ (позднее – лев – символ царской династии). Однако считается, что настоящее обращение золотых монет ввел в VI в. до н.э. лидийский басилевс Крез, чеканивший «крезеиды»²⁹. Предполагается, что первые монеты *чеканились итучно*, так как потребность в них была невелика, и они не были стандартизованы. Возникает вопрос, а какие функции выполняли эти так называемые монеты, если они весили довольно много (*см. выше*) и, следовательно, изначально не могли служить для обмена на повседневные товары. Оттолкнемся от гипотезы М. Финли о том, что Крез

27. Найдены при археологических раскопках в Ионическом храме греческой богини Артемиды. Известно, что статеры использовались как пожертвования богам. См. напр.: Кошевар Д.В. Монеты мира. Большая энциклопедия монет. М.: Изд. АСТ, 2015. С. 5.

28. На обратной стороне было от *одного до трех клейм* в зависимости от веса и метрологической группы. См.: Аглиетта М., Орлеан А. Указ. соч. С. 133. На греческих монетах практически всегда были *символы богов*. Впервые изображения на монетах удостоился Александр Македонский, да и то лишь благодаря специальному решению его преемников в Малой Азии и Египте – Лисимаха и Птолемея Сотера, которые провозгласили его *полубогом*.

29. Кошевар Д.В. Указ. соч. С. 3–5.

стремился решить фискальные проблемы Лидийского царства, т.е. сбора дани с чужих общин³⁰.

Суть *ключевой гипотезы* заключается в том, что древние так называемые монеты прошли в ходе своего исторического развития, как минимум, три стадии: 1) специальных клейменных слитков (кратко – медалей); 2) монетного обращения; 3) использования монет в качестве денежных средств.

Более развернуто: первые клейменные слитки были не монетами, а *специальными медалями, которые предназначались для контроля за уплатой податей*. Такая медаль вручалась сборщиком главе общины как материальная оценка меры и законности завершения общиной в полном объеме взимаемых податей. Естественно, у базилевса была и служба контроля. Контролеры заново обходили общины и *забирали медали обратно в казну*. Сбор медалей рассматривался как подтверждение лояльности (в хозяйственном смысле) верховной власти. Учет собранных медалей позволял *непосредственно сравнить* их количество с установленной величиной податей, учет которых в натуральной форме, возможно, мог быть пропорционален весу медалей³¹. А поскольку медали были из слитков металла определенного веса и пробы, *качество* которых было уже удостоверено гербовой печатью и *клеймом* (т.е. защитой от подделок), то учет существенно облегчался, и более того, сохранность медалей, а также их систематическое использование и учет, позволили организовать их *кругооборот*³².

30. Finley M. *The Ancient Economy*. California: University of California Press. 1973.

31. Первые медали начала VII в. до н.э. имели изображение, выбитое на одной стороне заготовки, но еще *не имели* определенного веса, размера и чистоты металла. Считается, что базилевс Лидии Алиатт (610–561/560 гг. до н.э.), установил *стандарт веса* для медалей (168 зерен пшеницы или 1/50 мины), а его сын Крез – *стандарт пробы* (соотношение золота и серебра) и гербовую печать династии на лицевой стороне (голова льва и быка).

32. Для власти в исторической перспективе чеканка монет еще удобна тем, что купцы, для того чтобы заплатить сбор (вход на рынок) требуемыми монетами, приобретали их при дворе базилевса, меняя на слитки серебра или золота. При этом слиток должен был на 1/8, 1/10 или 1/12 весить больше, чем меняемые на вес монеты.

Но как медали стали исполнять роль денежных средств? Для этого рассмотрим второй тип использования унифицированных медалей.

Исторически товарообмены с дальними соседями возникают *совместно с податями и сборами* и имеют с ними общую *залоговую* природу. Партии товаров брались, как правило, *в долг* (в том числе под залог семьи и имущества), затем *обратно* привозится обмениваемая товарная партия. Часть привезенного товара купец всегда должен отдать храму и суверену. В качестве залога использовались *слитки* золота и/или серебра. Поскольку купец возил большие партии товаров, то и залог изначально большой — отсюда традиционная мера — *талант*. Заметим, что для широкого распространения дальней торговли обязательно нужен заказ со стороны потребителя — иначе не будет систематического поступления товаров до места назначения. Учет и погашение долгов проводились храмами, а лучшие купцы считались более удачливыми. Но как зафиксировать, какой купец более удачлив? *Гипотеза* заключается в том, что *удача* купца изначально определялась храмами с помощью веса и количества, например, определенных золотых колец в Древнем Египте или серебряных мер (кусочков прутков или колец) в Месопотамии, которые отдавались в храм, где они хранились в именных местах и каждый мог их увидеть и понять, насколько удачлив купец. Соответственно, если удача купца росла (а следовательно, и его богатство), то увеличивался и его именной вклад в храме. В Древнем Египте, например, единицей учета обмениваемого движимого и недвижимого имущества служил «шат», величина которого могла по справедливости учитываться и пересматриваться храмами³³. Стандартизированные кусочки металлов удобны для этой функции, так как их можно достаточно точно и делить, и складывать.

3. Теперь обратим внимание на другой процесс и посмотрим на изменение функций (развитие) дальней торговли

33. Аглиетта М., Орлеан А. Указ. соч. С. 132–133.

при возникновении монетарного обращения. Подчеркивание термина «дальняя» здесь не случайно, так как известно, что именно дальняя торговля позволяла быстро обогащаться купцам, а местные обмены велись по справедливости, за соблюдением которой присматривали храмы. Реконструкция трансформации товарообмена (Т1–Т2) в товарно-денежные отношения (Т1–Д–Т2) исходит из описания различий дальней торговли и местных обменов у Аристотеля. Местные обмены перераспределяют излишки продукции между общинами полиса, сохраняя стабильность его социальной структуры. Но это возможно только на основе строго соблюдения устоявшихся *пропорций* обмена продуктов. В древнегреческой математике пропорции именовались *analogia* («соразмерность»). Греки знали три вида пропорций: арифметическую, геометрическую и гармоническую [Депман И., 2007, с. 307]. Для целей мены (*amoiibe*) товаров использовалась геометрическая пропорция: $A : B = Y : S$. Причем если в современном обмене товар меняется на товар (или деньги на товар), то для справедливого обмена в Древней Греции использовали пропорцию из четырех членов³⁴. *Гипотеза* заключается в том, что изначально члены пропорции соразмерялись на естественных для греков соотношениях, например: A – это бык; B – это средняя (или нормированная) в этом сезоне мера урожая зерна с участка земли, который традиционно может вспахать один бык; Y – это количество другого обмениваемого товара (например, амфоры с вином), а S – количество рабов, которые были заняты на производстве товара Y ³⁵. Тогда соразмерность могла быть выражена площадью прямоугольников: $AS = BY$ – или для выделенного товара: $A = (B \times Y) / S$, где соотношение

34. «...Пропорция есть *приравнивание* (*isotes*) отношений и состоит не менее чем из *четырёх членов*... значит, как член A будет относиться к B , так Y – к S ...» (Аристотель. Никомахова этика. Кн. 5, 6(III)) (курсив мой. – И.Ф.). В этой ситуации члены пропорции в материальной форме выступают друг по отношению к другу как меновая и потребительная стоимости (Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч., Т. 23. С. 100–109).

35. Площадь, которую мог вспахать бык, или количество товара, который мог произвести ремесленник, заранее приближенно известны, так как они являлись хозяйственными и культурными нормами.

$Y/S = \text{constant}$ — для конкретного торгового сезона. Понятно, что все члены пропорции изначально не единицы товаров, а *товарные партии*, причем, вероятно, величины партий были пропорциональны священным числам (три, пять, семь, двенадцать, шестьдесят и т. д.). Купцы, естественно, пытаются сбывать всю партию товара, но поскольку пропорции предзаданы (хотя и испытывают колебания в зависимости от природных (погода, эпидемия и пр.) и социальных (например, война) причин), то образуются *остатки*, зависящие от искусности купца составлять пропорции с другими товарами. Однако при такой системе обменов почти всегда кто-то *должен друг другу*, так как все соотношения целочисленны, а делить не по священным числам — значить гневить богов. Чем же удобно погасить задолженность? Ответ известен: задолженности традиционно гасились либо *серебром* (в Вавилоне — хеттами, финикийцами и греками), либо *золотом* (в Древнем Египте). Слитки металлов для этого удобны, так как они однородны и их легко дробить на мелкие кусочки. Отсюда естественным является переход к *уплате задолженности* монетами, которые, как мы предположили выше, являлись мерой учета богатства. А поскольку товары купцами также берутся в долг (см. выше), то между купцами возникают двухсторонние сделки не только взаимопогашения долговых обязательств, но и *прямого обмена* монет на недостающие товары, взятые в долг (у того же храма), т.е. появляются акты покупки и продажи (т.к. монеты хранятся там же). Естественно также предположить, что сбор с купца проводился храмом *пропорционально* величине остатка товарных партий, в силу того что исторически сложилось так, что не обмененные товары купцы либо жертвовали храму во славу богам, либо отдавали ему же, чтобы тот распределил их (например, зерно) среди бедняков *по справедливости*.

Итак, зафиксируем, что изначальная функция медалей не является функцией денег.

Таким образом, в одном и том же месте (в храме) сходятся два двояких материальных, до этого параллельных, процесса, что, в конечном итоге, приводит к синтезу:

1) воспроизводства учета и переучета обмениваемого имущества для пары «свой-чужой» (при дальней торговле, в исторической перспективе — экспортно-импортные операции);

2) воспроизводства учета и переучета сборов и штрафов с податного имущества (для своих подданных) и частичное распределения избытка накопленных богатств среди служивого сословия суверена.

Дополнительно здесь же сходятся две параллельные математические (т.е. идеальные) системы учета перехода собственности и возникновения и погашения долговых обязательств.

В ходе такого синтеза и возникает *первая* (еще идеальная) прадежная функция, фиксируемая в движении медалей — *учет и переучет богатства*, но отнюдь не функция выделенного товара, служащего мерой ценности для других товаров, как в традиционных гипотезах возникновения денег в качестве особых товаров.

Накопление медалей, обеспечивающих учет податей, позволяет их использовать и в качестве *меры учета имущественных прав* сначала людей суверена (стражей, слуг), а затем и других граждан полиса. Иначе говоря, учет крупных сделок в храмах из просто записей долговых расписок начинает фиксироваться в материальной форме — *именном хранении* определенного количества крупных медалей³⁶ (реально сначала как меры определенного веса клейменных металлических слитков)³⁷. С этого времени и потребовалась стандартизация веса, а затем и пробы сырья медали. Здесь и происходит переворот в изменении роли клейма: с функции

36. Монеты укладывались в горшки, на каждом из которых (в идеале) были номера, а также сумма вложения, имя или обозначение владельца и дата поступления.

37. Изначально серебряная драхма (горсть) — это вес серебряного прутка, в меновой пропорции эквивалентного барану или бочке для зерна (medimn). Драхма = 6 оболам. Обол (прут) — это кусок медного прутка весом в 12 ячменных зерен. Монеты в одну драхму были маленькие, их носили во рту за щекой. Чеканить предпочитали тетрадрахмы — монеты весом в четыре драхмы. См. напр: *Гаспаров М. А.* Занимательная Греция. М.: Новое литературное обозрение. 2004.

указания на качество медали на функцию защиты от обрезания (уменьшения веса).

Возможно, что количество и вес крупных монет и фиксировали величину законного владения. Тогда понятно, зачем нужно было вознаграждать воинов и других государевых людей. Воин, возвращаясь домой с добычей, должен легитимизировать свое имущество (награбленное у чужеземцев) в местном храме, положив монеты на именованное хранение и учет и принеся жертвы богам³⁸.

Еще раз зафиксируем, изначально монеты — не товар-посредник, а *мера учета пропорции остатка собственности обмениваемого имущества*, а также форма его учета и легитимации храмом³⁹. По-другому, использование монет — это *способ превращения в реальное богатство* того, что ранее не входило в меновые отношения.

Тогда первое существенное отличие использования монет от товаров — это их *непотребляемость*⁴⁰, денежные средства *практически всегда* (с небольшими паузами) обращаются на рынке (за исключением случаев тезаврации). Иначе говоря,

38. Подобные жертвы храмам по факту являются предтечей комиссии за услуги по хранению монет у будущих аргентариев. *Soto X.U. de*. Указ. соч. С. 40.

39. Косвенно это подтверждается и анализом употребления у Аристотеля терминов «деньги» — *chremata* («вещи, используемые для дела», т.е. имущество, мн. число от *chrema* — вещь, дело) и «обогащение» (*chrematidzo* — «приобретение имущества»). Здесь первая семантическая связь от глагола *chreo* — «нуждаться в чем-то, быть нужным», *chreos* — «долг». Т.е. вещи — это то, что *нужно для жизни*. Отсюда *chrematikoí* — богатые, *chrematistes* — человек, «умеющий приобретать имущество», т.е. деловой оборотливый человек (в современных переводах часто некорректно переводится как «банкир» или «ростовщик»), *chrematisterion* — «рынок» (буквально «место оборота вещей (имущества)'). От термина «монета» (*argyros*) произошло выражение *argyrologeos* — буквально «собирать дань (контрибуцию) серебром». Т.е. монеты были нужны для уплаты дани, сборов и штрафов.

40. В случае денег изначально нет товара, в собственном смысле слова: монеты и товары отличаются как разные формы относительного богатства, опосредованного движением ценностей, т.е. богатства, вступающего в отношения опосредованного потребления. В исторической перспективе функция монет — это замещение хранения (т.е. *отложенный спрос*) скоропортящегося товара, который надо кормить, может испортиться и т.д. (например, скот, наложницы и пр.). При этом возникает экономия затрат на охрану объемных грузов. Монеты также легко сберегать, иногда отрезать кусочки, когда надо создать мелочь для мелких сделок, что способствует универсализации сделок. Возможно, исторически платеж возникает из перемещения денежных средств сначала в пределах храма, затем и во вне храмовых отношений.

денежные средства возникают не на обороте товаров, а овеществляют (материализуют) разницу между меновыми пропорциями (меновыми стоимостями), с которых платятся сборы (в исторической перспективе – налоги).

Первой функцией денег как платежного средства в таком аспекте становится превращение *остатков* товарных партий (излишков), которые благодаря новой форме взаимодействия становятся *легитимной формой богатства*. В исторической перспективе деньги – *гарантия платежа за отложенную покупку*⁴¹.

Вывод: денежное обращение изначально возникает на периферии бартерных (товарно-товарных) отношений для оплаты остатков товарных партий.

Ключевые следствия предлагаемой реконструкции возникновения денег:

1) деньги появляются, когда возникают места для абстрактного (обезличенного) товара, так как они объективируются как платежное поручение (сохранение функции долга) по отношению к другой абстрактной товарной позиции. Для возникновения денег необходимо:

- множество локальных мест обменов;
- дальняя торговля;
- власть, собирающая подати денежными средствами.

Деньги – всегда на стороне покупателя, ему нужна потребительная ценность товара. Продавец – всегда сбывает товар, ему нужна меновая стоимость (денежные средства);

2) исторически появление денег связано с объективацией отношений оптовой и розничной торговли, так как именно на разнице меновых пропорций между крупной партией и мел-

41. Залоговая природа денег как некоторый момент в рассуждениях присутствует и у классиков: «...монета служит нам как бы залогом возможности обмена в будущем, если возникнет нужда, ибо нужно, чтобы у того, кто приносит [деньги], была возможность приобрести [на них что-либо]...» (*Аристотель*. Никомахова этика. Кн. 5Е, 8(V)); «...При дальнейшем развитии товарного производства каждый товаропроизводитель должен обеспечить себе *nexus rerum*, известный “общественно признанный залог...”». (*Маркс К., Энгельс Ф.*, Собр. соч. Т. 23. С. 144); «Деньги – залог». *John Bellers*. Essays about the Poor, Manufactures, Trade, Plantations, and Immortality. London, 1699. P. 13. Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр. соч. Т. 23. С. 144.

кой партией товаров купец и получает доход, с которого платит торговые пошлины⁴². Именно *мелкие монеты* начинают выполнять функции денежных средств в современном понимании, так как они служат вознаграждением *посреднику*, который *знает все меновые пропорции* на местном рынке и помогает покупателю совершить приобретение товаров экономным способом. Возможно, что меньшей частью своего дохода (сдачи от сделок) посредник делился с покупателем за то, что он выбрал именно его. Так мелкие монеты попадают в хозяйства (семьи), где хранятся и служат гарантией *будущей покупки* (денежным ресурсом). Крупные же монеты служат для уплаты сборов и штрафов, что по факту означает признание долга хозяйствующего субъекта перед сувереном;

3) переход к товарно-денежным отношениям вместо товарно-товарных отношений исторически связан с переходом от отношения *типа порядка* (меновым ценностям) к отношениям *типа равенства* (меновым стоимостям).

Теперь, после возникновения денежных форм обращения объективируются дополнительные места для денежных средств и отношения между ними; деньги в материальной форме могут, в свою очередь, выступать как предметы обмена, т.е. *товаризироваться*.

Иными словами, над товарными рынками возникает надстройка — рынок обменов денежных средств (в исторической перспективе — валютные рынки). С момента возникновения рынка обменов денежных средств роль (функции) денег

42. Здесь и начинает возникать первоначальное ценообразование как отношение монет к товарному остатку. Причем гарантом сделки постепенно становится купец, а не храм, т.е. начинается процесс десакрализации товарно-денежных отношений. Мерой меновой стоимости в таком случае становятся не образ жизни представителей власти и жрецов, а образ жизни купца, который связан с его богатством. Внутренняя мера богатства купца включает: 1) образ жизни семьи, плюс подарки властным органам; 2) содержание приказчиков, рабов и т.д.; 2) содержание транспортных средств (например, ослов, верблюдов и т.д.) и складов для товаров. Важно, что деньги нужны, чтобы обеспечить субъекта вне хозяйства. Но хозяйство у купца все равно всегда сохраняется (транспортные средства, склады для товаров, рабы и пр.).

могут выполнять и не только монеты, но и их суррогаты, что становится предпосылкой порчи монет (мутации монет)⁴³;

4) развитие денежных отношений приводит к возникновению и такого нового типа субъекта, как ростовщик (исторически храмовый раб (меняла), совершающий учет, хранение и мену монет). *Центральная функция* ростовщика — *не доход* от хранения денежных ресурсов (монет)⁴⁴ и не доля в торговом доходе⁴⁵, а создание условий, чтобы *должник не смог расплатиться*, и тогда он будет вынужден продавать свое заложенное имущество на рынке. С точки зрения функционирования денег — это *перевод* неторгуемого имущества (например, майората) в *торгуемую позицию*. Иначе говоря, пара ростовщик-заемщик впервые создает условия для появления новых мест для денежных средств на рынке, т.е. уве-

43. Ле Гофф, Ж. Указ. соч. С. 115–123.

44. Ростовщик (tokistes — *речи*) от tokos, что буквально означает «роды, приплод», а впоследствии — «рост чего-либо». Отсюда tokidzo — отдавать «деньги» (имущество) в рост. Кроме того, храмовых менял, меняющих храмовые предметы для жертвоприношений на серебро, называли argyramoibos. Отсюда «менялы монет» — argentarii. А тех, кто отдает «деньги» (серебро) для торговли или другой доходной деятельности, называли trapedzites, от trapedza — стол (серебряные и золотые монеты легко истираются, их нельзя считать на песке). Вознаграждение, уплачиваемое за обмен монет — collybus. (Исократ, «Банковская» речь (Трапедзитик) // Вестник древней истории. 1968, №4). Греки различали монетные «вклады до востребования» (planera ousia) и «невидимые вклады» (arphanes ousia). Различие в публичной известности о размере вклада. Если размер вклада известен, то он может быть изъят по суду в связи с неуплатой податей или сборами во время войны (Сото Х.У. де. Указ. соч. С. 41). В римском праве займ — это договор mutuuum (договор заменимых вещей). Заменяемыми являются вещи «у каких-либо при исполнении договора имеют значение родовые, а не индивидуальные качества» (quia in genere suo functionem recipient per solutionem quam specie — *лат.*). Цит. по: Сото Х.У. де, Указ. соч. С. 10, 11.

45. Упоминания в переводах античных текстов о займах в 20 или 33,3% и более процентов годовых является, на взгляд автора, поздней модернизацией подлинных значений древнегреческих терминов. В реальности «трапедзиты» давали деньги не под процент, как часто пишут, а под *долю* в будущем доходе. Широко распространенный для морских перевозок займ «бодмерия» (см. Сото Х.У. де. Указ. соч. С. 45) — это в действительности монетный займ под долю в будущем доходе купца, которая может быть и велика, но не считается по правилу сложных процентов. Сравним: историк С.Тодд писал относительно Афин классического периода «на банки [trapeze — И.Ф.] не смотрели как на ... источник кредита... не существует свидетельства о том, что вкладчик ожидал получить от банка *процент*» (Todd S.C. The shape of Athenian Law. Oxford: Clarendon Press, 1993. P. 251). Р. Богар: «Вклады... могли иметь разные формы. Общей их чертой было *отсутствие процента*. Ни в одном из рассмотренных случаев мы не обнаружили их следа. ... некоторые банкиры требовали комиссии за хранение вкладов или «за отправление денежных переводов» (Bogaert R. Banques et banquiers dans les cites grecques. Leiden, 1968. P. 336) (курсив мой — И.Ф.).

личивает количество денежных цепочек *вне действий государства*, которое может пытаться, например, сократить или заморозить эмиссию денежных средств, что будет мешать развитию рыночных отношений. По факту именно эта функция ростовщика и придает *самостоятельность* денежному обороту от действий государства;

5) дефицит денежных средств, возникающий из-за развития экономических отношений, в конечном итоге порождает такую форму денег, как *счетные деньги*.

6) процесс объективации денег создает новые диспозиции и функции.

Функция самосохранения денег как таковых, т.е. их *непотребляемость*⁴⁶, так как *денежные средства не товар*, сначала обеспечивается металлической формой монет. При этом сохраняется диспозиция последующего обмена, а потребление денежного запаса — это переход денежных средств от одного владельца к другому.

Непотребляемость позволяет *накапливать денежный запас* для крупной покупки или обмена мелких денег на монеты крупного номинала (т.е. создается предпосылка для возникновения монетной системы). Это, в свою очередь, позволяет накапливать денежные средства целенаправленно, для конкретных целевых трат, порождая в исторической перспективе так называемые «целевые деньги» (термин К. Поланьи)⁴⁷.

Стандартизованные монеты крупного достоинства позволяют соотнести их (по весу) с *выделенными товарами* мировой торговли (золото и серебро), т.е. в исторической перспективе объективировать будущую функцию мировых денег.

46. Такая функция денег, как непотребляющее потребление, приводит к созданию нового типа *мест*: экономические отношения предстают как связанная совокупность мест, по которым могут перемещаться деньги, все время *оставаясь* в экономике. При этом возникает и особый тип потребления — потребляется опосредование деньгами сделок по поводу товарных ценностей. Это опосредование непосредственно состоит в легитимации правильности сделки (в исторической перспективе возникают и новые эффекты: несправедливые цены, демпинг и проч.). Реальное потребление денег — это их выведение из оборота, т.е. *уничтожение* цепочек сделок «товар—денежные средства».

47. См., в т.ч.: Зелизер В. Указ. соч. С. 15, 31–36.

Объективируется и установление отношений с верховной властью (диспозиции), в рамках которых осуществляются функции:

- легитимации купцом права на торговлю в разрешенном месте путем гарантированной оплаты привилегии, патента и пр.;
- функция материальной гарантии оплаты покупателем отложенного спроса, т.е. обеспечение признания со стороны госвласти легитимности оплаты легитимного товара.

Установление отношений между торгующими (диспозиция), в рамках которых осуществляются функции:

- универсализация средств обеспечения различных по объему и номенклатуре множества последовательных сделок купли—продажи (цепочек сделок);
- возможность дробления и пересчета (т.е. появление сдачи и розницы).

Следует различать, как минимум, три временных уровня участия денег в хозяйственном воспроизводстве:

1) краткосрочное воспроизводство (оперативные платежи — день, неделя, возможно, до месяца), функция — осуществление текущих платежей за товары и услуги;

2) среднесрочное воспроизводство (сезон, возможно, до года), функция — накопление денежной формы имущества, оплата рыночной позиции, т.е. создание базы экономического воспроизводства;

3) долгосрочное воспроизводство (несколько лет), функция — накопление сокровищ, что уже выход за границы экономики, обеспечение изменения образа жизни.

Таким образом, формирование товарно-денежных отношений порождает качественно *новый тип богатства*, отличный от архаичной формы. Теперь богатым считается человек, не только обладающий товарами и денежными ресурсами, но и расширенно воспроизводящий такое владение. Такой тип богатства назовем условно **Богатство I**.

Исторически возможен и регресс товарно-денежных отношений, как это произошло в Западной Европе в V–X вв. Монеты снова начали переплавляться в слитки, а чеканка монет стала производиться владельцами отдельных поместий, церквей, ювелирами и отдельными монетчиками, которые ставили собственное клеймо на них⁴⁸. Вероятнее всего, это свидетельствует о том, что в эту эпоху монеты снова стали играть роль *выделенного товара-посредника* («денежных товаров» по К. Марксу (нем. – Geldwaren)), а не денежного запаса из-за разрушения налоговой системы Римской империи. Тогда сотни разновидностей так называемых монет этой эпохи не деньги, как традиционно полагают⁴⁹, а мерные слитки, а клеймо снова удостоверяет лишь качество металла. Но при этом эти клейменные мерные слитки все же позволяют обслуживать функции штрафов, а также дачи и отдачи долгов, которые удобно оформлять в счетных весовых единицах⁵⁰. Возможно, что эти мерные клейменные слитки соотносятся с реальной платежной ценностью золотых монет Востока, которые сохранили функции меры стоимости. Тогда здесь ключевой функцией является воспроизводство такой формы существования денег, как *счетные деньги*.

III. Реконструкция объективации «рынок»

Теперь проблематизируем категорию «рынок». Как она связана с концептами «места обменов», «дальняя торговля» и др.?

Типичное воспроизводство жизни человека (в родовом смысле) протекает в следующих условиях:

48. См.: *Ле Гофф, Ж.* Указ. соч. С. 15–16; *Ширяков И.В.* Освещение истории российских денег в современной отечественной учебной литературе для студентов, обучающихся по специальности «Экономика» // *Экономические реформы в России и за рубежом (История мировой экономики, вып. 3: Сборник статей.* М.: Институт экономики РАН, 2014. С. 252–267.

49. См., напр.: *Bloch M.* *Esquisse d'une histoire montaire de l'Europe.* Paris: Armand Colin, 1954.

50. *Берман Г. Дж.* *Западная традиция права: эпоха формирования* / Пер. с англ. Н.Р. Никоновой 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: ИНФРА-М, 1998 (1983). С. 65–67.

- всегда существует множество других относительно автономных хозяйствующих субъектов (общин, семей, а в ходе исторического развития и индивидов);
- ресурсы для функционирования хозяйствующих субъектов ограничены;
- ресурсы распределены в регионах обитания людей неравномерно;
- отсутствует универсальная технология получения необходимых для жизни индивидов материальных средств.

Заметим, что традиция, относимая еще к А. Смиту, а затем воспроизводимая Г. Спенсером, Л. фон Мизесом и др., когда многочисленные архаичные формы практик взаимоотношений примитивных народов *отождествлялись с обменом, до сих пор еще жива*, несмотря на многочисленные опровержения⁵¹. Реальные хозяйственные отношения существенно иные, а привычка видеть во множестве первобытных обществ некую прелюдию к подлинной истории западной цивилизации в целом не соответствует действительной истории человечества.

Для различения распределения продуктов и обмена определим типичные условия обменных операций, которые предполагают:

- хозяйственную и социальную иерархию индивидов;
- автономное существование товаропроизводителей;
- самостоятельное существование предметов обмена;
- существование мест и условий (процедур) обмена;
- объективацию меры оценки (сопоставления на некоторой общественной основе) предметов обмена.

Как возникают такие условия?

Когда рассматриваются синкретические (архаичные и первобытные) общества, то необходимо помнить, что их

51. См., например: «...На самом же деле гипотеза Адама Смита об экономической психологии первобытного человека была столь же *ложной*, как и представления Руссо о политической психологии дикаря... а пресловутая «склонность человека к торгу и обмену» почти на сто процентов *апокрифична*» (Поланьи К. Указ. соч. С. 56 (курсив мой. — И.Ф.).

отношения к соседям зачастую были крайне враждебны, вооруженные конфликты были скорее правилом, а мирные периоды — это время восстановления и/или подготовки к новым боевым действиям. Но эти социальные практики создали предпосылки, а затем и условия для иерархизации обществ с выделением верховной власти, а также поселений и вооруженных формирований, способных обеспечить относительно прочный мир. При этом основным местом хранения продуктов (например, зерна) являлись *храмы*, главным предназначением которых в хозяйственном смысле была тогда функция хранения, *учета* и перераспределения излишков хозяйственной деятельности, что позволяло сохранять социальную стабильность в неурожайные годы⁵².

В свою очередь, установление относительно прочных мирных отношений между соседними общинами (племенами) потребовало распространения на них отношений *взаимного дарения* излишков продуктов (описанных в том числе и под термином К. Поланьи «реципроктность»). Большинство исследователей традиционно рассматривают такие практики как обмен, что неверно, так как ключевым содержанием дара в рамках архаичной культуры является не ожидание получения другого подарка взамен, а признание чужака своим, т.е., в некотором смысле, членом своей общины, человеком⁵³. Совсем неслучайно члены архаичных сообществ придают столь высокое значение духовным качествам дарящего, так как его дух присутствует в подарке и может помочь, а в некоторых случаях и навредить своему владельцу⁵⁴.

52. Исходным пунктом здесь является концепт «царскохрамовое хозяйство». См., напр: Васильев А.С. История Востока. Т. 1. М.: Высшая школа, 1998. С. 49–51.

53. *Дарение* — это форма избавления от излишков, которая порождает устойчивую связь между дарителями, что и делает их близкими, т.е. своими людьми. Следует подчеркнуть, что изначально излишки появляются как случайный (т.е. побочный, связанный с внешними факторами) продукт исторически сложившегося типа хозяйствования. Изначальная форма утилизации излишков — дарение богам. Формы взаимодарения очень разнообразны: от невозвратных даров, через транзакции одинаковыми предметами, и до бартера. См. подробнее: Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. (Reprinted) L.: 2005 (1922). Ch. VI.

54. М. Мосс так это описывает: «Ясно, что в праве *маори* правовая связь, связь через вещи, — это связь душ, ибо сама вещь обладает душой, идет от души. Отсюда следует, что преподнести

По мере развития отношений социальные связи взаимодарений усложняются, некоторые подарки становятся возможным передавать, завещать детям и т.д. Это приводит к исчезновению духа подарка, т.е. предмет дарения деиндивидуализируется. Это упрощает процедуры дарения и способствует возникновению протоструктур меновых ценностей, т.е. хозяйственных предметов, *целенаправленно создающихся* для дарения чужакам (в исторической перспективе производства продуктов для других). Параллельно внутри хозяйствующего субъекта (общины) закреплялся процесс дифференциации и разделения видов труда, что повышало его производительность. Распределение продуктов внутри общины также не является обменом, но этот процесс объективирует место (позицию) и функцию субъекта, который оценивает, кому и сколько надо отдать и/или взять того или иного продукта (услуги). Исторически субъектами, оценивающими пропорции распределения, перераспределения и дарения излишков, стали жрецы и вожди⁵⁵. Этот процесс объективирует позицию «оценщика», который начинает выступать третьей стороной между двумя сторонами дарения, а, с другой, универсализирует и объективирует саму функцию оценки (пока еще хозяйственной, предэкономической объективации). Все это конституирует новое единство – совместное воспроизводство множества географически близкорасположенных хозяйствующих субъектов. Это порождает новый тип хозяйствующих субъектов, которые специализируются на определенных видах производственной деятельности, а следовательно, создают новый тип потребностей (в продуктах, изготавливаемых другими) и хозяйственную протокооперацию.

что-то кому-то значит преподносить что-то как часть себя... Принять что-то от кого-то – это принять что-то как часть его духовной сущности, его души... [Обмены являются] смесями. В вещи примешивают души; в души примешивают вещи» (*Mauss M. Ibid. P. 160–161, 173. Цит. по: Аглиетта М., Орлеан А. Указ. соч. С. 43*).

55. Исторически функции вождя и верховного жреца совмещены в одном лице. Попутно заметим, что ключевая *функция власти* в таком понимании – это процесс перераспределения излишков продуктов между людьми не в соответствии с обычаями (в исторической перспективе – институтами), а в соответствии с *волей руководства*.

Такие формы социальных связей предполагают:

- а) принципиальное неравенство меновых ценностей;
- б) объективацию мест взаимодействия, географически близких от мест производства продуктов.

Качественно новым этапом развития хозяйственных отношений стало появление *дальней торговли*⁵⁶. Торговля товарами (предметами обменов) появляется как *диалектическое отрицание процедур взаимодействия*, так как после завершения обмена стороны ничего друг другу не должны, т.е. снова становятся чужими, хотя и остаются потенциально людьми.

Гипотеза заключается в том, что *возникновение дальней торговли возможно только в рамках существования и взаимодействия древних прагосударств* (суверенитетов), когда возникает система учета и пересчета большого количества излишков продукции, получаемых как подати с местного населения. Во-первых, возникает и объективируется применение одной и той же системы счета на базе универсальных единиц (необходимых для решения типовых задач) к *разным* материальным продуктам. Во-вторых, возникает слой служивых людей (первоначально храмовых писцов), ведущих счет и пересчет большого количества излишков производимой продукции. При таком перераспределении (сначала в идеальной форме) возникают, а затем и воспроизводятся устойчивые пропорции соотношения излишков производимой продукции.

Все это предполагает существование изначально не экономики, а государственного хозяйства. Иными словами, исторически первоначально появляется объективация не экономики,

56. Различия в типах торговцев зафиксированы во многих языках. Так, в Италии розничного торговца называли mercante a taglio, а крупного, занимающегося экспортом и торговлей на дальние расстояния – negoziante (negoziante – слово появилось в XVII в.). Аналогично в Англии: мелкий торговец (tradesman), купец (merchant), в Германии, соответственно Krämer (лавочник) и Kaufherr (купец). В странах ислама крупнейшие торговцы именовались «тажирь», а мелкие – «ханути», а в Индии, соответственно, «катари» и «согадоры» (Бродель Ф. Указ. соч., 1996. С. 60–61). Для Мезоамерики торговцами на дальние расстояния были рочтеса и рролом (Поланьи К. Указ. соч., 2010. С. 110). Реально здесь различаются два типа купцов: 1) владельцы товаров (дальняя торговля); 2) посредники на местных рынках, а также мелкие торговцы с местными товарами (например, Kaufleute).

а того, что можно назвать «власть-экономика» (иерархические, вертикально и отчасти горизонтально организованные связи распределения излишков), когда функции государства и рыночного распределения продуктов еще *не разделены*. В такой ситуации исторически первыми субъектами торговли являются не купцы, а государевы люди (как правило, воины), которые перед походом пытаются разведать (оценить) богатства других народов, какие у них есть в наличии ресурсы.

Теперь можно привести реконструкцию объективации «рынок» в первом приближении. В контексте уже введенных определений устойчиво функционирующие места обменов (*locus of exchange*) между разными общинами (племенами) — это *проторынки* как исторически сложившиеся формы хозяйственного единства общественного производства в условиях наличия автономных производителей и потребителей (т.е. общественного разделения труда). Они обеспечивают преобразование жизни хозяйствующего субъекта в воспроизводство относительно целостного образа жизни в составе наиндивидуального хозяйственного единства.

Качественная трансформация начинается при интеграции дальней торговли (исторически начинается с торговли предметами роскоши, но затем она переходит и на более массовые товары)⁵⁷, с сетью мест обменов, что создает операции (и, соответственно, слой людей) между оптовыми партиями товаров и розничными (мелкооптовыми) обме-

57. Согласимся с трактовкой К. Поланьи, что Аристотель выводит цепочки обменов из «... *потребностей разросшейся семьи*, члены которой первоначально пользовались вещами, которыми они сообща владели. Когда... они были вынуждены *расселиться отдельно*, они обнаружили, что им *не хватает* некоторых вещей, которыми *они ранее пользовались сообща*, и поэтому они должны были получать вещи друг от друга (курсив мой. — И.Ф.) (Поланьи К. Указ. соч., 2010. С. 145). См.: «В первой общине, т.е. в семье, не было явно никакой надобности в обмене, ... в первоначальной семье *все было общим*; разделившись, стали нуждаться во многом из того, что *принадлежало другим*, и неизбежно приходилось прибегать к *взаимному обмену*. Такой способ обмена еще и в настоящее время практикуется у *многих варварских народов*. Они обмениваются между собой *только предметами необходимыми*, и больше ничем; например, они обменивают вино на хлеб, и наоборот, и т. п. Такого рода меновая торговля и *не против природы*, и вовсе *не является* разновидностью *искусства наживать состояние*, ведь ее назначение — восполнять то, чего недостает для *согласной с природой самодовлеющей жизни* (курсив мой. — И.Ф.) (Аристотель. Политика, 1257А, 20–32. Кн. 3(12–13)).

нами. Основанием такого преобразования служит *обособление функций перемещения товаров на дальние расстояния и их хранение*. Иначе говоря, рынок — это новый уровень *интеграции*, которая стала самостоятельной.

Для возникновения и объективации рынка необходимо: 1) существование множества локальных мест обменов; 2) появление транспортных средств, способных перевозить большие партии массовых товаров (например, суда); 3) возникновение групп людей, циклически перевозящих на большие расстояния предметы для обмена на местные продукты (их периодический возврат на все местные рынки, находящиеся на торговых путях, обеспечивает новое хозяйственное единство).

Таким образом, *рынок* — это *интеграция* трех форм (уровней) деятельности:

- 1) купцов дальней торговли повседневными товарами;
- 2) хозяев локальных мест обменов;
- 3) местных игроков на локальных рынках, осуществляющих трансформацию оптовых партий в розничные (в исторической перспективе — спекулянтов).

Исторически сначала торговцы, перемещаясь между местными местами обменов, носят рынок с собой⁵⁸, и только существенно позднее в местах пересечения торговых путей локализуются географически стационарные рынки (market), у которых появляются собственные хозяева⁵⁹. Такие рынки будем называть *местными рынками*⁶⁰.

58. Такое положение дел присутствует как при зарождении рынков, например, в Древней Греции, сохраняется, например, в средневековом Китае (Бродель Ф. Указ. соч., 2007. Т. 3. С. 419–420), так и проявляется как моменты на уровне повседневности в современной России, где торговцы постоянно перемещают рынок с собой, пытаясь превратить людей в покупателей везде, в том числе в транспорте, на улице и т.д.

59. Бродель Ф. Указ. соч., 2007. Т. 2.; Поланьи К, Указ. соч., 2002. С. 72–74.

60. Строго говоря, только с появлением людей, занимающихся перемещением и обменами товаров круглый год и, соответственно, появлением постоянно (каждодневно) функционирующих городских рынков можно говорить о существовании рынка как объективации. Периодически возникающие рынки («ярмарка» — от нем. Jahrmarkt — «ежегодный рынок») — это еще «проторынки» в принятой онтологии. Место для торговца фиксируется как материальными средствами (транспортные средства, склады, прилавки), так и социальными и правовыми институтами (охрана, арбитраж и т.д.).

В качестве первого вывода можно сказать, что рынок как общественная объективация диалектически *отрицает* первичные хозяйственные меновые (неэквивалентные) отношения, включая в себя форму обмена, но придавая ей *новое содержание* — новые функции движения товаров в пространстве и времени (*транспортировка и хранение*)⁶¹.

В условиях универсализации обменов (образования единого рынка на базе нескольких локальных прорынков) появляется потребность и в деньгах как средстве для соединения нескольких обменов в цепочку (см. выше)⁶². При этом многозвенные обменные операции (в условиях конкуренции) позволяют выравнивать и усреднять разницу в меновых пропорциях, *объективируя меновую стоимость*. В такой ситуации при взаимодействиях торговец-торговец и появляется эквивалентность в массовых сделках⁶³.

Таким образом, рынок — это новый тип социальных связей, который позволяет перераспределять *излишки* продукции между общинами с *существенно разными* образами жизни. Если образы жизни близки, то лучшее распределение — это *справедливое распределение*.

Что является *новым* в рассмотрении с подобных позиций? Двух- и более уровневая структура рынка позволяет торговцам обеспечивать *эквивалентное* распределение товаров (по меновой стоимости, в исторической перспективе — по

61. Можно сказать, что на новом уровне развития уже рынок диалектически отрицает простой обмен, так как появление денег позволяет *разнести акты купли-продажи во времени*.

62. Меновая ценность объективируется тогда, когда появляется субъект, который занимается сделками, *опосредующими* обменные операции *оптовыми партиями* товаров и *розничными* (мелкооптовыми) обменами. За свои связи и знания на локальных местах обменов он берет мелкие монеты. Следовательно, возникает и объективируется отношение и диспозиция этого субъекта к формам его деятельности по его стимулированию взаимообменов и накоплению монет. Изначально знание о переходе от меновых пропорций в оптовых партиях к меновым пропорциям множества розничных сделок сакрально и принадлежит жрецам, но по мере роста оборота местных обменов такое знание десакрализируется и рутинизируется и может быть передано другим государевым людям. Возможно, что изначально подобные индивиды работали за фиксированную плату (стол и кров). Одним из существенных оснований накопления специализированных знаний такого типа являются сильные отличия в качестве товаров. Исторически ими, возможно, были храмовые рабы.

63. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23. С. 55–59.

стоимости) *между собой*, но *неэквивалентное* для *хозяйствующих субъектов*, которые только периодически входят и выходят с рынка⁶⁴. Отметим, что неэквивалентность действует в обе стороны: если хозяйствующий субъект обладает более богатым по сравнению с торговцем образом жизни, то именно он перераспределяет стоимость на себя.

Самостоятельность рынка как объективации проявляется *появлением спекулятивных сделок*. Онтической основой спекуляции является *возврат* к тому же товару, но с *другой меновой стоимостью*. То есть покупка и продажа одного и того же количества однородного товара в разных местах рынка *неэквивалентна*. Это возможно потому, что за позицией продавца и позицией покупателя стоят разные цепочки обменов (актов купли-продажи), которые должны отождествиться в рыночном месте «здесь-и-сейчас»⁶⁵.

Это подтверждается и анализом процесса возникновения цен на местных рынках. Целостность рынка основывается на одновременном осуществлении множества сделок, причем по ценам, которые *гарантируют* расширенное воспроизводство хозяев конкретного местного рынка. Такие цены можно условно назвать гарантированными. Хозяевам рынка важно обеспечить отчисление с каждой сделки или с каждого рыночного места, которое бы гарантировало их расширенное воспроизводство; расширяло количество сделок на рынке.

Однако для купцов такие цены практически *всегда ниже цен*, обеспечивающих их устойчивое расширенное воспроизводство. Купцы стремятся установить цены *повыше*. Цены, обеспечивающие их *расширенное воспроизводство*, можно

64. Подобный вывод с некоторыми оговорками близок к позиции Ф. Броделя и М. Аглиетта, а также, например, П. Ореховского. См. *Ореховский П.А. Неэквивалентный обмен и свойства пространства в экономической теории / Доклад. Ин-т экономики РАН, март 2010.*

65. Если бы не было самостоятельности рынка с объективацией интересов его игроков, то тогда был бы возможен так называемый «социалистический» рынок, т.е. рынок, где были бы только торговые посредники как представители сбытовых подразделений производства, но *это невозможно в экономике*, а возможно только при возврате к хозяйству.

условно назвать «справедливыми» ценами⁶⁶. Реальные цены на открытом рынке колеблются от «гарантированных» до «справедливых». При этом у рыночных субъектов возникает чувство *равновесия*, что связано с ценностным чувством (переживанием) *сохранения* объема спекулятивных сделок между оптовыми партиями и розницей, т.е., как минимум, простого воспроизводства нормы обычного количества сделок. Спекуляции в таком контексте являются неотъемлемой чертой ценообразования, а следовательно, они ответственны за *интервальность уровней* колебаний единичных цен (событий с точки зрения ценообразования как мировой конструкции). Самостоятельность рынка позволяет, в конечном итоге, маркетингизировать и коммерциализировать не только предшествующие виды хозяйственных связей⁶⁷, но и многие последующие сферы общественных отношений.

Но это в случае свободного ценообразования. Но ведь так было не всегда. В частности, еще в Средневековье на протяжении столетий между различными схоластическими школами шли споры о «справедливых» ценах, как их должен устанавливать государь⁶⁸.

-
66. Можно также сказать, что «гарантированные» цены — это «справедливые» цены со стороны воспроизводства рынка, но не со стороны воспроизводства товаровладельцев.
67. Изначально дальняя торговля — это *взаимобмен дарами*, которая лишь в исторической перспективе коммерциализируется.
68. Безоговорочно считавшие государственные цены справедливыми, тем не менее, богословы спорили о факторах, которые могут сделать цены убыточными для торговцев (Афанасьев А.А. Экономическая мысль в Испании XVI века — саламанская школа // Экономика и математические методы, 2004. Т. 40. №4. С. 44–53). Например, М. де Аспилькуэту писал о том, что закон фиксирует ценность денег лишь для их покупателей (продавцов товаров), но это не относится к продавцам денег (покупателям товаров), поэтому можно приобретать больше или меньше товаров в зависимости от имеющегося количества денег, *не взирая на таксу* (цену государя). Azpilcueta N.M. Comentaruo resolutorio de Cambios, en Salamanca, 1556. § 58. Pp. 88–89. Схоласты Саламанской школы также различали два вида справедливой цены: законную, устанавливаемую государством, и естественную, не подконтрольную последнему: «...Итак, как было сказано, двойственной является ценность [valor. — И.Ф.] денег, или их оценка [estimacion. — И.Ф.]: одна определяется законом или всеобщим обыкновением, на основе которых устанавливается то, сколько стоят столь и столь многочисленные мелкие деньги в данном месте... потому что обычно законом принимаются во внимание внутренние причины — такие, как *материал и вес*. Другая оценка — это внешняя или случайная, определяемая внешними или случайными причинами...». Lessius L. Institia et Ivre. Lovanii, 1605, Lib. 2, cap. 3, dubit. 4.

Историческая *гипотеза* заключается в том, что в отсутствие богатых залежей золота или серебра и других редких и востребованных на мировом рынке того времени товаров государи (суверены) различных политий были вынуждены устанавливать цены на повседневные товары *ниже*, чем даже гарантированные цены.

При этом возникают возможности:

1) с одной стороны, купцы могут зарабатывать существенно больше, чем при гарантированных ценах и, следовательно, стремятся привести товары именно в те земли, где соотношение государственных и рыночных цен наиболее выгодно. С другой стороны, государь может увеличить налоговое бремя купцов, собираемое золотыми монетами, которые не чеканились в Западной Европе⁶⁹. По сути, эта форма присвоения части феодальной ренты⁷⁰. Регламентация столь низких цен требовала постоянного воспроизводства прямого насилия со стороны мирских или церковных феодалов⁷¹;

2) с одной стороны, такое положение дел усиливает эксплуатацию крестьян (отчасти, вероятно, и ремесленников в городах), которые вынуждены работать больше, чем если бы платили только подати. С другой стороны, купцам становится выгодным неофициально покупать у мелких товаропроизво-

Рр. 290–291. Здесь важным является то, что «справедливые» цены для Средневековья — это цены, соответствующие замыслу Бога, поэтому они точно *неизвестны*, но к ним надо стремиться. Так, испанский схоласт Х. Салас писал: «В каком-то смысле это положение является трудным, однако же не совсем негодным: пусть некая цена была бы известна и Богу и нам (как если бы он открыл ее нам), тогда скрывающая ее густая пелена несправедливости исчезла бы; ибо цена выводится из ценности... которые видеть и определять точно может Бог, но не человек... Я утверждаю: поскольку справедливая цена является *единственно точной перед Богом*, то, следовательно, такова же и пропорция справедливого обмена перед людьми». Salas 1617, Tractatus de emptione et venditione, dubiurn IV. P. 9–10 (курсив мой. — И.Ф.).

69. С IX до XIII в. чеканка собственных золотых монет, используемых в международной торговле в Западной Европе, была прекращена. См., напр.: Блок М. Указ. соч.

70. То есть рыночные цены, как правило, *ниже* цен расширенного воспроизводства производителей. Это порождает в исторической перспективе необходимость кредита и/или усиление эксплуатации наемных работников. См., напр.: Поршнев Б. Указ. соч. С. 127–132.

71. Андерсон П. Переходы от античности к феодализму / Пер. с англ. А. Смирнова под ред. Д.Е. Фурманова. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2007 (1974). С. 182–183; Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Т.Б. Менской. М.: Изд. дом «Территория будущего», 2009 (1992). С. 112–121.

дителей повседневные товары по ценам *выше* государственных, но ниже справедливых цен. В этой ситуации возникает рынок покупателя, т.е. купец может выбирать наиболее качественные товары и *большим* числом, чем фиксировалось в отчете для выплаты налогов⁷².

Первоначально такие сделки могли совершаться только тайно, что способствовало возникновению теневой коммерциализированной экономики, периферийной к регламентированной экономике Средневековья, но поскольку все большее количество сделок совершалось в этом секторе, то она росла быстрее и, в конечном итоге, привела к появлению, легитимации по большей части коммерциализируемых рынков уже в XVI–XVII вв.

Заметим, что победа коммерциализированных рынков (рынков с гибкими или свободными ценами)⁷³ над рынками с регламентированными ценами фиксирует завершение такой сложной объективации, как *стоимость*. Надо заметить, что рынок в таком понимании стремится не к равновесию⁷⁴ (иначе не было бы развития), а к *отождествлению* различных наборов товаров с ценами, что и позволяет сравнивать состояния экономики в разные периоды времени.

72. Все это создает условия для перехода от податей к налогам, т.к. появляется *избыточная стоимость*, включенная в цену как производителей, так и торговцев. Отметим, что городское хозяйство реально стало облагаться денежным налогом в Римской империи только после *collatio lustralis* императора Константина (IV в. н.э.), но налоговые поступления не превышали 5% от поземельного налога. Jones A.H. *The Later Roman Empire, 284–602: A Social, Economic and Administrative Survey*. Vol. 1964. P. 465; Андерсон П. Указ. соч. С. 19.

73. Этому способствовал значительный приток серебра из испанских колоний в XVI в., приведший, как известно, к знаменитой революции цен.

74. Заметим, что метафора «равновесие», тесно связанная с категорией «справедливость» (правосудие), для средневековых международных торговцев непосредственно основывается на манипуляциях с рычажными (коромысловыми) весами, позволяющими в повседневных операциях взвешивания кусочков золота наблюдать равновесие как совмещение стрелок. Но такое равновесие предметно отличается от категории «равновесие» у Аристотеля, который равновесие ассоциирует (семантически сцеплено) с геометрическими образами (серединой отрезка): «...правосудие — это какая-то *середина* ... Судья уравнивает по справедливости, причем так, как [геометр уравнивает отрезки] неравно *поделенной линией*...» (Аристотель. Никомахова этика, кн. 5 E, 7 (IV)) (курсив мой. — И.Ф.).

IV. Формализация структуры денежного обращения

Для формального описания воспроизводственного цикла денег используем формальную структуру кортежа⁷⁵. В целях дополнительного упрощения временные интервалы будем записывать как такты: 1 – означает момент времени t_1 ; 2 – означает момент времени t_2 ; и т. д.

Для товарно-товарных отношений упрощенная схема⁷⁶ воспроизводства товаров (с *позиции купца*) выглядит следующим образом:

1) $\langle \neg \text{Res} (T_1, \Delta_1), \neg \text{Pers}, \neg \text{Mean}, I_1 \rangle \rightarrow$ (транспортировка товаров) \rightarrow 2) $T_1 \rightarrow T_2 \langle \neg \text{Res} (T_2, \Delta_2), \neg \text{Pers}, \neg \text{Mean}, I_2 \rangle \rightarrow$ (транспортировка товаров) \rightarrow 3) $T_2 \rightarrow T'_1 \langle \neg \text{Res} (T'_1, \Delta_3), \neg \text{Pers}, \neg \text{Mean}, I_3 \rangle$. Причем для расширенного воспроизводства необходимо выполнение соотношений: $T'_1 > T_1; \Delta_3 \geq \Delta_1$.

Здесь: $\neg \text{Res}$ – вектор материальных (товарных) и/или денежных ресурсов купца; $\neg \text{Pers}$ – вектор персонала (рабочей силы), работающей на купца; $\neg \text{Mean}$ – вектор средств труда, применяемых при транспортировке товаров и пр. (means/tools); T – товары (товарная партия); Δ – запас «денежных средств» купца (изначально – серебро или золото); I – информация и знания, необходимые для функционирования купца как хозяйствующего субъекта.

Описание цикла

1. Исходным пунктом (началом) воспроизводственного цикла товарного обращения является наличие *имущества* у купца, под залог которого он может занять (на местном рынке у храма или ростовщика) товары и денежные средства

75. Обозначается с помощью угловых скобок $\langle \dots \rangle$ – *кортеж*, т.е. упорядоченный набор из n элементов (n – натуральное число), называемых его компонентами, или координатами. Это выражение с логической точки зрения является последовательностью, но одновременно представляет собой упорядоченный набор векторов, каждый из которых в общем случае имеет собственную размерность, что не позволяет трактовать этот набор как матрицу.

76. Для упрощения описания циклов воспроизводства экономической объективации *денег* компоненты хозяйства (рабочая сила, средства труда, технология) принимаются за самосохраняющимися. Циклы их воспроизводства здесь не рассматриваются.

(T_1, A_1), а также нанять (при рабовладении иметь возможность купить и прокормить) работников ($\neg Pers$), приобрести материальные средства ($\neg Mean$) для обеспечения функционирования собственного хозяйства. Кроме того, купец изначально должен обладать знаниями и иметь информацию о рынках, на которых он планирует осуществлять сделки (I_1).

2. Купец после транспортировки полученной под залог партии товаров прибывает на новый местный рынок, где: а) оплачивает торговую пошлину (охрану и пр.) за вход на местный рынок ($A_2 < A_1$); б) производит обмен товарной партии T_1 на товарную партию T_2 по правилам местного рынка. При этом его знание о местных реалиях обогащается и изменяется (I_2).

3. После этого купец транспортирует обмененные товары на другие местные рынки: а) вносит торговую пошлину, нанимает охрану и пр. (плата за вход на местный рынок); б) обменивает товарную партию T_2 на новую товарную партию T_1 . При этом купец дополнительно приобретает новые знания и данные об изменениях на этом рынке (I_3). Этот воспроизводственный цикл с некоторыми упрощениями описывает цепочку движения товаров « $T_1 \rightarrow T_2 \rightarrow T'_1$ ».

С появлением денег общественное воспроизводство существенно усложняется и трансформируется, поэтому участие денег в хозяйственном воспроизводстве необходимо описать с *трех позиций*: купца, производителя, ростовщика.

Для позиции купца схема воспроизводство денег выглядит следующим образом:

1) $< \neg Res(A_1), \neg Pers, \neg Mean, I_1 > \rightarrow$ (перевод (транспортировка) денежных средств) \rightarrow 2) $A_1 \rightarrow T_1 < \neg Res(T_1, A_2), \neg Pers, \neg Mean, I_2 > \rightarrow$ (транспортировка товаров) \rightarrow 3) $T_1 \rightarrow A_3 < \neg Res(A_3), \neg Pers, \neg Mean, I_3 > \rightarrow$ (обратный перевод денежных средств) \rightarrow 4) $A_3 \rightarrow A_4 < \neg Res(A_4), \neg Pers, \neg Mean, I_4 >$. Причем для расширенного воспроизводства необходимо выполнение соотношений: $A_3 < A_4 > A_1$.

Описание цикла

1. Началом воспроизводственного цикла оборота денежных средств является наличие запаса *денежных ресурсов* (Δ_1) у купца, на которые он может купить на местном рынке необходимые товары и ресурсы для собственного функционирования, а также необходимые материальные средства для обеспечения функционирования хозяйства купца (\neg Pers, \neg Mean). Аналогично, купец обладает знаниями и информацией о рынках, на которых он планирует осуществлять сделки (I_1).

2. Купец переводит располагаемый запас денежных средств в рыночную позицию для: а) оплаты входа на рынок (торговые пошлины, охрана и пр.); б) производит покупку товарной партии T_1 за счет денежного ресурса (Δ_1), причем остаток денежных средств $\Delta_2 < \Delta_1$, а разница $\Delta\Delta_1 = \Delta_1 - \Delta_2$ и есть полная цена T_1 . При этом его знание о местных рынках изменяется (I_2).

3. После этого купец транспортирует закупленные товары на другие местные рынки, где: а) оплачивает торговую пошлину (охрана и пр.) за «вход» на рынок; б) продает товарную партию T_1 за Δ_3 , снова изменяя свои знания (I_3).

4. Купец осуществляет обратный перевод денежных средств в исходную позицию, затрачивая при этом $\Delta\Delta_4 = \Delta_4 - \Delta_3$. Оставшийся при этом остаток денежных средств ($\Delta_4 > \Delta_1$) вместе с новыми знаниями и новой информацией (I_4) о рынках позволяет ему снова возобновить свое воспроизводство.

Этот воспроизводственный цикл с некоторыми упрощениями описывает цепочку движения денежных средств « $\Delta_1 \rightarrow \Delta_2 \rightarrow \Delta_3 \rightarrow \Delta_4$ ».

Для позиции **производителя** упрощенная схема воспроизводства денег выглядит следующим образом: 1) $< \neg$ Res (M_1, Δ_1), \neg Pers, \neg Mean, $I_1 > \rightarrow$ 2) Производство $< \neg$ Res (M_2, Δ_1), \neg Tech, \neg Pers, \neg Mean, \neg Prod, $I_2 > \rightarrow$ (транспортировка продукции на рынок) \rightarrow 3) Prod $\rightarrow T_1 < \neg$ Res (T_1, Δ_2), \neg Pers, \neg Mean, $I_3 > \rightarrow$ 4) \rightarrow (продажа товаров на

рынке) $\rightarrow T_1 \rightarrow \Delta_3 < \overleftarrow{\text{Res}}(T_1, \Delta_4), \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}, I_4 > \rightarrow$
 5) $\Delta_4 \rightarrow T_2 < \overleftarrow{\text{Res}}(T_2, \Delta_4), \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}, I_5 > \rightarrow$ (транспортировка товаров с рынка) \rightarrow 6) $T_2 \rightarrow M'_1, < \overleftarrow{\text{Res}}(M'_1, \Delta_4), \overleftarrow{\text{Tech}}, \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}, I_6 >$. Причем для расширенного воспроизводства необходимо выполнение соотношений: $M'_1 > M_1; \Delta_4 > \Delta_1$.

Здесь: $< \overleftarrow{\text{Res}}$ – вектор материальных (запасов материалов и/или комплектующих – M) и денежных ресурсов (Δ) у производителя; $\overleftarrow{\text{Pers}}$ – вектор персонала (рабочей силы); $\overleftarrow{\text{Mean}}$ – вектор средств труда, применяемых в производстве (means/tools); $\overleftarrow{\text{Tech}}$ – производственная технология; $\overleftarrow{\text{Prod}}$ – вектор результатов производства, которые распадаются на собственно продукты и отходы (production/wastes); I – знания и информация производителя о свойствах потребляемых материалов, квалификации рабочей силы, способности производства (технологии), потребности в закупаемых материалах и комплектующих, а также финальной продукции предприятия на рынке.

Описание цикла

1. Началом воспроизводственного цикла оборота денежных средств является наличие у производителя запаса *производственных ресурсов* ($M_1, \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}$), наличие технологии ($\overleftarrow{\text{Tech}}$) и знаний о производстве (I_1), а также остатков денежных средств от предыдущего цикла (Δ_1).

2. Производитель благодаря технологии и организации производства трансформирует исходные материалы (M_1) и комплектующие в финальную продукцию и отходы ($\overleftarrow{\text{Prod}}$). При этом возникают остатки неиспользованных материалов (M_2), износ средств производств ($\overleftarrow{\text{Mean}}$), происходит потребление рабочей силы ($\overleftarrow{\text{Pers}}$), обновляются знания и информация о производственном процессе (I_2), но денежные средства *сохраняются* (Δ_1).

3. Производитель распределяет и переводит выпущенную продукцию в рыночную позицию, которая теперь становится товарной партией T_1 . При этом расходуется часть

денежных ресурсов в качестве оплаты за вход на рынок $\Delta A_2 = A_1 - A_2$, а знания производителя о рынках финальной продукции обновляются (I_3).

4. Производитель осуществляет продажу товарной партии T_1 на рынке за A_3 . При этом возможна частичная продажа товарной партии, т.е. появляется остаток партии (T'_1), а часть денежных средств расходуется за сохранение «торгуемой» позиции, т.е. запас денежных ресурсов сокращается (A_4), а производитель увеличивает свои знания о рынках (I_4).

5. Далее на вырученные денежные средства (A_4) производитель производит закупку товаров (T_2), необходимых для возобновления производства, обновляя свои знания о нем (I_5).

6. Затем хозяйствующий субъект осуществляет перевод закупленных товаров из рыночной позиции в производственную (транспортировка, распределение на склад и т.д.), обеспечивая пополнение материалами и комплектующими производственных запасов (M'_1), а также обогащая свои знания о производстве (I_5). Денежные средства при этом *не расходуются* (A_4).

Этот воспроизводственный цикл с некоторыми упрощениями описывает цепочку движения денежных средств $A_1 \rightarrow A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow A_3 \rightarrow A_4 \rightarrow A_4$.

Для позиции ростовщика упрощенная схема воспроизводства денег выглядит следующим образом: 1) $\langle \overleftarrow{\text{Res}}(A_1), \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}, I_1 \rangle \rightarrow$ 2) (выдача денежных средств заемщику под залог) $A_1 \rightarrow D_1 \langle \overleftarrow{\text{Res}}(D_1, P_1), \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}, I_2 \rangle \rightarrow$ 3) $D_1 \rightarrow A_2 \langle \overleftarrow{\text{Res}}(D_2, P_1, A_2), \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}, I_3 \rangle \rightarrow$ 4) (невозврат основной части долга через время t) $(D_2, P_1) \rightarrow (A_3, D_3, P_2) \langle \overleftarrow{\text{Res}}(A_3, D_3, P_2), \overleftarrow{\text{Pers}}, \overleftarrow{\text{Mean}}, I_4 \rangle$. Причем для расширенного воспроизводства необходимо выполнение соотношений: $A_3 > A_1$. В идеале $-D_3 = 0$ и $P_2 = 0$.

Здесь: $\langle \overleftarrow{\text{Res}}$ – вектор денежных и имущественных ресурсов ростовщика; $\overleftarrow{\text{Pers}}$ – вектор персонала (рабочей силы), работающего на ростовщика; $\overleftarrow{\text{Mean}}$ – вектор используемых ростовщиком средств труда; D – долговые обязательства заемщика; P – закладываемое имущество заемщика

(property/assets); I – информация и знания, необходимые для функционирования ростовщика.

Описание цикла

1. Началом воспроизводственного цикла оборота денежных средств для ростовщика является наличие запаса *денежных ресурсов* (A_1), которые он может дать в долг, а также наличие собственного персонала и хозяйства (\neg Pers, \neg Mean), знаний и информации о товарных и денежных рынках (I_1).

2. Ростовщик выдает запас денежных средств (A_1) в долг (D_1) заемщику под залог его имущества (P_1), фиксируя его обязательства (I_2). Здесь денежные средства сохраняются (A_1).

3. Возможен случай, когда заемщик (сразу или через какой-то срок) выплачивает комиссию ростовщику за то, что тот передал ему легализованные денежные средства на определенный срок. Тогда долг заемщика сокращается (D_2), а у ростовщика появляются дополнительные денежные средства (A_2) и новая информация о заемщике (I_3).

4. При невозврате основной части долга через время t ростовщик выставляет имущество должника на продажу, получая (за минусом судебных и иных издержек) доход A_3 и новую информацию о рынке продаж имущества должников (I_4). Могут быть случаи, когда полученный доход меньше выданной суммы денежных средств или не все имущество должника удалось продать. Но в любом случае, кругооборот денежных средств завершился. Этот воспроизводственный цикл с некоторыми упрощениями описывает цепочку движения денежных средств $A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow A_3 \rightarrow A_3$.

V. Основные выводы

1. Ключевыми условиями и предпосылками образования денег являются: а) монетное обращение; б) суверенитет (формы организации власти, способной на сбор с общин монет для выполнения общественных функций, например,

государство); в) рынок. При этом монетное обращение (обращение «клейменных слитков») изначально не является чисто денежным явлением, а несет в себе еще и *функции финансов и капитала*, которые выделяются и объективируются позднее (в Высоком Средневековье и в период Нового времени). Исторической предпосылкой также является появление потребности в средствах (дефицит) для организации выполнения чрезвычайных государственных функций (например, войн).

2. Рынок как общественная объективация не является просто местом обменов, а представляет собой новый уровень общественной *интеграции* над существованием множества локальных мест обменов, которая обеспечивает циклически повторяющийся процесс перевозки на большие расстояния предметов обмена на местные продукты. Новая и особая функция рынка — это выравнивание меновых пропорций: переход от меновых ценностей к меновым стоимостям (в исторической перспективе — это функция *уравнивания* спроса и предложения). Мерой меновой стоимости в таком случае становятся не образ жизни представителей власти и жрецов как раннее, а образ жизни купца (представителя дальней торговли), который связан с его легитимным богатством. Дальнейший переход к товарно-денежным вместо товарно-товарных отношений завершает переход от отношения *типа порядка* (меновым ценностям) к отношениям *типа равенства* (меновым стоимостям). Фиксация такого перехода связана с непотребляемостью денежных средств на рынке, что позволяет накапливать денежный запас, тем самым вводя и объективируя денежную функцию *купли-продажи*.

3. Деньги определяются как общественная объективация, как минимум, на трех уровнях:

1) *локальный* уровень существования, где деньги актуально существуют как локальное *отношение обмена* между покупателем, имеющим денежные средства (отложенный спрос), и продавцом, имеющим потребительную ценность, в *момент купли—продажи* товара. Запас денежных средств для

покупателя можно определить как *денежный ресурс*, который потребляется при сделке. Но места для актов купли—продажи образуются не здесь, а на втором уровне;

2) *металлокальный* уровень, где деньги *не являются материальными предметами* или локальными действиями людей по отношению к ним, а представляют собой специфическую сеть взаимодействий, а именно: квазициклический процесс интеграций длинных цепочек товарно-денежных обменов (встречного движения денежных средств и товаров), *инвариантами* которых является *сохранение диспозиции* мест торговли со всей их инфраструктурой и фиксации актов смены собственности на товары при *сохранении* на рынке *движения денежных средств*;

3) самостоятельность *металлокального* уровня и металлическая форма монет (их масса и чистота драгметаллов) порождает и взаимодействие с уровнем существования денежного товара (золота или серебра), что, в свою очередь, объективирует функцию денег как меры стоимости, а с другой стороны, порождает самостоятельность мест обменов монет разных полисов (в исторической перспективе — валютных рынков).

Важно, что уровень оборота выделенных товаров (денежных товаров, по К. Марксу (нем. *Geldwaren*)) (в исторической перспективе это и есть «мировые деньги» — золото) выступает как ограничение сверху.

4. Денежное обращение, связанное с монетами, изначально возникает на периферии бартерных меновых отношений для оплаты *остатков товарных партий*, включая функцию размена и оплаты сборов за вход на местный рынок. Это де-факто *расширяет базу* легитимных типов *богатства*, с которого суверен может собрать подати (в исторической перспективе — налоги).

Функции денег, денежных средств, в современном понимании, начинают выполнять именно *мелкие монеты*, которые служат вознаграждением *посреднику, знающему все меновые пропорции* на местном рынке, и помогает покупателю совер-

шить приобретение товаров экономным способом с учетом соотношения оптовых и розничных меновых пропорций.

5. Возникновение и устойчивое воспроизводство биметаллических (и триметаллических) монетарных систем неслучайно — они вводят устойчивые шкалы соотношения монет, что создает условия сравнения разнокачественных воспроизводств, в том числе и локальных рынков. При этом становится возможным появление длинных рыночных цепочек (дальней торговли) и *внутри* государства. Возникает соотношение «дорого-дешево» для одних и тех же товаров, но на разных локальных рынках.

6. Самостоятельность рынка как объективации с разными уровнями цен позволяет ему, в конечном итоге, маркировать и коммерциализировать не только предшествующие виды хозяйственных связей, но и многие последующие сферы общественных отношений.

7. Завершение становления монетной системы можно фиксировать по возникновению и воспроизводству устойчивой и легитимной разницы в номинальной ценности монет (их покупательной способности) и меновой ценности сопоставимой массы металла (сплава), из которого они изготовлены. С этого времени деньги приобретают *функцию меры стоимости* (как превращенной формы меновой стоимости). Для Античности локальную форму стоимости можно условно обозначить как *Стоимость-А*.

8. Вышеприведенные схемы воспроизводства денег позволяют различить производителя и рыночных субъектов по результатам их воспроизводства:

1) по результату производитель товаров постоянно находится в хозяйственной позиции, но периодически входит и выходит с рынка, а торговец и ростовщик практически всегда находятся в рыночной позиции. При этом ростовщик действует на денежном рынке, лишь периодически выходя на товарный рынок, когда продает имущество должника;

2) результат *собственного воспроизводства* производителя товаров — это закупленные материалы, объемы потре-

бляемой энергии (и/или энергоносителя) и комплектующие для *возобновления* воспроизводственного цикла. Результат *несобственного воспроизводства* производителя – это произведенная для рынка продукция, а также денежные средства за проданную продукцию;

3) результат *собственного воспроизводства* торговца – совокупность рыночных мест, по которым могут перемещаться денежные средства и товары. Результат *несобственного воспроизводства* торговца – товар, т.е. функция перемещения продукции в пространстве (транспортировка) и во времени (складские услуги);

4) результат *собственного воспроизводства* ростовщика – мобилизация *дополнительных* денежных ресурсов для товарных рынков, что создает условия для появления новых самостоятельных денежных цепочек. Результат *несобственного воспроизводства* ростовщика – продуцирование новых *денежных средств*, получаемых за хранение временно свободных денежных ресурсов и продажи имущества должника.

Часть II

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПРАКТИКА

А.В. Бугров¹

ОБРАЩЕНИЕ РУССКОЙ МОНЕТЫ В БОЛГАРИИ В 1877–1887 годах

В статье на основе большого массива архивных источников рассматривается роль русского серебряного рубля в денежном обращении Болгарии в первое десятилетие автономии этой страны, завоеванной для нее русским оружием.

Ключевые слова: рубль, денежное обращение, финансы, звонкая монета, кредитные билеты, Болгария, Российская империя.

Среди российских серебряных рублей второй половины XIX в. наиболее часто, помимо целковых самого конца столетия, встречаются монеты чеканки 1877 и 1878 г. Согласно авторитетному исследованию известного советского и российского нумизмата Василия Васильевича Узденникова (1919–2008) их тиражи были гораздо больше рублей предыдущих и последующих годов и вообще заметно выделялись среди крупных монет царствования Александра II. Так, в 1877 г. на Санкт-Петербургском монетном дворе было отчеканено 6 923 003 целковых, а в следующем году – рекордное количество в 8 087 006 штук, самое большое в царствование царя-освободителя². И это при том, что за все остальные годы ежегодная чеканка рублей не достигала и одного миллиона.

Похожая ситуация наблюдалась и по отношению к другим номиналам звонких монет, отчеканенных в 1877 и 1878 г.: полтинам и 25-копеечникам (так называемым чет-

-
1. Александр Владимирович Бугров – к.и.н., начальник отдела департамента международного сотрудничества и общественных коммуникаций Банка России.
 2. Узденников В.В. Объем чеканки российских монет на отечественных и зарубежных монетных дворах, 1700–1917 гг. М., 1995. С. 42.

вертакам). Их тиражи более чем на порядок превосходили таковые в предыдущие и последующие годы³.

Хронологически эти годы совпадали с русско-турецкой войной, итогом которой стало восстановление Болгарии как государства. Российские предприятия тогда получили крупные военные заказы, которые, как писал современник, были «не в состоянии... аккуратно и своевременно исполнять»⁴. Однако в России в то время сделки заключали на кредитные рубли, поэтому заказы оплачивались прежде всего бумажными деньгами, количество которых в обращении, согласно отчетам Государственного банка, с начала 1877 г. по начало 1879 г. увеличилось в полтора раза, достигнув 1,15 млрд руб. (против 0,77 млрд руб.)⁵. В то же время количество крупной серебряной и разменной монеты за этот же период, несмотря на значительные объемы чеканки, сократилось более чем в полтора раза, с 30,7 до 18,8 млн руб.⁶

Куда же делись миллионы только что отчеканенных серебряных рублей? Теоретически они могли быть отправлены партиями за границу в счет погашения огромного внешнего долга⁷. Однако кредиторы требовали в уплату золото, считая серебро лишь неким придатком к желтому металлу.

Неожиданно ответ на этот вопрос пришел сам собой. Уже в ходе боевых действий в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. платежи на территории Болгарии производились в рублях. Так, 15 августа 1877 г. тырновский губернатор ходатайствовал перед заведующим гражданскими делами при главнокомандующем действующей армией князем Владимиром

-
3. В 1877 г. было отчеканено полтин 1034003 шт., 25-копеечников – 1776003 шт.; в 1878 г. – полтин 778006 шт., 25-копеечников – 1768006 штук. Монеты 1877 г. имеют знаки минцмейстера НИ (Николай Иосса) и НФ (Николай Фоллендорф), монеты 1878 г. – только НФ.
 4. Цит. по изданию: Яковлев А.Ф. Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 130.
 5. Государственный банк: краткий очерк деятельности за 1860–1910 гг. / Ред. Е.Н. Сланский. СПб., 1910. С. 138–139.
 6. Там же.
 7. В 1877 г. на обслуживание государственного долга приходилось около 20% расходной части бюджета (115,1 млн руб. из 586,5 млн руб.; не считая чрезвычайных расходов). См.: Министерство финансов, 1802–1902 гг. Ч. I. СПб., 1902. С. 638–639.

Александровичем Черкасским (1824–1878) о выдаче ему на расходы на сенокос 10 тыс. руб.⁸ А с сентября губернаторы болгарских областей стали получать ежемесячные ассигнования для обустройства беженцев – православных, стекавшихся в районы, занятые русской армией: тырновскому выделялось 20 тыс. руб., систовскому⁹ – 5 тыс. руб. и руцукскому¹⁰ – 3 тыс. руб.¹¹ Во «Временном положении о санджаковых¹² казначействах Болгарского края» было сказано, что «счет денег в санджаковых казначействах ведется в русской монетной единице – рубле и его делениях – копейках»¹³. Аналогичным образом еще в период боевых действий на русские рубли считали суммы и в окружных казначействах – в районах, занятых русской армией.

Но сами расходы в рублях в Болгарии были предусмотрены еще до начала объявления войны¹⁴. Не позднее сентября 1876 г. Александр II попросил министра финансов Михаила Христофоровича Рейтерна (1820–1890) представить соображения по будущим военным расходам. Третьего октября того же года Рейтерн представил царю доклад по этому вопросу, в котором, говоря о губительности войны для финансов империи, предлагал оплачивать заграничные расходы армии кредитными билетами. «Средства эти, – писал

8. *Овсяный Н.Р.* Русское управление в Болгарии в 1877–1878–1879 гг. Ч. I. С. 191.

Известно, что за пуд соломы русское интендантство выплачивало болгарам 10 копеек (Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсяный. Вып. 1. СПб., 1903. С. 73.)

9. Ситово – старое название г. Свиштов в Болгарии.

10. Руцук – турецкое название г. Русе, бывшего административного центра Дунайского вилайета (области) в Османской империи.

11. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсяный. Вып. 1. СПб., 1903. С. 70.

12. Санджак – административная единица в Османской империи, часть вилайета.

13. Сборник материалов... С. 90.

14. Война Османской империи была объявлена 12 (24) апреля 1877 года манифестом, подписанным императором Александром II (Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 52. Отделение 1-е. СПб., 1879. С. 371. №57155.). См. также: Циркуляр государственного канцлера А.М. Горчакова русским послам в Берлине, Вене, Лондоне, Париже и Риме о решении России объявить войну Турции (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 2. М., 1964. С. 17–19.).

он, — могут состоять только в бумажных ценностях, а не в звонкой монете, которой у нас в обращении нет, а занять ее за границей во время войны невозможно»¹⁵. Это, по мнению министра, приведет к расстройству денежной системы, так как вызовет необходимость значительной эмиссии бумажных рублей. В другом докладе, представленном царю 17 декабря 1876 г., Рейтерн писал: «В случае войны выпускаемые кредитные билеты, за неимением у нас звонкой монеты, по необходимости будут расходоваться за границей. В придунайских странах наши кредитные билеты обращаются ныне, но, конечно, в ограниченном количестве. Когда же с переходом наших войск за границу все более и более значительные суммы будут расходуются в кредитных билетах в стране, сравнительно невеликой и небогатой, то обесценение их на месте будет идти быстрыми шагами: билеты, ища себе исхода, будут высылаться в Россию (вероятно, через Вену), и для покрытия их потребуются римессы¹⁶, что понижает вексельный курс. Таким образом, на театре войны платежная сила кредитных билетов будет уменьшаться и сообразно с этим будет возрастать нарицательная сумма расходующих там кредитных билетов»¹⁷.

Однако действительность вносила свои коррективы: сопредельные страны с большей охотой принимали звонкую монету. В Румынии, по признанию современника, в это время обращалась «исключительно иностранная звонкая монета»¹⁸; российский полумпериал там принимался из расчета 20 франков 40 сантимов, а серебряный рубль — за 3 франка 80 сантимов¹⁹. В переговорах, предшествующих заключению

15. Цит. по: Милотин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 618.

16. Римесса (от ит. *rimessa* — передача, вручение, перевод денег), платежный документ (вексель-тратта, чек, денежный перевод) в иностранной валюте, используемый в международных расчетах.

17. Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 563. Оп. 2. Д. 223. Л. 7; Милотин Д.А. Дневник. 1876–1878 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2009. С. 623.

18. Заметки бывшего интенданта армии тайного советника И.А. Аренса о довольствии ее в турецкую кампанию 1877–1878 гг. // Военный сборник. 1910. №3 (март). С. 53.

19. Румынский лей, чеканка которого началась в 1870 году, был приравнен к франку.

договора с Румынией²⁰ (через территорию которой должна была пройти русская армия в пределы Османской империи), румынская сторона настаивала на оплате всех расходов в звонкой монете, и, по воспоминанию интенданта русской армии Ивана Аполлоновича Аренса (1824–1900), «генеральный консул в Румынии барон Стюарт²¹ только исключением из 23 статьи конвенции слов «кредитные билеты» успел склонить румынское правительство к подписанию ее»²².

В телеграмме от 7 апреля 1877 г., адресованной царю, великий князь Николай Николаевич старший (1831–1891) писал, что «насчет наших кредитных билетов в Румынии вовсе нельзя рассчитывать, ибо заключенная с тамошним правительством конвенция не позволяет установления обязательного обращения и приема оных, а когда мы перейдем Дунай и вступим в Болгарию в качестве освободителей страны, то первым делом нашим будет платить за все потребности армии действительной, а не фиктивной денежной единицей»²³. Для этих целей великий князь, ставший главнокомандующим действующей армии на Балканах, потребовал выслать 2 млн руб. золотом, а потом — еще 3 млн руб., «присовокупляя, что некоторая часть... может быть выслана серебром»²⁴.

Это соответствовало и сложившемуся предпочтению на Балканах, где традиционно ценилась серебряная монета. Не случайно после согласия Сербии вступить в войну против Османской империи Александр II распорядился выдать аванс сербскому князю Милану в миллион серебряных рублей²⁵.

-
20. Договор с Румынией, подписанный 4 апреля 1877 г., состоял из двух конвенций: 1) о праве свободного прохода русских войск через Румынию и 2) о порядке следования русской армии.
 21. Дмитрий Федорович Стюарт (1838–1902), российский дипломатический агент и генеральный консул в Бухаресте (с 1876 г.).
 22. Заметки бывшего интенданта армии тайного советника И.А. Аренса о довольствии ее в турецкую кампанию 1877–1878 гг. // Военный сборник. 1910. №4 (апрель). С. 38.
 23. Цит. по: Заметки бывшего интенданта армии тайного советника И.А. Аренса о довольствии ее в турецкую кампанию 1877–1878 гг. // Военный сборник. 1910. №4 (апрель). С. 37–38.
 24. РГИА. Ф. 583. Оп. 4. Д. 287. Л. 141.
 25. См. письмо военного министра Д.А. Милютина министру финансов М.Х. Рейтерну от 14 июля 1877 г. (Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. 2. М., 1964. С. 177.) Указанные расходы оговаривались еще в 1876 г. (Там же. Т. 1. М., 1961. С. 529–530).

Шестнадцатого ноября 1876 г. императором Александром II по линии Военного министерства была определена сумма по гражданскому управлению в еще незавоеванной стране. Независимо от этого на те же цели был предоставлен лимит расходов «на счет сметы... по полевому управлению армии» в размере 200 тыс. руб. Эту сумму могли тратить лишь на основании докладов заведующего гражданскими делами в Болгарии²⁶.

Для организации гражданского управления по инициативе В.А. Черкасского было решено набрать порядка 80 офицеров (планировалось, что ими будут 23 офицера гвардии, 40 военнослужащих из Петербургского, Московского и Киевского военных округов и 19 лиц консульского корпуса в Османской империи), которые получили должности окружных начальников и полицмейстеров. Все же второстепенные должности в гражданском управлении были заполнены местными уроженцами.

Первоначальные расходы на канцелярию были определены в 18350 руб.²⁷ Но очень скоро стало ясно, что означенной суммы не хватит, и по линии Военного министерства по указанию императора в конце ноября того же 1876 г. из Государственного казначейства было отпущено 50 тыс. руб. «на экстраординарные расходы по гражданской части»²⁸.

Из средств, ассигнованных гражданскому управлению, для армии закупались зерно и фураж, финансировалась программа «вспомоществования беженцам»²⁹, снабжались госпитали и выплачивалось пособие раненым воинам. Кроме того, определенная часть средств ушла на создание болгарского ополчения.

26. Овсяный Н.Р. Указ. соч. Ч. I. С. 248; Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсяный. Вып. 1. СПб., 1903. С. 10.

27. Овсяный Н.Р. Указ. соч. Ч. I. С. 159–160.

28. Там же. С. 164.

29. Всего на эти цели из сметы по полевому управлению русской армии был определен лимит в 500 тыс. рублей (Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсяный. Вып. 1. СПб., 1903. С. 72.).

Сохранившиеся в Российском государственном историческом архиве книги полевых казначейств в Систове и Рушуке подтверждают, что расчеты велись в рублях и копейках. Здесь оплачивали ассигновки, выдавали деньги по ордерам, телеграммам и по доверенностям военным подразделениям, а также передавали средства санджаковым казначействам. Например, 13 сентября 1878 г. рушукскому санджаковому казначею Еленеву было отпущено 845 руб. 24 коп.³⁰ Правда, такие выдачи были ограничены лимитами и составляли небольшие суммы.

Многие командиры просили главного полевого казначея обменять кредитные билеты на звонкую монету. Во многом именно ею выдавали денежное довольствие офицерам и военным чиновникам (жалованье³¹, а также столовые, фуражные и порционные деньги). Так, 10 апреля 1877 г. чиновники временных военных госпиталей, отправляемых из Киева на Балканы, просили главное полевое казначейство разменять «в определенном количестве кредитные билеты на звонкую монету»³².

Казначей четвертого армейского корпуса действующей армии 28 мая 1877 г. докладывал главному полевому казначею, что «офицеры разных полков, отправляющиеся из Петербурга в действующую армию, преимущественно в болгарский легион, каждодневно осаждают казначейство своими просьбами об обмене кредитных билетов на золото или банковое серебро, так как все они при отъезде к местам своего назначения удовлетворены содержанием кредитными билетами»³³. Из-за большого количества таких просьб с осени 1877 г. деньги стали выдавать не золотом, а почти исключи-

30. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 20. Л. 13.

31. Если офицер действующей армии на Балканах получал жалованье, столовое и добавочное содержание до 51 руб. 50 коп. в месяц, то оно полностью выплачивалось звонкой монетой, а выше этой суммы – от 50 до 75% звонкой монетой.

32. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

33. Там же. Л. 44–44 об.

тельно крупной серебряной монетой³⁴. Причем телеграммой от 26 сентября того года было указано: «..без письменного приказа... не заменять кредитных билетов на звонкую монету»³⁵.

Полевые казначейства русской армии в Систове и Рушуке были подчинены главному полевому казначею, по «Предложению»³⁶ которого также осуществлялись переводы сумм. Только за два дня, 2 и 28 января 1878 г. по ассигновкам было выдано на имена офицеров 152 тыс. руб.³⁷ Звонкую монету просили не только для выдачи жалованья офицерам, военным врачам и ружейным мастерам, но и на починку дорог, покупку угля и другие надобности. Многие пересылали часть получаемого жалованья, обмененного на золотую монету, своим близким в пределы Российской империи³⁸. Но, безусловно, значительная часть денег растворялась в самой Болгарии и оседала у местного населения, поставлявшего для армии еду и фураж.

Двадцатого июня 1877 г. Александр II утвердил «Главные основания для устройства финансового управления в Болгарии», согласно которым (пар. 5) средства, собираемые в стране, состояли в непосредственном распоряжении главнокомандующего действующей армией и расходовались по докладам заведующего гражданскими делами. При этом оклады в рублях получали не только российские чиновники, но и болгары, состоявшие при канцелярии князя Черкасского. Последним платили от 60 до 80 руб. в месяц, «наполовину — кредитными билетами, наполовину — звонкой монетой»³⁹. Не случайно, что после войны на руках у болгарского насе-

34. Там же. Л. 78.

35. Там же. Л. 86.

36. «Предложение» представляло письменный приказ, которому присваивался индивидуальный номер.

37. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–7.

38. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 92. Л. 154 б. – 154 б об.

39. Овсяный Н.Р. Указ. соч. Ч. I. С. 250.

ления осталось большое количество золотой и серебряной монеты, которой прежде не было в таких размерах⁴⁰.

Согласно приказу «О раскладке хлебного и фуражного наряда», утвержденному главнокомандующим русской армией на Балканах великим князем Николаем Николаевичем — старшим, болгарское население должно было за деньги поставить в действующую армию 100 тысяч четвертей⁴¹ пшеницы или ржи, 40 тысяч четвертей овса или ячменя, половину всего имевшегося у жителей количества сена и всю имеющуюся солому⁴². За четверть пшеницы или ржи платили 5 рублей, овса или ячменя — 3 рубля 75 копеек, за пуд⁴³ сена — 30 копеек, а соломы — 15 копеек⁴⁴. Зерно свозилось местными жителями в интендантские магазины, а сено — к складам, устроенным интендантским ведомством близ тех же магазинов⁴⁵.

Деньги выдавали звонкой монетой, и для этого в распоряжение заведующего гражданскими делами первоначально была определена сумма в 700 тыс. руб.; ее распределили между систовским и тырновским губернаторами. По их требованиям деньги отпускались из полевых казначейств окружным начальникам для расчетов с населением⁴⁶. Но этих средств не хватало, и в сентябре 1877 г. В.А. Черкасский просил царя открыть новый кредит в 500 тыс. руб. и, на те же цели⁴⁷. Но и это стало временной мерой: с 13 января 1877 г. по 8 ноября 1878 г. чрезвычайные кредиты, открытые «по военным обстоятельствам для надобностей Болгарского края», составили

40. Стоян Бочев. Капитализмът в България. Фондация БЪЛГАРСКА НАУКА И КУЛТУРА, 1998. С. 306.

41. Одна четверть равнялась 209,9 л.

42. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 112. Л. 3 об.

43. 16,38 кг.

44. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 112. Л. 4 — 4 об.

45. Там же. Л. 4 об.

46. Там же. Л. 7.

47. Там же. Л. 9 — 9 об. Разрешение Александра II на открытие нового кредита последовало 14 сентября 1877 г.

1 152 861 руб.⁴⁸ Наибольшие суммы выделялись на покрытие расходов «по устройству переправ и исправлению путей Южной Болгарии» (0,5 млн руб.), а также «на производство астрономических, геодезических и топографических работ» в Болгарии и Добрудже (255,2 тыс. руб.)⁴⁹.

Согласно Сан-Стефанскому мирному договору (подписан 19 февраля (3 марта) 1878 г.) временное управление в Болгарии на два года было доверено российскому императорскому комиссару, а в стране оставался 50-тысячный российский военный корпус. Число российских офицеров, занимавших в Болгарии административные должности, было пополнено кадрами из действующих войск, преимущественно из гвардии.

Тем временем, обеспокоенный большими выдачами звонкой монеты, министр финансов М.Х. Рейтерн, заручившись поддержкой царя, в письме военному министру Дмитрию Алексеевичу Милютину (1816–1912) просил его умерить аппетиты. «На основании высочайшего повеления... от 11 сентября 1877 г. на расходы действующей армии, — писал он, — отпускается ежемесячно по 5½ млн руб. звонкой монетой. В настоящее время нельзя предвидеть, когда войска действующей армии вернутся и не окажется ли необходимым в случае новой мобилизации и выступления за границу тех войск, которые еще находятся в пределах империи, довольствоваться также и эти войска звонкой монетой. Между тем в случае новой войны иссякли бы источники, коими Министерство финансов до сих пор пользовалось для заготовления звонкой монеты для армии»⁵⁰.

Рейтерн просил Милютина урезать расходы в звонкой монете и переложить их на кредитные билеты: «По доходам сведениям кредитные наши рубли не только имеют обращение в Турции, но и в самом Константинополе сбыва-

48. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 112. Л. 41–46.

49. Там же.

50. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 92. Л. 154 а.

ются по ценам небезвыгодным»⁵¹. Министр финансов считал, что, например, в Румынии «все крупные расходы, производимые полевым казначейством, могли бы быть уплачиваемы кредитными билетами»⁵². Рейтерн писал, что жителей балканских стран, включая болгар, надо приучать к российским кредитным билетам — тем более что «в Болгарии, как и во всех турецких провинциях, обязательным платежным знаком служили турецкие бумажные деньги каиме, и жители не могут быть в проигрыше от замены оных нашими кредитными билетами»; «за Балканами... кредитные билеты не только беспрепятственно принимаются местным населением в платежи, считая по три франка за рубль, но даже обмениваются на звонкую монету»⁵³.

Рейтерн предлагал Милютину сократить высылку в действующую армию звонкой монеты до 1 830 000 руб. в месяц⁵⁴. Но военного министра это явно не устраивало. В ответном письме он указал, что в действительности в армию на Балканы ежемесячно доставлялось звонкой монеты не на 5,5 млн руб., а лишь до 4 млн, а сумма в 5,5 млн рассчитана на все войска армии⁵⁵. По сути, это был отказ, и снабжение армии звонкой монетой продолжалось.

По Берлинскому трактату (1(13) июля 1878 г.) срок полномочий императорского комиссара был урезан до 9 месяцев. Несмотря на это, определенный на должность князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (1820—1893) энергично провел реформы, преобразившие страну⁵⁶. В Болгарии была принята первая конституция, создана армия, система национального образования, реформированы финансовая сфера и налогообложение.

51. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 92. Л. 154 а об.

52. Там же. Л. 154 а об. — 154 б.

53. Там же. Л. 155.

54. Там же. Л. 157.

55. Там же. Л. 160.

56. См.: Дринов М. Записка о деятельности временного русского управления в Болгарии. Тырново, 1879. С. 1—17.

Совет императорского комиссара состоял из семи отделов, включая финансово-контрольный. По мнению болгарского историка Милко Палангурского, политикой страны тогда фактически руководил русский триумвират: генерал Петр Дмитриевич Паренсов, делегированный от Военного министерства в С.-Петербурге, советник и полковник русской армии князь Александр Александрович Шепелев и дипломатический агент Александр Петрович Давыдов⁵⁷.

Как писал князь А.М. Дондуков-Корсаков Д.А. Милютину, «разнообразии ходячей в крае иностранной и турецкой монеты с самого уже начала вступления наших войск в Болгарию причинило немалые затруднения при различных расчетах, что подало повод главнокомандующему действующей армией неоднократно для разъяснения этого запутанного вопроса издавать отдельные приказы. Приказы эти, однако ж, лишь отчасти могли облегчить затруднительность денежных расчетов, что и побуждает меня к подробной разработке этого вопроса и установлению в крае денежных счетов на франки и сантимы»⁵⁸. Предпочтение к франку императорский комиссар унаследовал от прежде распространенного мнения о нем как возможном мировом эталоне для денежной единицы⁵⁹.

28 июля 1878 г. А.М. Дондуковым-Корсаковым была утверждена «Инструкция окружным казначеям». Согласно пятому параграфу документа, «счет денежных сумм ведется в окружных казначействах на франки и сантимы, а потому поступающие в казначейства российская, турецкая и иностранная золотая и серебряная монета, нарицательная стоимость которой выражена во франках, принимается и выдается по цене, определенной центральной властью края»⁶⁰. В пар. 18 инструкции говорилось, что «доходы Болгарского края и

57. Милко Палангурски. Нова история на България. Княжеството. София 2013. С. 53.

58. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсяный. Вып. 3. СПб, 1904. С. 90.

59. Подробнее об этом см.: Бугров А.В. Международные монетарные конференции второй половины XIX века (взгляд из России) // Деньги и кредит. 2014. №7. С. 55–62.

60. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсяный. Вып. 2. СПб, 1903. С. 371.

суммы, условно поступавшие в эти доходы, принимаются от плательщиков российской золотой и серебряной монетой, российскими кредитными билетами и вообще всеми теми денежными знаками, которые центральной властью будут допущены к обращению в крае»⁶¹. Таким образом, счет на франки и сантимы был, в значительной мере, условным — в действительности большая часть расчетов велась на рубли. Такой порядок де-факто сложился уже годом ранее для оценки податей с болгарских территорий, занятых русской армией⁶².

Еще в период боевых действий в занятых областях курсы иностранных монет к рублю определяли согласно специально разосланной ведомости, составленной российскими чиновниками. Курс рубля к франку был определен из фактического серебряного содержания как 1:4. Похожим образом золотая турецкая лира в 100 пиастров была приравнена к 22 франкам 68 сантимам, или 5 рублям 67 копейкам⁶³. Что же касалось турецких казначейских билетов *каиме*, сильно упавших в цене, то их хождение в Болгарии с 1878 г. было прекращено⁶⁴.

В рублях получало жалование все гражданское, а затем и военное управление Болгарии. По признанию известного болгарского ученого и предпринимателя Стояна Бочева (1881–1968)⁶⁵, русское интендантство и военные были оза-

61. Там же. С. 375.

62. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 112. Л. 20 об.

63. Овсяный Н.Р. Указ. соч. Ч. I. С. 248; Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсяный. Вып. 1. СПб., 1903. С. 130–131; То же. Вып. 2. С. 361–362.

В этой ведомости были определены и курсы других валют к рублю, исходя из их металлической ценности: английский соверен оценивался в 6 рублей 28 копеек, германская марка — в 29 копеек, австрийский гульден — в 62 копейки, голландский гульден — в 52 копейки, бельгийский франк, итальянская лира, румынский лей и греческая драхма — по 25 копеек, кроны Дании, Швеции и Норвегии — по 35 копеек, доллар США — в 1 рубль 29 копеек.

64. Согласно утвержденному Александром II 5 июня 1877 года закону, турецкие каиме не принимались в уплату податей с территории Болгарии, занятой русской армией (РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 112. Л. 20.).

65. Стоян Бочев (1881–1968) — банкир, организатор Софийской фондовой биржи, ученый и общественный деятель. Автор многих воспоминаний и работ по экономической истории Болгарии.

дачены «жадными взглядами, которыми болгары смотрели на монеты»⁶⁶, получаемые в обмен на необходимые товары, прежде всего пищу и фураж. Серебром платили даже рабочим, занимавшимся починкой дорог. Им оплачивали и транспортные расходы, включая наем подвод. По сообщению интенданта действующей армии (4 декабря 1878 г.), для разгрузки клади с парохода, прибывшего в Бургас, нанятым рабочим было также уплачено серебром, так как «рабочие требовали уплаты за свой труд не иначе, как звонкой монетой»⁶⁷.

В рамках мер по созданию институтов независимой Болгарии 23 мая 1879 г. был открыт Болгарский народный банк, очень скоро ставший эмиссионным центром страны. Проект его устава, одобренный А.М. Дондуковым-Корсаковым (25 января 1879 г.), был составлен руководителем финансового отдела оккупационного правительства российским чиновником Константином Андреевичем Бухом (1812–1895), который писал: «Едва минули несколько месяцев после освобождения Болгарии от турецкого владычества и водворения в ней свободы, и в целой стране закипела новая жизнь, открылись новые, неизвестные доселе источники богатства, оживилась торговля. В близком будущем эта страна, щедро одаренная от природы и населенная народом бережливым и деятельным... разовьет свою промышленность и торговую деятельность»⁶⁸.

Бух составил устав Болгарского народного банка, взяв за образец Государственный банк в Российской империи. Как и последний, главный банк Болгарии был создан полностью государственным, на принципах учреждения краткосрочного кредита, пока без права эмиссионной деятельности⁶⁹.

66. Бочев Стоян. Капитализъм в България. С. 306.

67. РГИА. Ф. 567. Оп. 1. Д. 92. Л. 263.

68. Цит. по: Костандин Н. Христов. История на българските книжни пари. София 2005. С. 16.

69. По первому уставу Болгарского Народного банка он мог принимать к учету лишь трехмесячные векселя и выдавать ссуды на три месяца (т. е. более краткосрочные, чем в Государственном банке).

Восьмого января 1880 г. Совет министров страны с небольшими поправками одобрил проект устройства главного банка Болгарии, составленный представителями известных российских банкирских домов: барона Горация Осиповича Гинцбурга и Самуила Соломоновича Полякова. Авторы предлагали организовать банк на принципах, заимствованных из опыта Национального банка Бельгии и Государственного банка. Новый банк должен был стать эмиссионным центром страны, представлять национальные финансы за рубежом, включая обслуживание государственного долга и исполнение поручений правительства. 25% прибыли банк должен был отдавать правительству, а 2,5% – в распоряжение благотворительных организаций⁷⁰.

Собственная же болгарская денежная система была создана на основе биметаллической системы Латинского монетного союза, которую многие (включая известного русского ученого Бориса Семеновича Якоби) считали передовой в Европе. Она прекрасно подходила к потребностям относительно небогатых стран (к которой и относилась Болгария), позволяя покрывать банкноты не только золотом, но и серебром, не придерживаться строго закрепленной нормы покрытия денежных билетов, а также приостанавливать размен во время кризисов.

Второго июня 1880 г. вступил в силу закон о болгарской денежной единице. Ею был объявлен *лев*, разделенный на 100 стотинок, по золотому и серебряному содержанию приравненный к франку. По уставу Болгарского народного банка 1883 г., он мог выпускать банкноты на золотую монету⁷¹.

К тому времени денежное обращение Болгарии, по словам современника, представляло монетный хаос, который мог существовать лишь в первобытной стране, в которую «не проникала никакая цивилизация»⁷². В стране циркулировала

70. 120 Years Bulgarian National Bank, 1879–1999 / Ed. Roumen Avramov. Sofia 1999. P. 16.

71. Бочев Стоян. Капитализмът в България. С. 159.

72. Цит. по: Костандин Н. Христов. История на българските книжни пари. София 2005. С. 16.

турецкая, австрийская, германская и иная монета, и особенно «много русских рублей»⁷³. Российское влияние, активным проводником которого стали определенные в военные и гражданские должности русские офицеры, сохранялось в Болгарии вплоть до середины 1880-х гг.⁷⁴ — и именно до этого периода российская крупная серебряная монета широко ходила в стране.

Не удивительно, что одной из забот Болгарского народного банка стало вытеснение из страны иностранной монеты с заменой ее на национальную валюту. По отношению к рублям это сначала пытались достичь постепенным понижением курса рубля к франку или леву. Еще в 1879 г. курс рубля был снижен до 3 франков 70 сантимов. Болгарские власти объясняли это наплывом рублевой монеты с территории Румынии, где ее ценность была еще раньше понижена до той же нормы⁷⁵. По мнению министра финансов Петко Каравелова (1843–1903), румынское правительство сделало это для того, чтобы дешево купить серебряные рубли для их дальнейшей перечеканки в леи⁷⁶. Депутат народного собрания Димитр Анев, отражая мнение большинства в парламенте, считал, что «нашей стране угрожает одно большое зло, а именно то, что страна наводнена рублями, цена на золото сильно возвысилась; оно сейчас дорого, а потом совсем исчезнет, что вызовет затруднения для нашей торговли и для правительства»⁷⁷.

73. Там же.

74. *Палангурски Милко*. Нова история на България. Княжеството. София 2013. С. 136.

75. *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера Генерального штаба. Ч. 4–5. СПб., 1908. С. 140.

По закону от 27 ноября 1880 г. румынское правительство запретило расплачиваться внутри страны российскими серебряными рублями; последние подлежали сдаче населением в казначейства (до 31 декабря 1880 г.) по курсу 3,5 лея за рубль. Таким образом из обращения было выведено 6,5 млн руб. российской серебряной монетой (*Тнев Михаил*. Живот и дейность. Т. 1. София, 2014. С. 360; Т. 2. С. 253).

76. *Тнев Михаил*. Живот и дейность. Т. 1. София, 2014. С. 360.

77. Цитата дана по изданию: *Тнев Михаил*. Живот и дейность. Т. 1. София 2014. С. 360.

В соседней Сербии с 1879 г. рубль официально обменивали на 3,5 франка⁷⁸, что создало соблазн перевозить крупную российскую монету в Болгарию, где на рынках она стоила на 40 сантимов дороже⁷⁹. Во избежание значительного притока рублевой монеты из Румынии и Сербии 14 августа 1881 г. по решению болгарского Совета министров курс серебряного рубля был понижен до 3 левов 50 стотинок, а 28 января 1885 г. — до 3 левов 40 стотинок, и даже до 3 левов 30 стотинок (за рубли старого чекана)⁸⁰. Это решение было закреплено в принятом тогда же законе о снижении обменного курса рубля и изъятии его из обращения. Он предусматривал выведение российской монеты из оборота в течение двух месяцев после введения в обращение в Болгарии 5-левых серебряных монет, изготовленных на С.-Петербургском монетном дворе⁸¹.

Однако из-за вспыхнувшей Сербско-болгарской войны (1885 г.) этот процесс затянулся. Он осложнялся тем, что рубли стали поступать в Болгарию уже и с территорий Османской империи, где они в 1883 г. были лишены статуса платежного средства⁸². Как было написано в одном из правительственных докладов, «из всех частей южной Болгарии и от большей части северной приходят известия, что преобладающей монетой в обращении является серебряный рубль; торговля и вообще сделки усложняются из-за отсутствия монеты со сравнительно стабильным курсом... у населения почти нет болгарских левов»⁸³.

По указу от 27 июня 1886 г. рубль спустя два месяца лишился в Болгарии статуса платежного средства. Главным образом по этой причине, как заверял министр финансов

78. До 1879 г. в Сербии серебряные рубли обменивались к франку из соотношения 1:4.

79. *Тевев Михаил*. Живот и дейность. Т. 2. София 2014. С. 253.

80. 120 Years Bulgarian National Bank, 1879 – 1999 / Ed. Roumen Avramov. Sofia 1999. P. 18, 22; *Михаил Тевев*. Живот и дейность. Т. 2. София 2014. С. 253.

81. На Санкт-Петербургском монетном дворе 5-левые серебряные монеты чеканились в 1884 и 1885 г.

82. *Тевев Михаил*. Живот и дейность. Т. 2. София, 2014. С. 253.

83. Там же. С. 370.

Михаил Тенев (1856–1943), курс рубля сильно упал, и налогоплательщики получали на него в обмене порой даже меньше трех левов⁸⁴. Тем не менее, в народе рубли продолжали принимать как удобную в обороте крупную серебряную монету. Кроме того, в Южной Болгарии ходило значительное количество русской разменной монеты (в 10, 15 и 20 коп.). Это вызвало негодование министерства финансов, и 21 июля 1886 г. оно направило совету директоров Болгарского народного банка письмо с требованием разъяснить публике, что обращение рубля в Болгарии незаконно и игнорирующие это будут подвергаться судебному преследованию, равно как и распространители другой иностранной серебряной монеты. Согласно официальной истории Болгарского национального банка, эта мера возымела успех: примерно через два месяца в стране осталась только болгарская монета⁸⁵. По указу от 13 марта 1887 г. рубль еще в течение трех месяцев принимали в государственных учреждениях по дискриминационной цене в 3 лева, после чего их обращение было «абсолютно запрещено»⁸⁶.

По признанию Стояна Бочева, «деньги, которые русские войска оставили в Болгарии, сыграли значительную роль в экономике»⁸⁷. И хотя, как писал он, их перестали принимать к размену, среди населения они продолжали обращаться — впрочем, как и турецкая монета, отчасти благодаря тому, что местные железнодорожные компании принимали в уплату турецкие лиры, меджидие и куруши. Лишь в 1889 г. под натиском Болгарского народного банка с трудом удалось установить монопольное обращение лева⁸⁸.

Какой объем русских серебряных денег обращался в Болгарии — нет точных данных. Но, безусловно, это были значительные суммы. А.М. Дондуков-Корсаков признавал,

84. Там же.

85. 120 Years Bulgarian National Bank, 1879–1999 / Ed. Roumen Avramov. Sofia, 1999. P. 22–23, 29.

86. Тенев Михаил. Живот и дейность. Т. 2. София, 2014. С. 254.

87. Бочев Стоян. Капитализмът в България. С. 306.

88. Там же. С. 171.

что только расходы по содержанию оккупационного отряда (ограниченного контингента русской армии), созданного российскими инструкторами Болгарского земского войска, а также милиции (ополчения) автономной от Османской империи провинции Восточная Румелия к февралю 1880 г. простирались на 24,3 млн рублей (включая 5,2 млн рублей звонкой монетой)⁸⁹. Поступаемые из Болгарии доходы не могли покрыть этой суммы (как это предусматривалось Берлинским трактатом), поэтому А.М. Дондуков-Корсаков просил управляющего Министерством финансов Самуила Алексеевича Грейга (1827–1887) ходатайствовать перед царем о списании этого долга: «Упомянутый выше долг настолько для них велик, настолько для России ничтожен в сравнении с теми жертвами, которые принесены нашим правительством для освобождения родственных нам по крови братьев»⁹⁰.

Что же касается русских рублей чеканки 1877 и 1878 г., то их до сих пор находят в Болгарии, иногда кладами. Запрещенные в обращении, они сберегались, и ценились, возможно, не только как куски серебра: для многих болгар это была память о возрождении государства, принесенная царем-освободителем.

89. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877–78–79 гг. / Ред. Н.Р. Овсянный. Вып. 4. СПб., 1905. С. 437–439.

90. Там же. С. 440.

А.В. Мамаев¹

ГОРОД КАК СНАБЖЕНЕЦ: ЗАКУПОЧНЫЕ
ОПЕРАЦИИ МУНИЦИПАЛИТЕТОВ
И ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ ВОПРОС
В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(1914 – февраль 1917 г.)

В статье изучается продовольственная деятельность российских городов в условиях Первой мировой войны в части проведения закупочных операций. Анализируется организация продовольственного дела государством и роль в ней органов городского самоуправления, в динамике выявляется масштаб и финансовые основы продовольственных операций городов, возникавшие трудности и проблемы, а также достигнутые успехи. Делается вывод, что при сохранении ведущей роли частной торговли муниципалитетам, выходя на рынок со своими продуктами в нужный момент, удавалось смягчать их нехватку, ограничить рост цен, сузить возможность спекуляций, что ослабляло социальную напряженность в городах. Однако в условиях кризиса правительственного продовольственного аппарата усилия муниципалитетов имели ограниченный эффект.

Ключевые слова: Россия, Первая мировая война, город, муниципалитет, городское самоуправление, продовольственный вопрос, закупочная операция.

Проблема нехватки продовольствия стала одной из основных после вступления России в Первую мировую войну. Миллионы рабочих рук были оторваны от сельского хозяйства, резко увеличившаяся армия нуждалась во все большем объеме продуктов, была потеряна часть хлебопроизводящих земель, а транспортная система оказалась в расстроенном состоянии.

1. Андрей Владимирович Мамаев – к.и.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.

Затруднения с продовольствием наиболее острыми были в крупных промышленных центрах, однако коснулись почти всех городов. Как отмечал экономист Н.Д. Кондратьев, занимавший осенью 1917 г. пост товарища министра продовольствия, из 659 городов, ответивших на анкету Особого совещания по продовольствию о ситуации с продуктами к 1 октября 1915 г., о нехватке заявили три четверти – 75,8% городов. Больше половины российских муниципалитетов испытывали нужду в продовольственных хлебах: 52,8% городов сообщили о нехватке ржи и ржаной муки, о проблемах с пшеницей и пшеничной мукой рассказали 50,7% городов. О недостатке крупы проинформировали 48,8% муниципалитетов².

В условиях изматывающей войны, когда рыночные механизмы в экономике стали давать серьезные сбои, ослабить углублявшиеся трудности могло государственное регулирование экономической жизни. Успех зависел от того, в какой мере и как быстро властные институты осознавали такую необходимость, в какой степени качество этих институтов позволяло перейти к новой организации хозяйства, насколько эффективно им удавалось наладить процессы хозяйственного регулирования.

В России в годы Первой мировой войны функционировали не только бюрократические организации. Потребность в смягчении продовольственных трудностей ощущалась на местах и заставляла местных общественных и хозяйственных работников действовать, пробуждала их инициативу. В городах ведущим институтом, вокруг которого шли процессы самоорганизации по продовольственным вопросам, как правило, становились органы городского самоуправления, прямой обязанностью которых, согласно Городовому положению 1892 г., было «попечение об устранении недостатка продовольственных средств»³. Важнейшим способом борьбы

-
2. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Наука, 1991. С. 161.
 3. Городовое положение 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3. Т. XII. №8708. С. 434.

с дефицитом продуктов и ростом цен являлась муниципальная закупка и распределение продовольствия.

Вопрос о роли органов городского самоуправления в решении продовольственного вопроса в городах в полной мере в историографии не освещен. Как правило, исследователи не акцентируют внимания на том, какие именно структуры действовали на местах, не выявляют особенностей и не оценивают результатов работы муниципалитетов в продовольственном вопросе, не фиксируют степени автономности их действий. Слабо изучена роль инициативы снизу в решении проблемы продовольствия.

Первые попытки организации муниципальных закупок были предприняты в Петрограде и Москве уже в первые месяцы войны, когда государство не вмешивалось в снабжение тыла. Однако этот опыт, по оценке ряда муниципальных деятелей, оказался неудачным. Как вспоминал один из петроградских гласных, член городской продовольственной комиссии М.П. Федоров, около полугода после начала войны муниципалитет не только распределял, но и покупал продукты и подвозил их в Петроград, используя торговые организации и те структуры, которые имелись на местах. Однако, по мнению Федорова, с задачей справиться не удалось. «Что ни делал город для того, чтобы подвезти продукты к Петрограду, как ни старался в этом отношении, их не подвозили, несмотря на то, что щедро давали так называемые наряды... Вместо 100 давалось 12 вагонов... закупленные уже товары на местах оставались там и не могли быть подвезены», — отмечал он⁴. По словам гласного, «..города не имели ни нужных средств, ни подготовленной организации, а главное, не имели никакой власти; они могли только ходатайствовать, ходатайствовать и ходатайствовать»⁵. Как заявлял в 1915 г. член Петроградской управы К.Г. Голубков, «разрозненные силы самоуправлений не могут достичь успешного разрешения задачи нормаль-

4. Вестник городского самоуправления. 1917. №28. 25 июля. С. 3.

5. Федоров М.П. Война и дороговизна жизни. 1916. Доклад. Пг., 1916. С. 18.

ного продовольствования отдельных местностей России». Он делал вывод о необходимости создания «самостоятельного и снабженного достаточными полномочиями органа исполнительной власти, ответственного перед народным представительством, объединяющего деятельность всех учреждений, поскольку они ведают заготовкой и распределением...»⁶.

К выводу о необходимости создания правительственной организации, руководящей закупками для тыла, пришел и член Тифлисской городской управы М.А. Джабар, заявивший на съезде городских деятелей Кавказа в мае 1915 г., что нельзя возлагать на города всю тяжесть борьбы с дороговизной и перекладывать на них всю ответственность. Но, по его мнению, правительственная организация должна была действовать совместно с общественностью в лице земского и городского союзов. Города под руководством союзов, как считал Джабар, должны были встать на путь активного вмешательства в производство и торговлю продуктами путем образования складов, оборудования хлебопекарен, устройства мясных лавок⁷.

Муниципалитеты, не имея в начале войны нужных ресурсов, чтобы взять всю ответственность за снабжение городов на себя, подчеркивали необходимость централизации в продовольственном вопросе, но выступали против оттеснения их от дела. Общественность предлагала государству при организации снабжения тыла продовольствием пользоваться ресурсами муниципалитетов, централизуя, объединяя и направляя деятельность городов и земств в продовольственной сфере, помогая финансово кредитами и обеспечивая демократизацию их состава и полномочий.

Государство, занявшись регулированием закупок и распределением продовольствия для тыла, создало свои органы —

-
6. О продовольственных мероприятиях Петроградского городского общественного управления. Доклад члена Петроградской городской управы К.Г. Голубкова Экономическому съезду в Москве, 11–13 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 32.
 7. Джабар М.А. Дороговизна жизни // Труды IV Съезда городских общественных деятелей Кавказского края, 24–26 мая 1915 г. Тифлис, 1915. С. 144–145.

Особые совещания и институт уполномоченных, в которых представители муниципалитетов оказались почти не представлены. Фактически органы городского самоуправления были оттеснены государством от управления продовольственным делом. Самостоятельные закупки городами продовольствия были ограничены для устранения конкуренции. Циркуляром министра земледелия А.Н. Наумова 24 ноября 1915 г. земским и городским учреждениям предлагалось осуществлять все заготовки продовольственного хлеба, семян и кормов за счет продовольственных капиталов только через уполномоченных Министерства земледелия по закупкам хлеба для армии.

При закупках городами и земствами на иные средства, кроме продовольственных капиталов (которые часто были исчерпаны или слишком незначительны), муниципалитетам было предложено входить в соглашение о покупных ценах с местными уполномоченными. Самим уполномоченным было предложено оказывать полное содействие соблюдающим поставленные условия городам и земствам, которые получали право распределять закупленные грузы самостоятельно, а не по указанию уполномоченного⁸. «Таким образом, заготовочная деятельность правительства и общественных учреждений постепенно сливается в одно предприятие, которое единством своих действий, при весьма крупных размерах закупочных операций, в состоянии будет бороться со спекуляцией и чрезмерным повышением цен», — говорилось в обзоре работы Совещания по продовольствию⁹.

Несмотря на то, что формально муниципалитеты не были включены в органы управления продовольственным делом, местные уполномоченные обычно прибегали к их содействию наряду с общественными организациями, кооперативами, а городские управы являлись постоянным органом при

8. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 авг. 1915–1917 февр. 1916. Пг., 1916. Приложения. С. 75.

9. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 авг. 1915–1917 февр. 1916. Пг., 1916. С. 124.

уполномоченных¹⁰. Муниципалитеты и отдельные городские служащие широко использовались в осведомительных целях для выполнения технических функций, например выяснения нехватки продуктов, выявления запасов продовольствия¹¹.

Организация продовольственного дела сверху вызывала недовольство в оппозиционных общественных кругах. Они заявляли о нежелании государства привлекать общественность и использовать институт общественного самоуправления для решения продовольственного вопроса. По мнению члена Главного комитета ВСГ Н.И. Астрова, секретаря Московской городской думы и лидера «прогрессивной группы» гласных, получилось многовластие: «естественные органы, лишенные прав и средств», и «специально вновь созданные (государством) органы продовольствия». Как отмечал Н.И. Астров, правительственная конструкция продовольственных органов ставила вопрос включения представителей городского управления в зависимость от воли и милости местных уполномоченных. По его мнению, некоторые совещания могли быть организованы губернаторами «только для проформы», а их создание вносило конкуренцию, так как города не были избавлены от обязанности вести продовольственное дело¹².

Формально только в октябре 1916 г. постановление министра земледелия графа А.А. Бобринского предписало включить представителей городского самоуправления в продовольственные совещания на местах¹³. Но вскоре под давлением главы МВД А.Д. Протопопова Бобринский разослал на места зашифрованную телеграмму об отмене постановления, а вслед за тем покинул пост министра, им стал А.А. Риттих¹⁴.

10. Там же. С. 123–124, 215–216.

11. Известия Особого совещания по продовольственному делу. 1916. 15 марта. №21. С. 58.

12. Речь Н.И. Астрова // Труды Экономического совещания Всероссийского союза городов, 3–4 января 1916 г. М., 1916. С. 5, 9–10.

13. Постановление министра земледелия от 10 октября 1916 г. // Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914–1917 гг. Ч. I. Составил Г.К. Гинс. Пг, 1917. С. 75, 78–79, 86.

14. Букштан Я.М. Военно-хозяйственная политика. М.–Лг.: РАНИОН – Институт экономики, Госиздательство. 1929. С. 396; Сахаров В. Наследство // Год работы Московского городского продовольственного комитета (март 1917 г. – март 1918 г.). М.: 1918. С. 14.

К осени 1916 г. твердые цены были распространены на все торговые сделки по закупкам хлеба, что поставило перед властями задачу регулирования хлебной торговли во всей стране и снабжения не только армии, но и тыла. На основе решений августовского съезда уполномоченных, а также последовавшего через несколько дней постановления Особого совещания по продовольствию и постановления министра земледелия от 10 октября 1916 г. муниципалитеты включались в систему снабжения населения продуктами в качестве низовых органов.

По новым правилам городские учреждения, наряду с земскими, должны были к определенному сроку сообщать уполномоченным потребительских губерний сведения о годовой потребности горожан в ввозных продуктах. При желании воспользоваться содействием правительства для закупок продовольствия общественные и правительственные учреждения должны были заявить об этом уполномоченному по месту потребления. На основе их запросов составлялись требования, которые отправлялись в соответствующие центральные организации. Эти ведомства распределяли требования между отдельными уполномоченными по закупке хлеба в зависимости от избытка продуктов в той или иной местности, в соответствии с планом снабжения и состоянием транспорта.

Города, так же, как земства и другие общественные организации, получив наряды на заготовку продуктов в той или иной местности, могли покупать их через собственных агентов или поручив частным хлеботорговым фирмам. Для этого они должны были получить разрешение уполномоченного по заготовке и покупать не выше твердых цен в тех районах и в том порядке, которые укажет уполномоченный. Сам уполномоченный мог отказать в допуске агентов общественных организаций, взяв на себя обязательство заготовки¹⁵.

Муниципалитеты создавали свои органы, ведающие продовольственным и топливным вопросами, по мере обострения

15. Известия Особого совещания по продовольственному делу. 1916. 15 окт. №28. С. 2–3, 7–8.

продовольственных трудностей в 1915-1916 гг. Они, как правило, получали название продовольственных, иногда — обывательских, комитетов, комиссий, в разных городах имели разный объем полномочий и пестрый состав, часто включавший не только гласных, но и общественность, предпринимателей. Как правило, комиссии тесно взаимодействовали с местным уполномоченным Особого совещания по продовольствию¹⁶.

Закупочная деятельность городов в продовольственном вопросе в годы Первой мировой войны развивалась наряду с установлением такс, введением карточной системы, содействием частному подвозу. Кроме муниципалитетов заготовкой продуктов на рынке занимались ведомство земледелия, земства, интендантство, сельская продовольственная часть МВД. Снабжение горожан продуктами, в частности, осуществляли многочисленные потребительские общества при заводах, фабриках, казенных и частных учреждениях. Это вело к усилению конкуренции за продукты и способствовало росту дороговизны. Тем не менее, преимущественно снабжение населения происходило по-прежнему через частную торговлю.

В состав цензовых городских дум входили торговцы и купцы, незаинтересованные во вмешательстве публичной власти в их дела. Далеко не все муниципалитеты считали нужным вторгаться в рыночные регулирующие механизмы, однако рост дороговизны, дефицит продуктов и недовольство потребителей, а также успешный пример других городов часто заставляли думы пересматривать свою позицию. По данным Особого совещания по продовольствию, к июлю 1915 г. закупочные операции осуществляли 85 городов, 32 муниципалитета вели подготовку к ним¹⁷. По информации того же источника на 1 октября 1915 г., закупочные операции производили уже 140 российских городов, или 18,2% муни-

16. Шлезингер А. Борьба с дороговизной и городские управления // Известия ВСГ. 1916. №27–28. Март. С. 129–131.

17. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Лг.: Наука, 1985. С. 192.

ципалитетов, ответивших на анкету (ответили 773 города из 1003 находившихся в России)¹⁸. Первый пик популярности закупочных операций в городах пришелся на весну 1915 г.: именно тогда закупками решила заняться почти половина (48%) из тех 140 городов, которые закупали продукты к октябрю 1915 г.¹⁹ Однако к началу 1916 г. специальные организации по борьбе с дороговизной при городских управлениях существовали не повсеместно и «далеко не везде оказывались достаточно энергичными и деятельными»²⁰.

Наиболее остро среди горожан ощущалась нужда в самом необходимом — хлебе. Это предопределило тот факт, что среди продовольственных операций, по данным экономиста Н.Д. Кондратьева, лидировали именно закупки хлеба — 77,3%, а в рамках хлебных закупок приобретались в основном рожь и ржаная мука — их доля в общем весе закупленного продовольствия составляла 42,9%²¹. Особое совещание по продовольствию на 1 октября 1915 г. давало примерно такие же цифры: 81% городских закупок составляли закупки хлеба, 7% — сахара, 4% — соли, 1% — мяса, 7% — остальные товары²².

Большинство городов осуществляли закупки, командировав представителей в определенные районы. Те покупали продукты как у непосредственных производителей, так и крупных торговцев, действуя самостоятельно, без координации с другими муниципалитетами. Как отмечалось в «Трудах комиссии по изучению дороговизны» в 1915 г., «в области организации закупочных операций почти не встречается указаний на взаимную поддержку городов и согласование их действий»²³.

Можно привести ряд примеров того, как города вели продовольственные операции. Дума города Боровичи

18. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу. С. 40.

19. Там же. С. 41.

20. Труды Экономического совещания Всероссийского союза городов, 3—4 января 1916 г. М, 1916. С. 199.

21. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов... С. 232—233.

22. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу. С. 42.

23. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915. С. 288—289.

Новгородской губернии весной 1915 г. решила закупить ржаную муку. Как отмечала городская продовольственная комиссия, хотя закупочная операция привела к небольшому убытку, но «закупка была произведена в то именно время, когда этого товара совершенно не было на боровичском рынке и население было снабжено ею как раз вовремя»²⁴. Калужская городская управа к декабрю 1915 г. на предоставленный ей аванс в 50 тыс. руб. закупила 8 вагонов пшеничной муки, 19 вагонов ржаной, 100 пудов топленого масла, 5 вагонов рафинада, 4 вагона соли и 100 пудов овса для продажи из городской продовольственной лавки по заготовительной стоимости с прибавлением накладных расходов, отмечались задержки с погрузкой закупленных продуктов и медленность в выдаче разрешений на внеочередную погрузку²⁵. Касимовская городская управа закупила осенью 1915 г. ржаную муку и организовала ее распределение бедному населению города из городской лавки по заготовительной стоимости — 1 руб. 60 коп. за пуд, в то время как частные торговцы продавали муку по установленной таксе на 5 копеек дороже²⁶.

Закупкам городов помогали местные уполномоченные, предоставляя внеочередность погрузки, ходатайствуя о финансировании их из средств, отпущенных Особому совещанию, выступая посредниками между местными учреждениями и уполномоченными Минземледелия по закупке хлеба для армии, оказывая агитационную поддержку изданием воззваний, призывая городских деятелей активизировать работу по продовольствию.

Помимо этого Министерство земледелия помогало городам и земствам, уступая хлеб из свободных запасов, а также не соответствовавший требованиям для армии. Уполномоченные закупали для горожан продукты, которые для армии не заготавливались, например пшеничную муку, крупчатку. Так, за

24. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 977. Л.86, 111.

25. РГИА. Ф. 457. 1916 год. Оп. 1. Д. 503. Л. 17–17об.

26. РГИА. Ф. 457. 1916 год. Оп. 1. Д. 503. Л. 48–48об.

полгода с 1 августа 1915 г. по 1 февраля 1916 г. города получили из запасов для армии 343 тыс. пудов ржи, пшеницы и муки, или примерно 2,8% от общего объема, уступленного Министерством земледелия (12 303 тыс. пудов), львиная доля досталась уполномоченным Особого совещания по продовольствию для нужд населения, а также сельской продовольственной части на продовольствие (более 71% общего объема), также продукты выдавались земствам, Всероссийским земскому и городскому союзам, Красному кресту и прочим учреждениям²⁷.

Одной из основных проблем, с которыми сталкивались города, желавшие наладить закупочную и распределительную деятельность, была финансовая: для приобретения партий товаров требовались немалые деньги. В 1915 г. Совет министров выделил для поддержки продовольственной деятельности городских и земских управлений 30 млн руб.²⁸, они получили возможность ходатайствовать о разрешении беспроцентных ссуд.

В ноябре 1915 г. были разработаны правила о выдаче органам местного самоуправления государственных ссуд и предоставлении правительственных гарантий по займам городов, которые предполагали обязательство государства погасить муниципальный долг в случае несостоятельности городского управления. Согласно правилам, принятое городами или земствами решение взять ссуду предоставлялось на рассмотрение губернатора, после его согласия — на обсуждение в местное совещание с участием представителей казенной палаты, Госбанка, Госконтроля. Затем итоги дискуссии сообщались Особому совещанию по продовольствию для окончательного утверждения. Параллельно земства и города должны были вести переговоры о ссуде в кредитном учреждении, о результатах которых также докладывалось губернатору. Тот все материалы отправлял на заключение министра внутрен-

27. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу. С. 138–139.

28. Там же. С. 232–233, 241.

них дел. В случае положительного решения вопроса Минфин принимало на себя исполнительные функции, т. е. выдавало банку поручительное письмо с обязательством казны оплатить вексель, внесенный городом или земством в банк под ссуду²⁹. Гарантии выдавались не больше чем на 9 месяцев. До заключения с частным банком гарантированного правительством займа города могли рассчитывать на получение от государства аванса в счет этого предстоящего займа. Срок, за который следовало заключить заем, составлял 3 месяца. Аванс следовало вернуть немедленно после заключения гарантированного займа. Если за 3 месяца заключить заем с банком не удавалось, город имел право направить ходатайство в Особое совещание о выделении ссуды. За пользование ссудой и авансом начислялось 5% годовых. Ссуда должна была быть возвращена не позднее полугода после окончания войны, при этом в период между 9 и 12 месяцами после выдачи ссуды следовало определить срок возврата ее половины. Отсрочка допускалась не иначе как по ходатайству перед Особым совещанием³⁰.

Особое совещание по продовольствию выдало до 5 февраля 1916 г. на закупку продуктов ссуды из казначейства или правительственные гарантии по займам 149 городским управлениям (из 1003), ссуды — на 13,1 млн руб., авансы в счет гарантий по займам в частных кредитных учреждениях — на 1,77 млн руб., гарантии по займам — на 7,13 млн руб.³¹. К 1 февраля 1917 г. заемными средствами для продовольственных операций или государственной гарантией через Особое совещание по продовольствию пользовалось уже 334 города из тысячи, что свидетельствует, с одной стороны, о повсеместном вовлечении российских муниципалитетов в дело снабжения городов продуктами, с другой — означает, что по разным причинам и к началу революции, спустя 2,5 года после начала войны, далеко не все города озаботились этой проблемой.

29. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция... С. 194, 196–198.

30. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу. С. 140–141; Известия Особого совещания по продовольственному делу. 1916. 20 февр. №19. С. 16–17.

31. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу. С. 148.

В связи с исчерпанностью средств казначейства в 1916 г. города наращивали объем финансов на продовольственные операции благодаря частным банкам, выдававшим деньги под относительно низкие проценты благодаря гарантии правительства. К февралю 1917 г. размер выданных ссуд из казны остался почти неизменным: 13 млн 192 тыс. 300 руб., а гарантий по займам было предоставлено уже на 46 млн 939 тыс. 800 руб. (рост за год в 6,5 раз), в счет предстоящих займов города получили авансов на 5 млн 290 тыс. руб. и поручительных писем на 27 млн 909 тыс. 800 руб.³²

Например, в Новгородской губернии к концу 1915 г. ссуды на закупку предметов первой необходимости получили Новгород – 200 тыс. руб., Череповец – 110 тыс. руб., Боровичи – 60 тыс. руб., Белозерск – 50 тыс. руб., Крестцы – 15 тыс. руб., Тихвин – 25 тыс. руб., Устюжна – 20 тыс. руб., посад Малая Вишера – 30 тыс. руб.³³ Самую крупную ссуду к 5 февраля 1916 г. выделили Москве – 3 млн руб., затем идет Петроград – 2 млн 488 тыс. 715 руб., по 500 тыс. руб. ссуды выдали Казани и Киеву, а Казань, кроме того, получила еще 400 тыс. руб. гарантии по займу, Архангельск располагал ссудой в 400 тыс. руб. В других городах суммы ссуд были меньше, в частности, Тверь получила 140 тыс. руб., Вятка – 75 тыс. руб., Владимир – 50 тыс. руб. Самой крупной правительственной гарантией по займу к февралю 1916 г. располагали Тифлис и Ревель – по 1 млн руб., по 400 тыс. руб. было гарантировано Царицыну и Казани, по 300 тыс. руб. – Омску, Красноярску и Херсону, Тула оформила правительственную гарантию на 200 тыс. руб. и получила аванс в счет займа на 100 тыс. руб.³⁴

Города стремились изыскать и иные способы получения средств на операции. По данным анкеты ВСГ на конец 1915 г., 16 из 94 ответивших муниципалитетов при закупках использовали городские средства, а 9 – займы в частных кредитных

32. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 981. Л. 344об.

33. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 977. Л. 180, 196–197.

34. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу. С. 143–148.

учреждениях, у частных лиц, под залог товаров, процентных бумаг. Так, в Рязани расходы на закупку продуктов производились из личных средств городского головы, в Касимове деньги дали частные лица в беспроцентное пользование, в Саратове использовались оборотные суммы городского ломбарда³⁵. По данным комиссии по изучению дороговизны на 1915 г., в 8 случаях города занимали у частных лиц, причем в 5 случаях займы были беспроцентными³⁶.

Особое совещание по продовольствию также зафиксировало в начале 1916 г. разнообразие источников покрытия трат: 46 городов из 108 покрывали продовольственные операции, в том числе за счет текущих средств, 21 город — благодаря специальным средствам, 56 городов — путем займов, из них 5 — в казенных кредитных учреждениях, 17 — в частных и общественных банках, 15 — у частных лиц, 19 городов не уточнило своих кредиторов³⁷. Собственно городские фонды (на нужды военного времени, продовольственный и запасной капиталы) были слишком невелики.

К 1 октября 1915 г. на продовольственные операции города уже затратили 21 млн руб., в то время как земства только 11 млн. руб. Из этого 21 млн руб. 65% суммы города позаимствовали из текущих и специальных средств, а 35% — путем займов в кредитных учреждениях. В обзоре совещания отмечалось, что эти суммы ничтожны по сравнению с годовыми тратами населения на предметы первой необходимости. Частная торговля по-прежнему играла первенствующую роль в деле снабжения горожан³⁸. Сумма, которую тот или иной город мог получить, зависела скорее от бюджета муниципалитета, чем от степени недостатка в нем того или иного продукта.

35. Шлезингер А. Борьба с дороговизной и городские управления // Известия ВСГ. 1916. №27–28. Март. С. 136; Приложение 1.

36. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915. С. 282.

37. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу... Приложения. С. 129.

38. Обзор деятельности Особого совещания... по продовольственному делу. С. 41; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция... С. 196–197.

Города, бравшиеся за закупки, как отмечал в 1916 г. представитель ВСГ, часто не знали о наличии продовольственных запасов в других районах, не координировали закупки с другими городами, что вело к взаимной конкуренции³⁹. Как вспоминал Г.К. Гинс, в начале 1917 г. «в то время как Нижний Новгород переживал хлебный голод, агенты города Ревеля отправляли из Нижегородской губернии в Эстляндию вагоны хлеба»⁴⁰. По замечанию члена Госдумы и деятеля ВСГ М.М. Федорова, «...был случай, когда в одном городе съехались 22 представителя городов и земств и так подняли цены, что они значительно превысили норму»⁴¹.

Важной проблемой при организации закупок являлось расстройство транспорта и бюрократия. Как отмечает Л. Шлезингер, из-за этого «попытки закупочных операций сводились в ряде случаев на нет, закупленные грузы либо совсем не доставлялись в города, либо доставлялись в незначительной части через несколько месяцев». Так, Псков получал купленные на наличные деньги грузы с запозданием на 3–4 месяца⁴². Летом 1915 г. в Петроград прибыло 800 вагонов с закупленными городом продуктами, что составило лишь четверть от заготовленного муниципалитетом на местах⁴³. По данным на начало июля 1915 г., Петроград закупил 3 млн 130,5 тыс. пудов продуктов, однако прибыло в город только 410,9 тыс. пудов (немногим более 13%), а из объема прибывших товаров было продано только 56,1 тыс. пудов (13–14%)⁴⁴.

39. Шлезингер Л. Борьба с дороговизной и городские управления // Известия ВСГ. 1916. №27–28. С. 138–142.

40. Гинс Г.К. Продовольственное законодательство (организация народного хозяйства во время войны). Омск, 1918. С. 60.

41. Девятый Съезд представителей городов Петроградской области, 26–27 апреля 1916 г. Пг., 1916. С. 270.

42. Шлезингер Л. Борьба с дороговизной и городские управления // Известия ВСГ. 1916. №27–28. С. 159.

43. Чистиков А.Н. Городская дума в годы Первой мировой войны // Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб: Лики России, 2005. С. 282.

44. О продовольственных мероприятиях Петроградского городского общественного управления. Доклад члена Петроградской городской управы К.Г. Голубкова Экономическому съезду в Москве, 11–13 июля 1915 г. Пг., 1915. С. 9–10.

Член Петроградской управы К.Г. Голубков в июле 1915 г. пояснял причины подобного рода задержек: много времени уходило на согласование действий с различными инстанциями, от которых зависело разрешение на закупку, вывоз, погрузку и отправку по назначению купленных грузов. После получения разрешений от военного ведомства, как отмечал К.Г. Голубков, приходилось «преодолевать противодействие подчиненных представителей ведомства на местах, препятствия со стороны отдела заготовок при Главном управлении земледелия и землеустройства, конкуренцию подрядчиков, работающих для этого отдела». Сложности возникали с согласованием перевозки груза с Центральным комитетом по регулированию массовых перевозок, порайонным комитетом, управлением железных дорог, начальниками станций. По словам К.Г. Голубкова, «одни начальники станций категорически отказываются давать вагоны для погрузки разрешенных к вывозу закупок города, другие дают их... в недостаточном числе, третьи... отказываются принимать грузы по желательному направлению»⁴⁵. Причиной задержек член управы назвал отсутствие согласованности в деятельности ведомств: «По одному и тому же делу надо обращаться за разрешением в пять мест»⁴⁶.

Иногда задержки были связаны со взяточничеством и злоупотреблениями железнодорожных служащих, поддержкой частного капитала. Городская продовольственная комиссия Пензы нашла баскунчакскую и бахмутскую соль, получила разрешение на ее перевозку от железнодорожного комитета, но осуществить ее не смогла — не было вагонов, комиссии пришлось отправлять в Сызрань своего агента, который покупал там соль и небольшими партиями отправлял в Пензу как багаж. В феврале 1916 г. городской голова Саратова жаловался в Петроград на неподачу вагонов для перевозки закупленной в Астрахани рыбы, а из Саратова в

45. Там же. С. 10–12.

46. Там же. С. 16–17.

Петроград не могли вывезти заготовленное мясо, в итоге оно начало портиться, его объедали крысы⁴⁷.

В телеграмме владимирского губернатора в связи с тяжелым продовольственным положением указывалось: «Замечено преимущественное прибытие грузов частным торговцам и задержки грузов городам, земствам и фабрикам»⁴⁸. Член Петроградского горпродкома, гласный М.П. Федоров отмечал: «...какие-то таинственные влияния на станциях отправления и узловых ... народился даже новый бытовой тип посредников, метко прозванный — толкачами»⁴⁹. Член Тифлисской городской управы М.А. Джабар заявлял, что уполномоченный управы, вооруженный телеграммами всех начальствующих лиц, не смог получить в Ростове-на-Дону вагонов под муку, в то время как в тот же день одному из тифлисских купцов было предоставлено 50 вагонов. «Говорят: “Не подмажешь, не поедешь”». Город не позволяющий себе прибегать к подмазкам, не достигает результатов», — отмечал он на съезде городских общественных деятелей Кавказского края в мае 1915 г.⁵⁰ Воронежу, чтобы добиться доставки закупленного городом груза, пришлось направить на станцию отправления своего агента, который прибег к мерам шантажа в отношении начальника станции. Увидев незаконную погрузку вагонов частных лиц, агент пообещал направить телеграмму о нарушении губернатору и «довел начальника станции до того, что он сказал «будьте вы прокляты!», дал нам вагоны и сейчас же отправил наш груз»⁵¹.

Введение продрозверстки А.А. Риттихом еще более усложнило задачу закупки хлеба, так как возникла конкуренция между уполномоченными по заготовке, обязанными

47. Известия ВСГ. 1916. №33. С. 223, 225.

48. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция... С. 151.

49. Федоров М.П. Продовольствие Петрограда за время войны. Доклад горпродкому. Пг., 1915. С. 19.

50. Труды IV Съезда городских общественных деятелей Кавказского края, 24–26 мая 1915 г. Тифлис, 1915. С. 24–25.

51. Труды Экономического совещания Всероссийского союза городов, 3–4 января 1916 г. М, 1916. С. 108.

в первую очередь снабжать армию, и уполномоченными по продовольствию. Как отмечается в докладе по итогам экспедиционного обследования ВСГ в январе 1917 г., например, уполномоченный по продовольствию заявлял, что снабжение Нижнего Новгорода входит в наряд разверстки, а уполномоченный по заготовке говорил, что не входит; уполномоченный по продовольствию давал наряды для ввоза продуктов из других губерний, а уполномоченный по заготовке реквизировал их, как только продукты прибывали в пределы губернии. С 1916 г. города были приписаны к разным губерниям для снабжения их хлебом, однако уполномоченные этих губерний часто запрещали вывоз или даже реквизировали закупленные городами партии. В хлебопроизводящих губерниях скапливались уполномоченные разных организаций, земств, городов, плохо снабжавшаяся армия слала своих агентов, все они конкурировали между собой, а местные уполномоченные иногда прямо не выполняли распоряжения самого Риттиха⁵².

В деле доставки продуктов в города муниципалитеты пытались наладить сотрудничество с частниками: распространение получила комиссионная форма закупок, когда город брал на себя организацию закупки, а деньги предоставлялись частными торговцами, на которых лежали и риски операции. Популярными стали соглашения городов и частных торговцев на основе выписки грузов в адрес городских управ, что обеспечивало более оперативную доставку продуктов, в обмен муниципалитеты пытались регламентировать условия продажи товаров, закупленных торговцами таким образом. Этим способом перевозки частных грузов в город пользовались 49 из 94 городов, ответивших в конце 1915 г. на анкету ВСГ. В основном нормировались цены, по которым торговцы могли продавать закупленные продукты⁵³.

52. Сидоров А.А. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., Наука, 1973. С. 490–491.

53. Шлезингер Л. Борьба с дороговизной и городские управления // Известия ВСГ. 1916. №27–28. С. 165–172.

Закупив и получив товары, города вставали перед проблемой их хранения и распределения среди населения. Многие муниципалитеты шли по пути открытия собственных складов и лавок. К концу 1915 г. распределение продуктов через собственные лавки и склады организовало 26 городов из 52 приславших ответ в ВСГ⁵⁴.

Так, Тула распределяла ржаную и пшеничную муку, гречневую крупу и сахар через открытый в ноябре 1915 г. городской продовольственный склад, отпуск товара в одни руки был ограничен, однако продажа осуществлялась не только потребителям, но и торговцам. При продаже делалась наценка в 3% на расходы и возможную утерю товаров⁵⁵. Московская городская управа первоначально собиралась заниматься только оптовой закупкой продуктов и перепродажей их по заготовительным ценам розничным торговцам, которые уже должны были продавать горожанам по установленной муниципалитетом цене. Привлекались и кооператоры: был заключен договор с Союзом потребительских обществ о продаже заготовленных городом продуктов в их лавках, однако их интересовала только продажа пшеницы, поэтому управа решила открыть до 20 собственных розничных лавок на окраинах и рынках. Отмечалось, что 20 городских хлебных лавок могли удовлетворить 10–12% всей потребности жителей Москвы в ржаном хлебе⁵⁶.

Механизм закупок в московском муниципалитете состоял из нескольких этапов. Вопрос о закупке товара сначала обсуждался на Совете заведующих заготовками в хозяйственном отделе Мосгоруправы. Рассматривались предложения разных фирм с учетом их солидности, качества товаров, цен, районов производства и сроков доставки. Окончательно закупки утверждались присутствием управы. Приемка поступивших продуктов велась на станциях в Москве комиссией

54. Там же. С. 150.

55. РГИА. Ф. 457. 1916 год. Оп. 1. Д. 503. Л. 40.

56. Лузин Ф.А. Продовольственные операции г. Москвы: доклад, М., 1915. С. 7–17.

из представителей хозяйственного отдела, контроля, санитарного или ветеринарного врача, по возможности — представителя фирмы. Оплата частью проводилась аккредитивами на местах, частью наличными в Москве. С железнодорожных станций товар поступал в склады городской управы, где продавался кулями и пудами. Кроме того, действовало несколько складов для розничной торговли картофелем. Как отмечал член управы Ф.А. Лузин, цены муниципалитета почти во всех случаях оказывалась ниже биржевых⁵⁷.

В общей сложности в 1915 г. городское самоуправление Москвы удовлетворяло нужды горожан в ржаной муке, сахаре и крупах на 11%, в соли — на 9%, в пшеничной муке — на 7%, в яйцах — на 5%. Продукты продавались ниже таксы от 0,5 коп. до 1,5 коп. за фунт. К началу 1916 г. московской управе принадлежало 3 хлебопекарни, 23 продовольственных магазина, 16 специализированных хлебных лавок, 5 мясных лавок⁵⁸.

Розничная сеть петроградского городского самоуправления включала к началу 1916 г. 40 продовольственных лавок, однако роль городских властей в распределении продуктов среди горожан была гораздо скромнее: хлеба продавалось 0,7% от потребности, муки — 1,7%, круп — 4%, сахара — 5%⁵⁹. В Самаре к началу революции действовало 2 хлебопекарни, 14 городских лавок⁶⁰. В Саратове к концу 1915 г. были открыты две лавки для торговли мясом, 1 — для торговли мукой, пшеном, горохом и 1 — для торговли сахаром, продукты продавались по заготовительным ценам. В Уфе из городской лавки по себестоимости ежедневно в декабре 1915 г. продавалось до вагона муки, городское управление также отпускало муку потребителю обществу. Действовала еще одна муниципальная лавка — по продаже сахара. К концу 1916 г. было

57. Там же.

58. Известия Особого совещания по продовольственному делу. 1916. 15 марта. №21. С. 24–25; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция... С. 250.

59. Лейберов И.П., Рудаченко С.Д. Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990. С. 20.

60. Отчет о деятельности Самарского городского продовольственного комитета за март-октябрь 1917 г. Самара, 1917. С. 13.

открыто уже 9 городских лавок⁶¹. В начале 1917 г. Иваново-Вознесенску принадлежали 2 хлебопекарни и 2 продовольственные лавки⁶².

Не всегда открытие муниципальной торговли способствовало ликвидации дефицитов и борьбе с вздорожанием цен: так, в Егорьевске выписанный городом по оптовой цене сахар был распродан в городской лавке оптом торговцам, которые затем стали сбывать его населению с собственной наценкой. Журналисты отмечали беспрерывные злоупотребления в городских мясных лавках обеих столиц⁶³. Так как в Петрограде мясо в городских лавках продавалось на 1–2 копейки ниже таксы, эта разница цен провоцировала скупку частными торговцами мяса в городских лавках для дальнейшей перепродажи, причем иногда мясо перехватывалось прямо по пути с бойни в городскую лавку⁶⁴. В Иваново-Вознесенске дешевизна хлеба, закупленного городом и фабрикантами и распределявшегося через частные лавки, привела к его массовой скупке иногородними торговцами. В итоге избранной гордумой комиссии пришлось не только предписать частным торговцам цены, но и ограничить продажу в одни руки⁶⁵.

В Сызрани, по данным корреспондента одной из газет, мукомолы добились ограничения продажи муки из городских лавок по сниженным ценам, в результате число покупателей сократилось чуть ли не вдвое, горожане были вынуждены обратиться к свободному рынку⁶⁶. В Петрограде в конкуренцию с городом пытались вступить черносотенцы из субсидируемого

61. РГИА. Ф. 457. 1916 год. Оп. 1. Д. 503. Л. 43, 52–52об; Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны: документы и материалы. Уфа, 2008. С. 89.

62. Чистиков А.Н. Городская дума в годы Первой мировой войны // Петербургская городская дума, 1846–1918. СПб.: Лики России, 2005. С. 310; Городское дело. 1917. №2. С. 62; РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Год 1916. Д. 503. Л. 70.

63. Городское дело. 1916. №17. С. 790–791.

64. Быстрова М.Н. Продовольственные мероприятия Петроградского городского общественного управления в начале Первой мировой войны // Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность. Материалы VI международного научного форума. Т. 2. Кн. 2. СПб., 2008. С. 18–19.

65. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915. С. 295–296.

66. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция... С. 155.

властями общества по борьбе с дороговизной во главе с членом Союза Михаила-архангела Г.И. Кушнырь-Кушнаревым. Общество имело право внеочередного получения продовольственных грузов и стремилось развить деятельность в рабочих кварталах, открыв широкую сеть потребительских лавок как противовес активности муниципалитета⁶⁷.

Вместо муниципальной системы распределения закупленного товара некоторые города, по данным на 1 апреля 1916 г., организовали продажу продуктов через сельскохозяйственные склады земства (Венев), частные лавки по ордерам городской продовольственной комиссии (Ямбург), заслуживающих доверия продавцов (Житомир), через кооператив и 30 избранных лавочников (Минск)⁶⁸. Ряд городов оказывал кооперативам материальную поддержку, например Петроград, Москва, Киев, Минск, Красноярск. Съезд городских голов Енисейской губернии заявил о предпочтительности кооперативной организации продовольственного дела перед организацией городских лавок⁶⁹. В Чернигове городская дума выдала потребителю обществу 15 тыс. руб. для организации распределения закупленных продуктов. В Витебске закупленная городом мука продавалась через лавки потребителей.

Привлечение кооперативов не было массовым явлением, несмотря на активную пропаганду общественных деятелей. В прессе левого направления говорилось, что виной тому был классовый состав городских дум, близких к торговцам и не заботившихся об интересах большинства жителей⁷⁰. Но стоит отметить, что в периоды продовольственных кризисов кооператоры иногда забывали о нуждах всех горожан, прибегая к ограничению продажи дефицитных продуктов — про-

67. *Лейберов И.П., Рудаченко С.Д.* Революция и хлеб. М.: Мысль, 1990. С. 21; *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция... С. 180–181.

68. Известия Особого совещания по продовольственному делу. 1916. 15 окт. №28. С. 35–43.

69. Там же. 1916, ноябрь. №29. С. 68.

70. *Запороженко Г.М.* Городская потребительская кооперация дореволюционной Сибири и продовольственный вопрос в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX веках: проблемы источников и историографии. Сб. статей. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2007. С. 106.

давали их либо только пайщикам, либо пайщикам и посторонним на разных условиях⁷¹. Городские думы, пусть даже цензовые, такая политика вряд ли устраивала в полной мере, так как муниципалитеты стремились снабжать наиболее нуждающихся, независимо от их членства в кооперативе, как раз в те моменты, когда наиболее остро ощущалась нехватка продуктов или дороговизна.

Муниципалитеты в основном положительно оценивали результаты своего вмешательства в снабжение горожан. По анкетным данным экономического отдела ВСГ, из 31 ответившего города в 23 утверждали, что закупочные операции привели к снижению рыночных цен или удержали их от чрезмерного повышения, 8 заявили, что закупки из-за их незначительного размера не повлияли на рыночные цены. Так, как сообщал Союз городов, весной—летом 1915 г. в Мценске в связи с закупочными мерами муниципалитета цену на муку удалось понизить на 5 коп. за пуд, в конце 1915 г. в Арзамасе после организации городом продажи муки цена на нее, доходившая до 2 руб. за пуд, упала до 1 руб. 40 коп., в Чернигове стоимость ржаной муки снизилась на 20–25 коп. за пуд⁷². В Архангельске после открытия городской торговли мясом цены на него понизились на 20–25%. В Чистополе после открытия муниципальной торговли ржаной мукой торговцы понизили цену с 1,5 руб. до 1 руб. 30–35 коп. Некоторые другие города также свидетельствовали о снижении цен, не приводя численных данных, в том числе Архангельск, Новгород, Ржев, Ростов-на-Дону, Саратов, Тифлис, Царицын. В ряде городов муниципальные закупки не помогли снизить цены: об этом говорили данные по Астрахани, Елизаветграду, Вильно, Чебоксарам⁷³. По информации комиссии по изучению дороговизны Общества имени А.И. Чупрова, города, задаваясь целью регулирования цен, не фиксировали и не рассчитывали, какую долю потребности в определенном

71. Там же. С. 107–108.

72. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов... С. 242–243.

73. Труды комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. III. М., 1915. С. 300–302.

продукте должна удовлетворять муниципальная закупка для оказания ценового давления на рынок, однако отмечалось, что в зависимости от конъюнктуры закупка, удовлетворяющая 5% потребности города, могла оказать большее давление на цены, чем закупка, удовлетворяющая 10%⁷⁴.

По данным Особого совещания по продовольствию, весной и летом 1916 г. земства и города сообщали, что их продовольственные операции «оказали большое влияние на понижение рыночных цен, значительно сократили (или «парализовали») спекуляцию и содействовали более равномерному снабжению жителей предметами первой необходимости», основным препятствием правильному ходу операций, по мнению земств и городов, были «неправильности железнодорожных перевозок», а в ряде случаев — недостаток денег. Хорошо продовольственные операции производили, по оценке Особого совещания, 13% городов, отчитавшихся к 1 апреля 1916 г., удовлетворительно — 72%, малоудовлетворительно — 13% и неудовлетворительно — 2%⁷⁵. Экономист Н.Д. Кондратьев считал роль такого метода регулирования цен, как муниципальные закупки, «чисто местной и ограниченной». По его оценке, заготовки городов и земств были явно недостаточны для полного удовлетворения нужд населения, но помогали бороться со спекуляцией и восполняли нехватку того или иного продукта в наиболее острые моменты⁷⁶.

Несмотря на быстрый рост задолженности городов из-за закупочных операций, нельзя говорить, что снабжение горожан продуктами дорого обошлось муниципалитетам. Заемные средства находились в обороте, использовались для преодоления продовольственных проблем и при этом, как правило, приносили городам небольшую прибыль, хотя муниципалитеты не рассматривали фактор доходности как решающий. Об этом свидетельствуют, в частности, данные Особого

74. Там же. С. 302–303.

75. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 978. Л. 61.

76. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов... С. 241.

совещания по продовольствию на 1 июля 1916 г. По данным из 62 городов, сделавших займы с помощью государства и обязанных отчитаться к 1 июля 1916 г., заготовка и доставка продуктов с накладными расходами обошлась им в 16 млн 950 тыс. 567 руб., было выручено от продажи 14 млн 577 тыс. 960 руб., в остатке имелось купленных, но не доставленных продуктов, на 2 млн 58 тыс. 247 руб., доставленных, но не проданных, — на 2 млн 704 тыс. 786 руб., также числились свободные денежные средства на 2 млн 692 тыс. 52 руб. О чистой прибыли Особому совещанию сообщили 24 города, небольшой, чуть выше 50 руб., убыток понесли 2 муниципалитета, без прибыли и убытка работали 18 городов, еще из 18 городов сведений не было⁷⁷. В 1916 г. гласный Петроградской гордумы и председатель городской финансовой комиссии М.П. Федоров оценивал опыт продовольственной кампании города уже более оптимистично, чем годом ранее: по его мнению, практика показала, что «дело это не только не опасное, но вполне практически осуществимое»: город «при самых неблагоприятных условиях» произвел операций на 25 миллионов рублей и «даже получил некоторую прибыль»⁷⁸.

О масштабах участия городов в решении продовольственного вопроса накануне революции свидетельствует, например, обзор деятельности городской управы дальневосточного Благовещенска за две недели с 15 ноября по 1 декабря 1916 г. В эти дни в муниципальных лавках и лавках потребительского общества Благовещенска шла торговля разными припасами, мылом, мехами, кожаными изделиями городского завода, велась продажа муниципальных дров населению не более 2 сажень в одни руки, была расширена деятельность городской мастерской по ремонту обуви. Муниципалитет закупал пшеницу, дрова, приобрел во Владивостоке 5 тыс. пудов заграничного сахарного песка, вагон кокосового масла, в Забайкалье было куплено 2,5 тыс. пудов мяса, была доставлена 1 тыс.

77. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 978. Л. 61–66.

78. Федоров М.П. Война и дороговизна жизни. Доклад. Пг., 1916. С. 3.

пудов рыбы, во Владивосток прибыла закупленная муниципалитетом партия из более чем 1 тысячи ящиков японских спичек, шли переговоры о покупке коров для открываемой городской фермы. Управа Благовещенска ходатайствовала о предоставлении вагонов местным промышленникам для вывоза из Забайкалья мяса при условии продажи лишь в городе, и с низкой наценкой⁷⁹.

Исследование показывает, что в годы Первой мировой войны, до февраля 1917 г., значительная часть российских городов (не менее трети) добровольно поставила перед собой задачу решить проблему более или менее равномерного обеспечения продовольствием горожан. В отсутствие серьезных мер со стороны государства по организации продовольственной политики в тылу муниципальные деятели получили возможность широкого творчества, инициативы и приобрели ценный опыт. Думы и управы зачастую выступали естественным центром на местах, вокруг которых объединялась общественность, желавшая помочь в решении продовольственных затруднений. Включаясь в продовольственную деятельность, органы городского самоуправления выходили за пределы узких рамок, установленных для них самодержавием, и фактически становились структурами государственной власти на местах.

Роль муниципалитетов в борьбе с продовольственными трудностями, снижением дороговизны и дефицита во многих городах, как показывает исследование, стала одной из значимых в годы войны, хотя ведущую роль в снабжении горожан продолжала играть частная торговля, а доля муниципальных закупок в общем городском потреблении была невелика. Продовольственная деятельность городов, как правило, являлась для них прибыльным делом. Муниципалитеты, выходя на рынок со своими продуктами в нужный момент, смягчали их нехватку, ограничивали рост цен, сужали возможность спекуляций со стороны частных торговцев, помогали приспособлять усилия государства и общественных организаций

79. Городское дело. 1917. №1. С. 29.

к потребностям конкретных городов. Это помогало отчасти снять социальную напряженность в стране.

Тот факт, что продовольственное положение России становилось все более сложным, свидетельствует, что трудности не могли быть преодолены на уровне отдельных городов и регионов. Они требовали принятия общероссийских мер, четкой продовольственной политики со стороны центральной власти с привлечением эффективно проявивших себя общественных учреждений и распространением их опыта на не вовлеченные в продовольственные операции города. Вряд ли требования оппозиции о передаче дела снабжения продовольствием в руки общественных самоуправлений могли стать панацеей, но более тесное и конструктивное сотрудничество государства и местного самоуправления было необходимо. Окончательно решить проблему могло только завершение войны.

К началу 1917 г. собственные закупки городов оказались слишком незначительными, чтобы предотвратить дефицит продуктов в крупных городах в условиях кризиса правительственного закупочного аппарата и проблем с доставкой. Зимой 1916/17 годов большая часть хлеба, полученного правительством в результате продразверстки, отправлялась в армию, а наряды для Москвы, Петрограда, внутренних районов выполнялись лишь на $\frac{1}{3}$. Так, в ноябре 1916 г. Петроград получил лишь 15% от требуемого количества хлеба, в декабре – 14%⁸⁰. За первые 2 месяца 1917 г. план снабжения Петрограда и Москвы продовольствием был выполнен лишь на 25%, в феврале 1917 г. московский городской голова М.В. Челноков в записке председателю Совета министров сообщал о критическом положении и грозящем населению голоде⁸¹. В столичных городах привычными стали многочасовые очереди у лавок, которые и дали толчок к событиям, вылившимся в Февральскую революцию.

80. Сидоров А.А. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. С. 492, 496.

81. Китанина Т.М. Война, хлеб и революция... С. 254.

А.Л. Арутюнов¹

РОЛЬ Л.Н. ЮРОВСКОГО
(НАЧАЛЬНИКА ВАЛЮТНОГО УПРАВЛЕНИЯ
НАРКОМФИНА) В ФОРМИРОВАНИИ
ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЫ СССР
В ПЕРИОД НЭПА

В статье рассказывается об исторической роли одного из талантливых экономистов 1920-х годов (в период проведения новой экономической политики в первые годы существования советского государства), руководителя Валютного управления Наркомата финансов СССР, крупнейшего специалиста по денежному обращению, профессора Л.Н. Юровского. Занимая столь высокий пост в структуре Наркомата, он контролировал многие механизмы управления для формирования не только денежно-кредитной системы, но и организации общей структуры планового хозяйства в СССР в период 1918–1928 гг.

Ключевые слова: новая экономическая политика, валютное управление, денежная политика, денежное обращение, совзнак, реформа, параллельное обращение, денежная система, плановое хозяйство, твердая валюта.

Предисловие

Воистину 1920-е годы в исторической эпохе советской России можно смело назвать золотым веком становления и развития экономической науки и мысли России XX в. Этот небольшой исторический промежуток времени (с 1917 по 1932 г.) изобилует фамилиями таких ярких талантливых ученых-экономистов, как: Н.Д. Кондратьев, В.Г. Громан, В.А. Руднев, А.Л. Вайнштейн, Н.Н. Гриммер, В.В. Святловский, С.И. Солнцев, Е.Е. Слуцкий, П.Б. Струве, М.В. Птуха, С.А. Первушин, С.Л. Маслов, А.А. Конюс, Л.Н. Литошенко, М.Н. Рютин,

1. **Арсен Леонович Арутюнов** – научный сотрудник Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН, член экспертного совета комиссии РАН по работе с молодежью.

А.Н. Челинцев, А.В. Чаянов, Л.Н. Юровский и т.д. (многие из которых приходились друг другу близкими друзьями, коллегами и соратниками по работе), чьи труды соискали широкого и заслуженного признания не только в экономических кругах советской России того времени, но и за ее пределами, в передовых странах западной Европы и в США.

В частности, в судьбах Л.Н. Юровского, А.В. Чаянова и Н.Д. Кондратьева выражен весь драматизм российской науки и интеллигенции в целом. Россия на протяжении веков никак не научилась беречь и хранить своих гениев, талантов, и просто достойных личностей. И, на мой взгляд, не научится этому никогда. К сожалению, так было со многими лучшими представителями людей творческого и умственного труда. Многих из них либо убивали (Н.И. Вавилова, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юровского и т.д.), либо изгоняли (например, как П.Л. Капицу – одного из ярчайших физиков-экспериментаторов XX в., лауреата Нобелевской премии), либо создавали невыносимые условия труда и быта (примером могут послужить судьбы таких великих русских ученых, как М.В. Ломоносов и Д.И. Менделеев).

Некоторые автобиографические сведения из жизни Л.Н. Юровского

Леонид Наумович Юровский родился в 1884 г. (в г. Одесса) в достаточной степени обеспеченной семье купеческого происхождения. По окончании гимназии в 1902 г. он поступает на электромеханическое отделение Петербургского политехнического института, но уже через месяц перевелся на экономическое отделение того же вуза. В 1905/1906 гг. находится в годичной поездке по Германии для прослушивания семестровых курсов по экономической теории и практике сначала в Берлинском университете, а затем в Мюнхенском. По окончании политехнического института его, как лучшего студента, за счет государственных ассигнований отправляют учиться в Западную Европу по программе аспирантуры (для подготовки

и защиты диссертационной работы). И в 1908 г. он снова возвращается в Мюнхенский университет. Там, под руководством известного немецкого экономиста Л. Brentano, уже в 1910 г. успешно защищает диссертационную работу на тему «Русский экспорт хлебов, его организация и развитие» с последующим присвоением ему звания доктора политической экономии от Мюнхенского университета. Диссертация издается в виде монографии в Штутгарте на немецком языке в том же 1910 г. Вернувшись в Москву из Германии в конце 1910 г., Юровский до конца 1914 г. занимается журналистикой, при этом параллельно преподает курс политэкономии в Московском коммерческом институте (ныне Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова). В начале 1915 г. его призывают на военную службу на Румынский фронт, где он дослуживается до звания прапорщика и в командование получает батарею.

Октябрьскую революцию Юровский, как большинство российской интеллигенции, встретил враждебно. В ноябре 1917 г. он переезжает в г. Саратов, где работает до осени 1921 г. профессором университета, деканом факультета и ректором организованного им же в 1918 г. Института народного хозяйства. А в 1919 г. выходит его 2-я (но 1-я — в России) монография «Очерки по теории цены», получившая высокую оценку от его институтского учителя П.Б. Струве. Уже осенью 1921 г. Юровский переезжает в Москву, где становится заведующим отделом иностранной статистики Центрального статистического управления (ЦСУ) и одновременно поддерживает деловые связи с Наркоматом финансов СССР. В мае 1922 г. он поступает на службу непосредственно уже в Наркомат финансов СССР. В августе того же года — занимает пост заместителя начальника Валютного управления Наркомфина СССР. А уже в конце июля 1923 г. становится начальником, тем самым возглавив одно из влиятельных управлений в системе Народного комиссариата финансов СССР, получив доступ к засекреченной информации о реальном состоянии экономики, о валютных резервах, что позволяло принимать важные ключевые решения на высшем уровне.

Творческий путь и роль Л.Н. Юровского в формировании денежно-кредитной политики СССР в период проведения НЭПа в стране

Творческий потенциал Л.Н. Юровского как ученого экономиста особенно ярко раскрывается в многочисленных его работах, опубликованных им, начиная с 1918 по 1927 г., в частности в таких крупных статьях, как:

- «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе» (опубликована в журнале «Вестник финансов» №12 от 1926 г.). В данной статье затрагивались основные проблемы, существующие на тот момент времени (в 1926/1927 гг.) в системе денежно-кредитного обращения в структуре формации социалистической экономики. Данные проблемы коснулись задач создания системы контрольных цифр, что послужило основанием при создании плановой системы введения хозяйственной деятельности сначала в Советской России а затем уже и в остальных республиках СССР. Далее, в статье давалось описание проблемы равновесия и диспропорций в народном хозяйстве на рубеже 1926–1927 гг.; говорилось о природе советской хозяйственной системы; приводились некоторые задачи планирования в условиях современной, вновь созданной хозяйственной системы (в данном вопросе Юровский был сторонником того, что в товарно-денежном хозяйстве равновесие должно быть рыночным, т.е. соблюдение динамического равновесия, когда имеет место ровная линия хозяйственного роста вместо линии развития, проходящей через стадии быстрого расширения, приводящих к последующим кризисам и как следствие всего этого к затяжной депрессии). Также речь шла о последствиях диспропорции и восстановлении равновесия в кредитно-денежной политике;

- «Русское хозяйство» (опубликована в газете «Русские ведомости» от 3 января 1918 г.). В данной статье подводились итоги прошедшего года и высказывались предположения о том, что ожидает страну в наступающем году. Приводились обоснованные выводы, подкрепленные эмпирическими данными из статистики;
- «Крайний срок» (также опубликована в газете «Русские ведомости» от 26 января 1918 г.). Данную публикацию Леонида Наумовича можно считать смелым шагом автора, так как именно в ней Юровский высказывает свое собственное видение политической обстановки того времени (событий 1917/18 гг.) и свое отношение к большевизму вообще и в частности (показывая свое крайне негативное отношение к большевистскому строю и политическому укладу этих лет, давая всем этим событиям крайне отрицательную оценку), называя вновь установленную власть большевиков большим политическим обманом, захватного происхождения путем вооруженного насилия. Вполне возможно, что именно данная статья стала для Юровского своего рода смертным приговором (правда, немного отсроченным), который он сам себе же подписал, не подозревая о том, что большевистская власть не простит ему этой публикации и припомнит ее в августе-сентябре 1938 г., когда военная коллегия Верховного суда СССР вынесет и зачитает ему смертный приговор;
- «Социальное содержание социалистической революции» (опубликованная в газете «Свобода России» от 25 апреля 1918 г.). Статья была написана в продолжение к предыдущей («Крайний срок»), в которой были описаны негативные социальные последствия, наступившие после событий 1917 г.;
- «Бюджет и народный доход в современной России» (опубликована в журнале «Экономическое возрождение» №1, 1922 г.). В данной статье Л.Н. Юровским

дается подробный финансово-экономический анализ на 1922 г.; приводится структура доходной и расходной части распределения бюджетных средств кредитования всех организаций и институтов государственной власти (см. табл.) в период НЭПа.

Государственные структуры	К итогу, %
Комиссариат по военным делам	29,6
Комиссариат путей сообщения	14,8
Высший совет народного хозяйства (ВСНХ)	8,2
Комиссариат внешней торговли	7,5
Остальные комиссариаты	40
Итого	100

При этом основная часть статьи была посвящена новаторской идее Юровского по построению принципиально новой структуры (подхода) распределения материальных средств в денежно-кредитной системе СССР до 1927 г. по институтам государственных органов власти, в которых приоритеты отдавались социально-экономическому развитию (городов и деревень, увеличению доходов населения, появлению и дальнейшему развитию малых форм крестьянских хозяйств, в частности фермерского хозяйства) в противовес военно-политическому.

Но наиболее ярко его талант (как грамотного ученого-новатора и крупного специалиста в области финансов) проявился во время его работы в Народном комиссариате финансов СССР в должности начальника валютного управления, когда ему пришлось решать ряд крупных и в достаточной степени сложных государственных задач особой важности в области финансово-экономической политики (периода с 1917 по 1927 г.) в целом и по денежно-кредитной составляющей в частности, по следующим направлениям: подготовки к денежной реформе 1924 г.; решениям некоторых остаточных проблем и последствий по части регулирования денежного

обращения после Октябрьской революции и формированию денежной политики в период военного коммунизма.

Далее пришлось решать проблемы, связанные с введением бартерного обмена в непродолжительный период существования безденежной формы хозяйствования перед введением Новой экономической политики (НЭПа) с последующим восстановлением финансовой системы и новым распадом денежной системы и унификации денежного обращения. И, наконец, главным достижением Леонида Наумовича (в его непродолжительной карьере в Наркомфине) стала его активная и ключевая роль в решении ряда труднопреодолимых проблем в области системы параллельного обращения денежных знаков, которая особо остро стояла в недавнем времени советизированных республиках Закавказья: Армении, Грузии и Азербайджана. Где в период с 1922 по 1927 гг. в валютно-финансовой системе данных республик в денежном обращении параллельно использовалось до 6–7 видов различных валют и денежных знаков, которые привносили путаницу в экономическую жизнь Закавказья, при этом обостряя уже и без того существующие проблемы социальной, экономической и политической направленности, по большей части имеющихся у Армении после геноцида 1,2 млн² армян Османской империей с последующей потерей до 60% территорий Западной Армении (провинций Ван, Карс, Муш, Эрзурум) и развязанной гражданской войны при советизации Армении.

К примеру, Армения начала выпускать свои бумажные деньги лишь с августа 1919 г., т.е. с того времени, когда прекратилась общая закавказская эмиссия, производившаяся в Тифлисе. Сперва в обращение вошли чеки Эриванского отделения Государственного банка, выпускавшиеся им по соглашению с правительством республики для финансирования правительства. В первые же дни появилось дизажио на эти

2. По различным экспертным оценкам в геноциде, совершенном османской империей пострадало от 1,2 до 1,8 млн этнических армян, являющихся подданными царской России, т.к. до февраля 1917 г. Армения входила в состав Российской империи.

знаки по отношению к бонам Закавказского комиссариата. Кроме чеков в начале 1921 г. выпущены были еще «лондонские денежные знаки». В 1919 г. в Лондон был командирован представитель Министерства финансов для заказа технически более совершенных знаков достоинством в 50, 100 и 250 руб. всего на сумму в 300 млн. Однако к тому времени, когда первая партия денег прибыла в Армению (в 1920 г.), она оказалась уже совершенно недостаточной. Ее выпустили в обращение в феврале – марте 1921 г., причем приравнивали особым постановлением 1 руб. «лондонскими денежными знаками» 100 руб. «армчеками» и получили вместо 300 млн 30 млрд руб. Этот выпуск произведен был уже после советизации Армении (январь 1921 г.), во время краткого возвращения к власти правительства дашнаков.

Правительство Советской Армении продолжало сперва выпуск тех же чеков, которые эмитировала предшествовавшая ему власть. С августа 1921 г. оно начало выпускать новые бумажные деньги по курсу более высокому, чем чеки, в 5 раз. В Армении к 1922 г. получилась пестрота бумажных валют, превосходившая все то, что имело место где-либо в другой части советских республик. По разным курсам ходили закавказские боны, «армчеки», «лондонские знаки», знаки советской Армении, денежные знаки РСФСР. Все это, не считая знаков соседних республик, проникавших в оборот, не считая иностранных банкнот и металлических денег русского и иностранного происхождения. Такое положение делает невозможным подведение каких-либо итогов эмиссии в Армении. Российский совзнак появился в Армении вслед за ее советизацией, так же, как он появлялся всюду, где утверждалась Советская власть.

Аналогичные проблемы, по части унификации денежных знаков, которые были в Закавказском регионе, имелись и в других частях вновь созданного советского государства, в частности в республиках Средней Азии, где в обращении были свои собственные денежные единицы (бухары и хорезмы), выпускаемые Бухарской и Хорезмской Республиками.

Все выше перечисленные проблемы по части денежного обращения во вновь созданных республиках СССР практически целиком и полностью были в ведении руководителя валютного управления Наркомфина — Л.Н. Юровского. И одно из ключевых решений проблемы унификации денежных знаков принадлежит именно ему, начиная с идеи создания некоей параллельной валюты для оздоровления денежного обращения. И такой валютой, выпущенной в 1924 г. (к началу денежной реформы СССР), стал червонец. Денежная единица номиналом в 10 руб., которая наконец-то была подкреплена золотым резервом СССР, стала крепкой валютой, пригодной для международного денежного обращения и товаро-денежных операций со странами Западной Европы и США. Но, не смотря на все сложности, которые периодически возникали в процессе проведения денежной реформы, данная реформа вполне успешно завершилась весной 1924 г. с производением полного обмена совзнаков на червонец, и страна получила единую твердую валюту.

Подобный опыт использования параллельной валюты для оздоровления денежного обращения вызвал большой интерес за границей, особенно в Германии, где сходные идеи использовались при введении рентной марки для борьбы с гиперинфляцией в ноябре 1923 г. Вышедшая в 1924 г. книга Юровского «На путях к денежной реформе» была переведена на английский и немецкий языки и издана в Лондоне и Берлине. В этой книге, разъясняя необходимость сохранения курса на твердую валюту, автор писал: «Борьба за устойчивую валюту вытекает с железной необходимостью из новой экономической обстановки: хозяйству, работающему на рынок, нужны твердые деньги». И далее развивая эту мысль, он опровергал распространенное тогда мнение о том, что ограничение эмиссии тормозит восстановление экономики и связано с определенными проблемами и негативными последствиями.

Такие благоприятные условия и были созданы после завершения денежной реформы, в результате чего с лета 1924 г. начался бурный рост народного хозяйства. За три квар-

тала 1924/25 хозяйственного года (который тогда начинался 1 октября) прирост промышленной продукции составил 63% по сравнению с соответствующим периодом прошлого года вместо ожидавшихся по плану 31–32%. Высокие темпы восстановления промышленности, а также хороший урожай вызвали у руководителей хозяйственных органов чрезмерный оптимизм. Летом 1925 г. они наметили резкий рывок на следующий хозяйственный год: валовую продукцию промышленности планировалось увеличить в 1,5 раза, экспорт – в 2 раза, капитальные затраты в промышленности – в 2,5 раза. В ходе реализации этих планов количество денег в обращении увеличилось с 1 июня по 1 декабря на 63%³.

Стержнем хозяйственного подъема должна была стать успешная реализация плана хлебозаготовок и хлебного экспорта. Однако осенью крестьяне отказались продавать государственным заготовителям хлеб по предложенным последним ценам. Стимулировать же продажу хлеба путем дополнительного снабжения деревни ходовыми промышленными изделиями по приемлемым для крестьян ценам не удалось, поскольку промтовары осели в городах, где также начал развиваться острый товарный голод. В результате был сорван план экспорта, что сразу отразилось на импортных возможностях, ибо достаточных валютных резервов страна в это время уже не имела. Начали расти цены, как оптовые, так и розничные. К концу года стал ощущаться острый дефицит сырья, топлива, стройматериалов, квалифицированной рабочей силы.

Но, набрав (к концу 1925 г.) подобным образом гиперускоренные темпы роста, советская экономическая система стала задыхаться⁴ (приняв непосильную ношу темпов развития) подобно спортсмену-бегуну, который слишком быстро и резко набрал скорость и не уследил за правильным ритмом дыхания. И, как гласит классическая экономическая теория, вслед за экспоненциальным резким взлетом темпов эконо-

3. Юровский Л.Н. Денежная политика советской власти (1917–1927). М.: Экономика, 2008. С. 14.

4. Там же. С. 15.

мического роста как неизбежность следует такое же резкое падение и стагнация макроэкономических показателей и как следствие всего этого — затяжной кризис.

Экономический кризис конца 1925 г. породил острую дискуссию о его причинах и путях устранения. В ней самое активное участие принимал и Леонид Наумович. В это время он написал ряд записок высшему руководству страны, после чего он был назначен членом комиссии при Политбюро в качестве эксперта.

Главную причину возникших трудностей Юровский видел в чрезмерных планах хозяйственного развития, в первую очередь капитального строительства, начало реализации которых вызвало кредитно-денежную инфляцию. По существу именно тогда была сделана первая попытка форсировать индустриализацию. В ноябре 1925 г. Политбюро признало нереальность принятых планов и дало директиву об их пересмотре. На $\frac{1}{4}$ были сокращены планы хлебозаготовок, на $\frac{1}{4}$ — капитальных работ в промышленности, на $\frac{1}{3}$ — экспорта. Тем не менее продолжалась борьба вокруг плана кредитования промышленности. В руководящих кругах нашлось много сторонников точки зрения, объясняющей причины кризиса диспропорцией между развитием сельского хозяйства и промышленности, низким уровнем промышленного производства, не позволившим обеспечить деревню промтоварами для стимулирования хлебозаготовок. На базе такого объяснения руководящие работники Госплана и Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) выступали против жесткой денежно-кредитной политики, предлагавшейся Наркомфином и Госбанком.

Юровский выступил с резкой критикой теории диспропорции. Он указывал, что причиной хозяйственных затруднений являлась не сама по себе диспропорция между уровнями восстановления промышленности и сельского хозяйства. Ошибочным был выбор пути борьбы с ней, который строился на первоочередном развитии тяжелой промышленности и капитального строительства в ущерб производству потребительских товаров. Этот путь вел к опережающему росту пла-

тежеспособного спроса в городе, так что снабжение крестьян промтоварами ухудшалось. По мнению Юровского, дальнейшее форсирование развития промышленности, которое предлагали сторонники теории диспропорции, могло только ухудшить положение⁵.

Дискуссия о темпах индустриализации, размерах кредитной экспансии логически была связана с происходившим примерно в то же время острым спором о политике цен и целесообразности сохранения паритетного курса червонца относительно инвалюты. После окончания денежной реформы курс червонца относительно доллара сохранялся практически стабильным с помощью валютных интервенций на вольном рынке, которые осуществляли Госбанк и особая часть валютного управления Наркомфина. Усиливавшиеся с лета 1925 г. инфляционные тенденции вынудили значительно увеличить размер этих интервенций. В то же время углублялся разрыв между покупательной силой червонца на внутреннем рынке, которая падала из-за инфляции, и стабильным обменным курсом. Руководители Госплана и ВСНХ предложили отказаться от поддержки этого курса, т.е. девальвировать червонец для повышения рентабельности экспорта и сокращения расхода инвалюты на интервенции. В поддержку этой идеи выступили многие видные партийные деятели, в том числе и такой известный по денежной и валютной политике того времени — В.В. Новожилов.

Юровский же в достаточно резкой форме выступал против этих предложений. Он пояснял, что курс червонца относительно инвалюты после завершения денежной реформы

5. Так писал Юровский по данному вопросу в своей небольшой по объему монографии, изданной в виде препринта: «Недостатком этого предложения является его полная неосуществимость. Оно игнорирует самое существенное из условий, вызывающих наши хозяйственные затруднения. А именно, оно забывает о том, что мы обязаны нашими затруднениями недостатку реальных ресурсов и что как раз форсирование развития хозяйства при наличии такого недостатка ведет не к сокращению, а к усилению бестоварья. Может казаться, что при использовании предлагаемого метода успешная ликвидация товарного голода виднеется в конечной перспективе. Но это видение носит характер только миража, и к этому миражу даже действительных подступов нет» (Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики // М., 1926. С. 43).

был установлен по довоенному золотому паритету, хотя цены внутри страны выросли по сравнению с довоенным уровнем сильнее, чем за границей, на 10–15%. Это было сделано специально, ибо надеялись на постепенное снижение цен после завершения денежной реформы. Такой процесс и шел до лета 1925 г. После возникновения инфляционных тенденций он повернул вспять, стал углубляться разрыв между обменным курсом червонца и его покупательной силой внутри страны. Этот разрыв достиг такой величины, что его надо было сократить. Но тот путь, который предлагали сторонники девальвации, не позволял добиться желаемого результата, ибо он мог стимулировать инфляцию.

Юровский считал необходимым вернуться к прежнему, уже испытанному способу уменьшения разрыва между курсом и покупательной силой и использовать экономические методы воздействия на процесс снижения цен. В связи с этим он критиковал предложение повысить отпускные цены госпредприятий, реализация которого, по его мнению, привела бы к новому витку инфляции. Для него был характерен динамичный подход к анализу возникших проблем, позволявший найти причины появления диспропорций. В результате такого анализа выстраивалась простая логическая цепь — разрыв между курсом и покупательной силой червонца, как и между отпускными и розничными ценами, возник из-за инфляции, а она, в свою очередь, объяснялась неверной экономической политикой государства. Следовательно, чтобы устранить эти разрывы, надо изменить экономическую политику. И, не ограничиваясь ужесточением денежно-кредитной политики, Юровский выдвинул целый ряд программ таких изменений.

Заключение

Как бы мы сейчас назвали, опала и падение Л.Н. Юровского, несмотря на достигнутые им крупные и значительные успехи во время работы в Наркомате финансов, начались с того момента, когда высшим руководством страны уже

окончательно и бесповоротно было принято решение завершить (свернуть) новую экономическую политику (называя ее реставрацией капитализма в СССР) и пойти по собственному силовому пути развития социализма во всех сферах деятельности. Вплоть до конца 1927 г. даже у высшего руководства страны не было единого мнения, по какому пути следует двигать страну. И уже к началу 1928 г. началась травля в открытой печати и охота на так называемых нэпмановцев — плеяды таких видных и признанных во всем мире крупных ученых-экономистов, как Н.Д. Кондратьев, А.В. Чаянов, Н.П. Макаров, Л.Н. Юровский, Л.Б. Кафенгауз и т.д. Далее последовали аресты по выдуманным, несуществующим уголовным делам (например, дело о контрреволюционной деятельности участников подпольной группировки «Трудовой крестьянской партии (ТКП)», которой в природе и вовсе не существовало)⁶.

Политические гонения и притеснения сторонников НЭПа (в том числе и Л.Н. Юровского) начались уже с февраля 1926 г., когда со своего поста был снят нарком финансов Г.Я. Сокольников за открытое выступление против Сталина на XIV съезде партии в конце 1925 г. Высококвалифицированные специалисты Наркомфина (в числе прочих и Юровский) лишились влиятельного партийного покровителя, разделявшего их взгляды. Далее, уже в начале марта того же 1926 г. своего поста лишился ближайший соратник Юровского, его заместитель по Валютному управлению Наркомфина — Л.Г. Шанин. А затем, спустя две недели (в середине марта 1926 г.) по сфальсифицированным обвинениям были произведены аресты некоторых сотрудников (включая и руководителя подразделения Л.Л. Волина) особого отдела Валютного управления Наркомата финансов, которых уже в мае того же года коллегией ОГПУ приговорили к расстрелу. В конце 1928 г. Юровского отстраняют от должности руководителя Валютного управления, но его еще оставляют в составе колле-

6. Государственный архив РФ (ГАРФ) ф. 5446, оп. 55, д. 954. С. 105; Российский государственный архив экономики (РГАЭ) ф. 7733, оп. 18, д. 10181; РГАЭ, ф. 7733, оп. 4, д. 1095.

гии Наркомфина. А 1 февраля 1929 г. его назначают начальником планово-экономического управления. Но в ноябре 1929 г. после чистки аппарата Наркомфина Юровский подает заявление об уходе с поста руководителя планово-экономического отдела, и данное заявление было удовлетворено.

Арест Юровского был произведен в июле 1930 г. по обвинению в принадлежности к антисоветской ТКП. По данному обвинению также был арестован близкий друг Леонида Наумовича Н.Д. Кондратьев. И вообще, по делу ТКП были арестованы около 1000 человек, в числе которых многие крупные ученые-экономисты, генетики (вместе с Н.И. Вавиловым), физики, социологи, философы, видные филологи и т.д. Юровского, Кондратьева, Чайнова, а также многих арестованных по делу ТКП⁷ помещают в Суздальский политизолятор, откуда Юровский в сентябре 1934 г. из-за обострения его давнейшей тяжелой болезни (меньеровского симптомокомплекса, при котором наступает резкое снижение слуха, рвота и головокружение) пишет письмо генеральному прокурору СССР И.А. Акулову с просьбой об освобождении. И, как ни странно, генеральный прокурор удовлетворяет ходатайство, и 13 декабря того же года Юровского выпускают на свободу. Ему запрещают проживать в 15 крупных городах СССР. Также возникают проблемы с трудоустройством, и ему приходится заниматься частными переводами с немецкого и французского. Но уже в декабре 1937 г. следует новый арест, а 17 сентября 1938 г. Военная коллегия Верховного суда СССР Юровского вместе с Кондратьевым приговаривают к смертной казни. Согласно документам приговор был приведен к исполнению в тот же день.

На сегодняшний день имеется несколько исторически важных документов, с которых несколько лет назад был снят гриф секретности из-за истечения срока давности дан-

7. Российский государственный архив политической истории (РГАСПИ) ф. 670, оп. 1, д. 18, л. 110. РГАСПИ, ф. 670, оп. 1, л. 132.

ных документов по делу ТКП⁸. Из этих материалов можно многое узнать, они проливают свет и дают ответы на многие вопросы. К примеру, можно узнать имена и фамилии доносчиков, подписывавших документы против Кондратьева, Юровского и остальных, следователей-палачей (таких как Агранов, Радзивилловский, Славатинский и др.⁹, следователей, ведущих дела Кондратьева, Чайнова, Юровского), которые использовали различные запрещенные методы силового воздействия (самые настоящие пытки) для выбивания нужных для них показаний от подсудимых, и т.д. Но факт остается фактом, Россия своими же руками загубила цвет нации, лучших ее представителей 20–30-х гг. XX в., которые своими трудами могли поднять и возвеличить ее на фоне остальных стран мира. У великого французского ученого-естествоиспытателя и изобретателя Блеза Паскаля есть замечательное высказывание: «Достаточно, чтобы уехало около 300 интеллектуалов, и Франция превратится в страну идиотов».

8. Архив Президента РФ, ф.3, оп. 58, д. 398; Архив Президента РФ, ф. 3, оп. 39, д. 10; ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 1866.

9. Личко К.П., Дунаева Н.В., Моисеева И.Д. Николай Дмитриевич Кондратьев. М.: Изд. РГАУ-МСХА, 2012. С. 140.

А.Ю. Ермолов¹

РОЛЬ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СТАНОВЛЕНИИ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
(XVI–XVIII вв.)

В статье сделана попытка доказать, что роль Восточной Европы в формировании мировой экономической системы существенно недооценивается. Торговля с Восточной Европой позволила Западу выйти за пределы естественных ограничений социального развития и занять господствующее положение в мировой экономической системе. Другие старые центры цивилизации не имели рядом аналогичных регионов, чьи природные ресурсы и неизрасходованный экологический потенциал они использовали бы для собственного рывка.

Ключевые слова: мир-системный анализ, мировая экономическая система, Восточная Европа, балтийская торговля.

Одним из наиболее острых и неоднозначных вопросов для современной экономической истории был и остается вопрос о том, как Запад стал Западом. Или же, если формулировать этот вопрос в рамках мир-системного подхода, как получилось, что в процессе формирования мировой экономической системы центральное положение в ней заняла Западная Европа. В данной статье я хочу предложить вашему вниманию собственную гипотезу, согласно которой одним из важнейших факторов этого успеха стали торговые отношения с Восточной Европой.

Моя статья рассматривает эту проблему в первую очередь с точки мир-системного анализа. Эта концепция, разработанная такими выдающимися людьми, как Иммануил Валлерстайн² и Джованни Арриги³, отчасти опирается на

-
1. **Арсений Юрьевич Ермолов** – к.и.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН.
 2. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006.
 3. *Арриги Д.* Долгий XX век: деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006.

фундамент, заложенный Фернаном Броделем⁴. Суть этого подхода в том, что в качестве объекта исследования рассматривается не отдельное человеческое общество (история России, история Франции и т. д.), а система человеческих обществ, соединенная экономическими связями. Высшей формой таких систем является мировая экономическая система, изучение которой представляет наибольший интерес. Поскольку эти связи должны быть достаточно тесными, очевидно, что мировая экономическая система может возникнуть лишь на относительно позднем историческом этапе. Большинство сторонников мир-системного подхода считают, что формирование мировой экономической системы произошло в XVI в., хотя есть альтернативные точки зрения, отодвигающие ее возникновение на значительно более ранний срок (А.Г. Франк — 5 тыс. лет назад⁵, А.В. Коротаев — 11 тыс. лет назад⁶).

Все исследователи рассматривают мир-систему как иерархическую, чьи элементы не равны между собой, а польза и вред от ее функционирования распределяются между ними асимметрично. Поэтому крайне важно, кто находится в наиболее выгодном, центральном положении в рамках мировой экономической системы, а кто — в периферийном или полупериферийном. Заняв центральное положение в мировой экономической системе, страны Западной Европы получили возможность извлекать наибольшую выгоду из ее существования. Но почему это произошло? Обычно этот процесс видится в общих чертах так. Началось все с открытия Америки и проникновения европейцев в Индийский океан. Затем благодаря колониальным захватам европейцы получили огромный объем драгоценных металлов из Нового Света, который позволил им еще глубже проникнуть на азиатские рынки и в конечном счете подчинить их себе. На более низком деталь-

4. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.

5. Barry Frank A.G., Gills B.K. The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L.; N.Y.: Routledge, 1993.

6. Коротаев А.В. Законы истории. Математическое моделирование развития мир-системы. Демография, экономика, культура. М.: КомКнига, 2005.

ном уровне разные исследователи могут расходиться во мнениях о механизмах этого процесса и причинах успеха Запада.

Восточная Европа в описаниях этого процесса оказывается на втором плане. При этом нельзя сказать, что Восточная Европа игнорировалась исследователями, практиковавшими мир-системный подход. Особенно много внимания ей уделял Иммануил Валлерстайн, который в своем многотомнике «Мир-система модерна» постоянно обращается к восточноевропейским сюжетам⁷. Но эти сюжеты — просто часть выстраивания общего ряда мировых периферийных и полупериферийных регионов. В большинстве других случаев роль Восточной Европы в мир-системных исследованиях падает ниже, и она либо становится второстепенным фоном для рассказа о главных событиях, которые происходят на сценах Атлантики и Индийского океана, либо вообще пропадает из рассмотрения. Возможно, часть вины за это следует возложить на теорию зависимого развития, которая предшествовала мир-системному анализу (Р. Пребиш, Х. Зингер) и оказала на его формирование огромное влияние. Теория зависимого развития формировалась на латиноамериканской почве, развивалась дальше на материале так называемых развивающихся стран второй половины XX в. Т.е. изначально она концентрировалась на проблемах Латинской Америки, позже обратив также внимание на постколониальную историю Африки и Азии. Мир-системный анализ можно рассматривать как дальнейшее развитие этой системы взглядов в глубину истории, и в силу этого он унаследовал определенную расстановку акцентов важности. Поэтому изначально внима-

7. Валлерстайн И. Мир-система модерна I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейской мир-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015; Он же. Мир-система модерна II. Меркантилизм и консолидация европейского мир-экономики, 1600–1750. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016; Он же. Мир-система модерна III. Вторая эпоха великой экспансии капиталистического мира-экономики, 1730–1840-е годы. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016; Он же. Мир-система модерна IV. Триумф центристского либерализма, 1789–1914. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.

ние концентрировалось на истории Вест- и Ост-Индии, а не на Восточной Европе.

Отдельно следует отметить творчество российского последователя мир-системного анализа Б.Ю. Кагарлицкого. В своей книге «Периферийная империя» он применил его к истории России, сделав довольно нетрадиционные для отечественной исторической науки выводы⁸. Но все же его работа концентрирует внимание на влиянии мировой экономической системы на Россию, а не на обратном процессе.

С точки зрения автора данной статьи, сложившийся в рамках мир-системного анализа подход к истории Восточной Европы крайне недооценивает ее роль в складывании мировой экономической системы. Чтобы преодолеть это искажение, необходимо привлечение новых методик, новых оптических инструментов, позволяющих пересмотреть уже установившиеся взгляды. С этой точки зрения интерес представляет концепция «баллов социального развития» Иэна Морриса⁹. Это интегральный показатель, отражающий уровень развития цивилизации. И. Моррис учитывал в нем потребляемую энергию, уровень урбанизации, скорость и объем обработки информации, способность вести войну. В нашем случае принципиально важны не конкретные цифровые показатели (как считает сам Моррис), а предлагаемая ценностная система, с помощью которой можно пересмотреть значение тех или иных экономических связей между регионами.

Кроме того, в качестве дополнительного инструмента, меняющего наше восприятие проблемы, внимание заслуживает теория неомальтузианских циклов, предложенная П.В. Турчиным и С.А. Нефёдовым¹⁰. Эта теория предполагает, что социумы проходят через несколько повторяющихся циклов, связанных с демографическими колебаниями.

8. Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя. Россия и миросистема. М.: Алгоритм, 2004.

9. Моррис И. Почему властвует Запад... По крайней мере, пока еще. Закономерности истории, и что они сообщают нам о будущем. М.: Карьера Пресс, 2016.

10. Нефёдов С.А. Неомальтузианство в современной методологии истории // Вестник Российской академии наук. 2012. №12.

Сначала происходит активный рост численности населения, который затем упирается в экологические ограничения биосферы. Начинается период демографического сжатия, темпы роста населения снижаются, цена на продовольствие растет, на рабочую силу — падает. Кончается все политической, экономической и демографической катастрофой, после которой численность населения падает значительно ниже вышеупомянутых ограничений и демографический рост возобновляется.

Нижняя граница хронологических рамок рассматриваемого нами явления — XVI в., начало формирования мировой экономической системы. В это время приток благородных металлов из Америки привел к росту торговли между Восточной и Западной Европой и придал этой торговле специфический характер оттока реальных ценностей за символические. Там, где эта торговля развилась особенно сильно, сформировалась особая зона мировой экономической системы, которая затем продолжила расширяться, охватывая соседние регионы. Верхней временной границей можно рассматривать вторую половину XIX в., когда мировая экономическая система уже сложилась, распространившись на все значимые регионы планеты, а восточноевропейская зона окончательно утратила свою уникальную роль в ней, так как Запад теперь мог получать ресурсы всей планеты.

Понятие «Восточная Европа» в данной статье имеет достаточно условную привязку к одноименному географическому региону. Ключевую роль для отнесения того или иного региона к восточноевропейской зоне мировой экономической системы играют не условные географические границы, а то, соответствует ли его роль той специфической роли, которая была присуща этой зоне. Восточноевропейская зона в рассматриваемый период времени никогда не закрывала собой всю территорию этого региона, и, в то же время, в состав восточноевропейской зоны мировой экономической системы попадали территории, выходящие за географические пределы Восточной Европы. Эти регионы-исключения, впрочем, примыкали к Восточной Европе, а Восточноевропейская

зона от их включения не теряла своей целостности. В конце концов, с точки зрения логистики мировой торговли не так уж велика разница между западным и восточным побережьем Балтийского моря или северным и южным побережьем Черного моря.

На начальном этапе своего существования, в XVI в., восточноевропейская зона была в первую очередь зоной балтийской торговли. В нее входили Польша, Швеция, Ливонский орден, Пруссия, Дания. Но даже на самом раннем этапе восточноевропейская зона не ограничивалась Балтикой, так как схожие черты наблюдались и южнее, в зоне дунайской торговли, в первую очередь в Венгрии, в том числе в так называемых северных комитатах, т.е. территории нынешней Словакии. В дальнейшем восточноевропейская зона географически расширялась. В начале XVIII в. в нее была вовлечена Российская империя до Урала включительно. В середине XVIII в. в ее состав включаются Балканы и Анатолия. В конце XVIII века освоение Северного Причерноморья Россией приводит к тому, что этот регион также попадает в восточноевропейскую зону мировой экономики. В то же время Чехия, Саксония, Силезия, видимо, не относились в рассматриваемый период к восточноевропейской зоне и даже частично играли по отношению к ней роль центра (т.е. источника промышленных товаров и сложных услуг). И, разумеется, на территории Восточной Европы к концу рассматриваемого периода еще оставались анклавные, недостаточно вовлеченные в мировую экономическую систему, чтобы отнести их к восточноевропейской зоне. В целом можно сказать, что восточноевропейская зона — это торговые зоны Балтийского и Черного морей.

Хорошо известно, что морская торговля на Балтийском море велась еще со времен эпохи викингов. Но с точки зрения формирования мировой экономической системы эта часть предистории не имеет значения. Первым важным с этой точки зрения событием стало отделение нидерландских городов от Ганзы и начало их борьбы за торговое влияние на

Балтике. Главным оружием этой борьбы была *Clupea harengus*, известная также как атлантическая сельдь. В XV в. у голландцев появляются корабли нового типа — харенгбейсы (*Haringbuis*, в русскоязычной литературе чаще просто «буссы»), быстрые, маневренные и вместительные. На этих кораблях не только ловили рыбу, но и осуществляли ее переработку (при этом использовалось разделение труда по конвейерному типу). Уже готовая к продаже соленая рыба забиралась с харенгбейсов специальными кораблями — вентьягерами, и за счет этого на харенгбейсах непрерывно ловили рыбу до двух месяцев. В XVII веке в распоряжении Голландии, по некоторым оценкам, находилось 1–2 тыс. рыболовных кораблей, которые давали ей примерно 25 тыс. ластов (около 70 тыс. т) сельди в год¹¹. Благодаря эффективной организации производства голландская сельдь в начале XVI в. проложила себе дорогу на Балтику. В обратную сторону голландские купцы повезли из балтийских портов зерно. Так были заложены основы голландского торгового господства на Балтике, которое, в свою очередь, стало краеугольным камнем будущей голландской торговой империи (Валлерстайн упоминает по отношению к голландской торговле на Балтике удачный образный термин — «материнская торговля»)¹².

Вслед за голландской сельдью на Балтике появился другой ключевой экспортный товар — американское серебро. Освоение Нового Света привело к началу разработки серебряных месторождений, масштабы производства которых (годовое производство серебра выросло с 4,5 до 300 т) вызвали, в свою очередь, революцию цен. Благодаря тому, что Нидерланды были составной частью империи Карла V, американское серебро попадало в руки голландских купцов. Это преимущественное положение сохранилось и после Нидерландской революции. Дальше через Голландию это серебро попадало в различные регионы мира,

11. The Cambridge Economic history, vol. 5. The Economic Organization of Early Modern Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 2008. P. 149.

12. Валлерстайн И. Мир-система модерна II. Меркантилизм и консолидация европейского мир-экономики, 1600–1750. С. 47.

от Юго-Восточной Азии до Восточной Европы, где готовность голландцев предложить крупные партии серебра стала вторым столпом их торгового влияния.

Спрос на зерно стимулировал освоение новых территорий. Польские магнаты, такие как Вишневецкие, Потоцкие и др., занимают на Украине земли Дикого Поля. Восстанавливались старые города эпохи Киевской Руси, расселялись колонисты. Создавалась причудливая и взрывоопасная смесь этнокультурных компонентов, последствия саморазрушения которой мы испытываем до сих пор.

Зерно было не единственным сельскохозяйственным товаром, поступавшим с Балтики на Запад. В Дании широко распространяется ориентированное на экспорт скотоводство. И, как уже было отмечено, уже тогда взаимодействие по восточноевропейской модели не ограничивалось Балтикой. Другим поставщиком дешевого скота для Западной Европы становится Венгрия. Что касается России, то в этот период ее торговлю через Архангельск следует рассматривать в первую очередь как экспорт экзотических предметов роскоши, что не позволяет ее в этот момент отнести к торговой зоне Восточной Европы.

В XVII в. в торговле на Балтике приобретает особое значение железо. Его ключевым производителем становится Швеция. Расцвет шведской металлургии объясняется удивительно высоким качеством шведской руды. Хотя ее добыча велась с древних времен, полноценная металлургия железа возникла в Швеции благодаря голландской помощи. Ключевой фигурой стал Луи де Геер, голландский банкир из семьи льежских протестантов, и его компаньон Вильям де Беше, тоже льежец по происхождению. Де Беше первым оценил перспективы шведской металлургии, но не имел достаточно средств и привлек де Геера, имевшего лучший доступ к финансовым ресурсам¹³. Де Геер предоставил шведскому королю Густаву

13. *Grell Ole Peter. Brethren in Christ: a Calvinist network in Reformation Europe. Cambridge, Cambridge University Press, 2011. P. 276.*

Адольффу крупный заем (1 млн гульденов), а в качестве платы получил в управление железоделательный завод. Переехав в Швецию, он продолжил вкладывать средства в местную металлургию, построил несколько новых заводов, где использовал более современные методы производства (Льеж был одним из передовых центров металлургии того времени).

Одновременно с Луи де Геером похожие задачи решал в России голландский купец Андрей Денисович Виниус. Основанные им в Туле железоделательные и оружейные заводы тоже были передовыми по своему технологическому уровню, однако в целом он не достиг таких значительных успехов, как его шведский конкурент. Продукции заводов Виниуса не хватает даже для нужд внутреннего рынка России, и шведское железо продолжает доминировать в балтийской торговле. К концу XVII в. заводы Виниуса пришли в упадок. Ситуация меняется только в XVIII в., когда после петровских преобразований Россия переживает подъем металлургической промышленности. К концу века русский экспорт железа обгоняет шведский. Любопытно, что в отличие от шведской металлургии, которая поднялась за счет вложений голландского капитала, русская металлургия возникла и развивалась за счет собственных внутренних средств, созданных путем сверхэксплуатации полурабского труда.

В XVIII в. торговля на Балтике постепенно переходит в руки Британии. Голландцы медленно уступают свои позиции. Если в начале века почти половина кораблей, проходивших Зунд, принадлежала Голландии, то во второй половине века доля английских и голландских кораблей сравнялись. Расцвету английской торговли на Балтике способствовали русско-английские торговые договоры 1734 и 1766 г. Импорт Британии из Балтики и Белого моря возрастает с 1,6 млн фунтов в начале века до 3,3 млн фунтов в конце века. Экспорт значительно уступает импорту, что говорит о том, что продолжалось насыщение восточноевропейских рынков (в первую очередь русского) драгоценными металлами для денежного обращения.

Наконец, в последней четверти XVIII в. ликвидация Крымского ханства и российская колонизация Северного Причерноморья вовлекают во взаимодействие по восточноевропейской модели новые обширные регионы (в том числе и придунайские княжества). Новый приток зерна на европейские рынки очень удачно сочетался с новым витком урбанизации в Западной Европе.

Суть уникальной роли Восточной Европы в истории мировой экономической системы видится в том, что она выступила в критически важный период ее формирования источником сырья и полуфабрикатов, обеспечивших превосходство Западной Европы над остальными регионами мира. Кроме того, торговля с Восточной Европой позволила Западу преодолеть экологические ограничения в развитии, пробить потолок, в который ранее упирались на пике своего развития великие цивилизации Европы и Азии¹⁴. Главными проблемами были, с одной стороны, зависимость урбанизации от сельскохозяйственного производства, и древесина как главный источник энергии в промышленной деятельности, с другой стороны. В последнем случае только ограниченно помогали альтернативные источники энергии — ветер и водяное колесо. Они выступали скорее как заменители мускульной силы людей и животных, позволяя при меньших ресурсах добиваться большей производительности. Используя приводимые в действие водяными колесами машины, можно было добиться более высокой производительности труда, но от этого потребности в металле только возрастали, а для металла нужен был древесный уголь.

Обходя эти экологические ограничения за счет поставки продовольствия и энергоемких полуфабрикатов из Восточной Европы, Запад совершил промышленную революцию, которая позволила ему перейти на новый уровень развития, на котором эти экологические ограничения уже не играли существенной роли. Соответственно, с преодолением этих ограни-

14. Моррис И. Указ. соч. С. 279–287.

чений Восточная Европа перестала иметь такое стратегическое значение, а ряд экспортноориентированных отраслей ее экономики в XIX в. пережил полосу упадка.

С точки зрения роли в мировой экономической системе Восточную Европу можно считать ее полупериферийной зоной. Спецификой Восточной Европы было то, что политически она, в отличие от периферийных регионов мир-системы, всегда сохраняла свою независимость. Тем самым ей удавалось избежать прямого военного грабежа Запада и установления административной системы эксплуатации. Экономическое взаимодействие Восточной и Западной Европы осуществлялось через формально равноправную торговлю, а восточноевропейские государства имели возможность защищать свое экономическое развитие с помощью политики протекционизма. На первый взгляд, независимость восточноевропейских держав опиралась в первую очередь на военную силу. Но в действительности сама возможность создавать такую военную силу опиралась на экономическую и культурную базу, которая, в свою очередь, произрастала из торговли с Западной Европой и связанных с ней культурных контактов, в том числе заимствования технологий. Модернизаторские реформы в Восточной Европе были куда успешнее, чем где либо еще, в том числе потому, что проникновение мировой экономической системы порождало в ней усложнение производительной экономики, а не только усиление потребительства. Разумеется, это не позволило Восточной Европе воспроизвести успех Западной Европы, и к концу рассматриваемого периода это начало сказываться на ее военной силе. Мерилем этого упадка может служить Крымская война. Это было безусловное поражение России, если мы будем судить о ней как о европейской державе, но если мы отнесем Россию к периферийным государствам и сравним Крымскую войну с Опиумными войнами, то очевидно, что Российская империя показала значительно более высокую способность к самозащите и в силу этого сохранила свое право на суверенитет.

Разумеется, при этом торговый обмен между Восточной Европой и Западом не всегда был эквивалентным. Торговля восточноевропейскими товарами находилась в руках Запада. В самой Восточной Европе не сложился достаточно сильный торговый капитал, способный перехватить контроль над товарными потоками и перераспределить прибыль от торговли в свою пользу. Местный торговый капитал с этой точки зрения был способен только на то, чтобы работать в интересах торгового капитала Запада, выступая посредником между ним и внутренними рынками региона. С этим связана и слабость торгового флота восточноевропейских держав. Некоторым из них удавалось создать могущественные военно-морские флоты. Но пока их гордые парусные линкоры оспаривали друг у друга господство на Балтике или Черном море, их товары вывозились на голландских и английских торговых кораблях.

Цена контроля над логистикой была огромна. В качестве примера можно привести торговлю русским железом в конце XVIII в. В 1720 г. в Петербурге цена за пуд железа составляла 45 коп., в Лондоне — 89 коп. В 1766 г. цена составляла уже 72 коп. в Петербурге и 1 руб. 81 коп. в Лондоне, а в 1798 — 1 руб. 16 коп. и 2 руб. 90 коп.¹⁵ Таким образом, петербургская цена составляла сначала только 50%, а затем вообще лишь 40% от лондонской. Соответственно, 60% денег, которые потребитель платил за русское железо в Лондоне, шло английским судовладельцам, торговцам и казне (последняя облагала русское железо довольно высокими ввозными пошлинами, протекционизм использовался как экономическое оружие не только странами со слабой экономикой). Исходя из этих цифр, можно оценить выигрыш Англии от торговли русским железом на своем внутреннем рынке в 100 тыс. фунтов стерлингов в год в середине и 300 тыс. фунтов стерлингов в год в конце XVIII в.

15. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. Т. 1. М.: Издательство академии наук СССР, 1954. С. 223.

Тем не менее, главный выигрыш от торгового взаимодействия с Восточной Европой был значительно шире, чем доходы купцов и судовладельцев. Главным было то, что Восточная Европа дала Западной Европе крайне необходимые ей товары.

Как уже было указано выше, начало было положено зерновой торговлей на Балтике. В XVI в. она уже достигла значительных масштабов. Главным центром зерноторговли был Данциг. Его положение в устье Вислы делало его пунктом перегрузки на морские корабли зерна, доставленного из бассейна Вислы. Через Вислу в Данциг везли также зерно из бассейна Днепра, с территории современной Украины. Кроме Данцига зерно в больших объемах продавалось в Штеттине (бассейн Одера) и Риге (бассейн Западной Двины). В среднем в год из Данцига вывозилось 100 тыс. ластов зерна¹⁶ (т.е. порядка 230 тыс. т). Этого количества достаточно было бы для того, чтобы выдавать солдатские пайки (2 фунта хлеба ежедневно) в течение года на 800 тыс. человек. Солдатский паек показателен с этой точки зрения тем, что он по своей структуре очень широко использует хлеб. Кроме того, он рассчитан на мужчину, и если пересчитывать его с учетом, что потреблять его будут также женщины и дети, то общее число населения, которое можно было бы прокормить данцигским хлебом, уже достигнет миллиона человек. А с учетом других портов, через которые шла торговля зерном, можно предположить, что в XVI в. Восточная Европа кормила зерном 1,5–2 млн жителей Западной Европы. Для понимания масштаба этой цифры укажем, что население Голландской республики в XVII в. составляло 2 млн человек, т.е. голландцы при необходимости могли бы прокормиться только зерном из Восточной Европы. Разумеется, такой необходимости у них не было, поэтому они активно занимались реэкспортом восточноевропейского зерна в Средиземноморье. И подобно тому, как голландская «материнская торговля» на Балтике была основана на сельди и серебре, их торговля на Средиземном море опиралась на зерно.

16. . Валлерстайн И. Мир-система модерна II... С. 159.

В XVII в. масштабы торговли зерном на Балтике упали. В Дании в лучшем случае продавалось в год порядка 30 тыс. ластов¹⁷, а в отдельные годы экспорт вообще прекращался. Правда, к торговле зерном активнее подключается Россия. Но в целом, похоже, Восточная Европа испытывает в этот период серьезные проблемы с урожайностью. После относительно теплого XVI в. наступает пик малого ледникового периода. Видимо, в этот период Восточная Европа может обеспечить Западу не более миллиона человек дополнительного населения (возможно, тут кроется секрет кризиса XVII в.). В XVIII в. экспорт зерна начинает расти.

Важно отметить также, что поставки зерна из Восточной Европы привели к росту в первую очередь городского населения, способствовали повышению уровня урбанизации. Возвращаясь к упомянутой цифре в 2 млн человек, следует отметить, что в XVI в. она примерно соответствует общему населению крупных европейских городов (свыше 100 тыс. жителей). Разумеется, некоторые из этих городов (например, Париж) явно кормились не за счет восточноевропейского зерна. Но Антверпен, Амстердам, Брюгге и Лондон без торговли с Восточной Европой не достигли бы своих тогдашних размеров. Возможно, к итальянским городам это относится в меньшей степени, но и они, как было сказано выше, активно закупали у голландцев восточноевропейское зерно.

Интересное влияние восточноевропейский экспорт оказал на развитие сельского хозяйства Западной Европы. В Голландии он послужил толчком к началу аграрной революции (хотя многие историки не согласны с тем, что термин «революция» используется по отношению к столь затяжному по времени процессу). Избавившись от необходимости выделять значительные объемы посевных площадей под зерно, голландцы начали больше внимания уделять овощеводству, техническим и кормовым культурам. Тем самым возникали условия для применения сложных севооборотов. В сельском

17. Там же.

хозяйстве начала расти производительность труда. Процесс аграрной революции растянулся до XIX в. (а с какой-то точки зрения новая его фаза продолжается и по сей день). Вслед за Голландией он распространился на Британию. Считается, что аграрная революция в Западной Европе способствовала дальнейшей урбанизации (т.е. возникал кумулятивный эффект с ростом урбанизации из-за поставок зерна) и подготовила условия для начала промышленной революции.

Еще важнее для развития Западной Европы были поставки железа и меди из Швеции и России. Они позволили избежать массовой вырубке лесов и экологической катастрофы. В середине XVIII в. в Англию ежегодно ввозилось 30 тыс. т железа при собственном производстве в 20 тыс. т, а в 1780-е годы — свыше 50 тыс. т при собственном производстве в 40 тыс. т¹⁸. В это время в английской металлургии уже широко применялся каменный уголь, но качество производившегося таким способом металла еще не позволяло использовать его для такого же широкого круга целей, как металл, полученный на древесном угле. Хотя английские металлурги выплавляли чугун на каменном угле начиная с 1709 г., им потребовалось полтора столетия работы над совершенствованием технологии производства, чтобы добиться приемлемого качества и выгодной себестоимости и суметь выиграть конкуренцию с русским железом¹⁹.

Заменить экспорт из России и Швеции английская металлургия на каменном угле до XIX в. не могла. Для производства 50 тыс. т железа требовалось 200 тыс. т древесного угля, или 2 млн м³ древесины. В год для металлургического производства в Англии пришлось бы вырубать дополнительно 10 тыс. га леса. Такими темпами современных английских лесов, пригодных для металлургии пород дерева, хватило бы на 25 лет. Экологические последствия такой вырубki сложно оценить, и после ее завершения английской металлургии при-

18. Струмилин С.Г. Указ. соч. С. 223.

19. Аллен Р. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Издательство института Гайдара, 2014. С. 314–333.

шлось бы сделать столетнюю паузу в производстве. Поставки железа позволили создать в европейских государствах массовые регулярные армии и флоты. Так были созданы условия для обретения Западом военного превосходства над остальным миром. Такие же армии и флоты появились и у самих восточноевропейских государств, что позволило им противостоять Западу, сохранив свою относительную политическую независимость.

Восточная Европа предоставила Западной Европе те товары, которые позволили ей преодолеть ограничения в развитии, причем сделала это именно в тот момент, когда развитие Западной Европы вышло на уровень потолка, обусловленного экологическими ограничениями. Можно предположить, что без этой помощи развитие Западной Европы быстро перешло бы в стадию плато, как это было когда-то с Римской империей или Китаем эпохи династий Тан и Сун. Неоднозначный и загадочный кризис XVII в., о котором существует так много противоречивых мнений, можно рассматривать как пробную версию этой предполагаемой большой стагнации. Спустя некоторое время стадия плато сменилась бы резким падением по какой-либо случайной причине внутреннего или внешнего характера (которая вполне закономерно проявилась бы рано или поздно). Наступили бы новые «темные века». В конце концов, с точки зрения концепции неомальтузианских циклов Западная Европа вступила в фазу роста в XIV в. после Черной смерти и явно приблизилась к опасной черте фазы сжатия в XVII в. Но рядом с Западной Европой оказалась Восточная, и на ее ресурсах был совершен рывок, позволивший проломить потолок и перейти в фазу ошеломительного роста, после чего восточноевропейские ресурсы потеряли свое эксклюзивное значение. Торгуя с Восточной Европой, Запад стал Западом и смог впрячь в колесницу своего развития весь мир. Европа эпохи Римской империи не имела возможности полноценно использовать восточноевропейский потенциал, так как в то время Восточная Европа была неосвоенным цивилизацией регионом, малонаселенным

и не имеющим собственных государств. Запад Нового времени имел дело уже с другой, более цивилизационно развитой Восточной Европой, с собственными государствами и коммерческой инфраструктурой. Такая Восточная Европа была уже пригодна для взаимодействия.

С точки зрения вышеупомянутой концепции «баллов социального развития» И. Морриса значение Восточной Европы для становления мировой экономической системы, пожалуй, будет даже более существенным, чем роль в ней Америки (примечательно, что сам автор концепции этого значения не увидел и ограничился только тем, что отметил роль России в ликвидации угрозы со стороны Великой Степи²⁰). В конце концов, Америка давала серебро и колониальные товары. Ни то, ни другое с точки зрения пробития потолка в развитии не давали непосредственных преимуществ. Их косвенная ценность состояла в том, что их можно было поставлять в другие регионы мира и получать взамен те товары, которые позволяли продолжить развитие, выходя за пределы экологических ограничений. Железо и медь из России и Швеции, зерно из Польши, Украины, Балкан, русский лен, османский хлопок (как и индийский хлопок, разумеется) – вот что было нужно для рывка. Сахар из Вест-Индии и североамериканский табак таких возможностей предоставить не могли. Именно благодаря Восточной Европе Запад стал Западом. Для формирования мировой экономической системы колонизация Америки и создание восточноевропейской зоны должны рассматриваться, как минимум, как равновеликие события.

Уникальность экономико-географического положения Западной Европы эпохи Нового времени была в наличии расположенной в ближайшей доступности Восточной Европы, региона, одновременно достаточно развитого, но уступающего экономически и культурно своему западному соседу, обладающему многочисленным населением, но при этом и

20. Моррис И. Указ. соч. С. 454–458.

еще не использованными экологическими возможностями. Имели ли нечто подобное рядом с собой другие старые центры цивилизации? Разумеется, у всех них рядом находились более отсталые периферийные регионы, но ни один из них не мог сравниться по своим потенциальным выгодам с Восточной Европой. Транссахарская Африка была слишком плохо связана коммуникациями с арабским миром. Северная часть Дальнего Востока была заселена кочевниками, которые не позволяли в полной мере использовать экологические ресурсы этих территорий. Наверное, больше всего похожи на Восточную Европу с этой точки зрения могли бы быть Индонезия и Индокитай (если их вместе рассматривать как единый макрорегион). В этом макрорегионе имелись и прекрасные транспортные возможности, и давно существующие местные государства, и одновременно еще не освоенные цивилизацией районы. Единственное, чем он уступал Восточной Европе, была численность населения. Сложно сказать, можно ли было использовать указанные выше макрорегионы так, как Запад использовал Восточную Европу, и почему старые азиатские центры цивилизации хотя бы не попытались это сделать. В любом случае ни Китай, ни исламский мир, ни великие империи Индии не проявили интереса (или оказались не способными, или не нашли это выгодным) к интеграции близких к ним периферийных регионов по модели взаимодействия Западной и Восточной Европы. Их предпринимателей интересовали транзитная торговля и торговля экзотическими предметами роскоши, но не глубокая эксплуатация всех возможностей этих макрорегионов.

Закономерно возникает вопрос, а получила ли сама Восточная Европа какую-либо долгосрочную выгоду от вышеописанного торгового взаимодействия с Западом. Последствия этих связей невозможно оценить однозначно. Негативные стороны этого взаимодействия очевидны. Это и часто отмечаемая разными авторами связь между включением в мировую экономическую систему и усилением крепостного права, и торможение развития собственной городской цивилизации.

В отдельных случаях (Российская империя в XVIII в.) дело дошло даже до деурбанизации, т.е. снижения доли численности городского населения. Но эти бесспорные негативные тенденции были частично компенсированы косвенной выгодой от совершенного Западом рывка. Культурные, научно-технические и даже социально-политические достижения Запада успешно распространялись на его восточноевропейских соседей, в том числе такие, которые эти соседи никогда не смогли бы создать самостоятельно. В результате Восточная Европа поддерживала довольно высокий уровень развития, позволявший сохранять относительную независимость от Запада и не стать его военной добычей, как произошло со многими другими странами мира. С другой стороны, так формировался специфический восточноевропейский вариант модели зависимого развития. Эта модель давала большую самостоятельность, чем ее латиноамериканский или африканский варианты. Но в то же время она всегда задавала четкое распределение ролей: все достижения шли только с Запада, а на Востоке они только внедрялись, в лучшем случае модифицировались с учетом местной специфики. Эти взаимоотношения глубоко впечатались в восточноевропейскую культуру, которая и по сей день не может избавиться от своего подражательного характера. В целом, наверное, Восточная Европа все же больше выиграла, чем проиграла. Она обменяла возможности самостоятельного цивилизационного развития на доступ к цивилизационным достижениям Запада, которые не смогла бы создать своими силами.

ОСТ-ИНДСКИЕ КОМПАНИИ И КОРПОРАЦИИ
«ДЕШЕВОГО ИМПЕРИАЛИЗМА»:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И РАЗЛИЧИЯ

В статье рассмотрена проблема общего и особенного двух типов европейских корпораций, созданных для экономического, а затем и политического освоения афро-азиатского мира XVII – первой половины XX в. Два типа компаний проанализированы как ступени в развитии организационных форм капитализма и колониализма. Сделан вывод о принципиальном отличии Ост-Индских компаний XVII – первой половины XIX в. от осваивавших бассейн Тихого океана и Африку корпораций конца XIX – первой половины XX в. ввиду их принадлежности к разным эпохам развития капитализма – торговой и промышленной.

Ключевые слова: колониализм, капитализм, Ост-Индские компании, корпорации «дешевого империализма», Британская империя, Индия, Африка.

В истории европейской экспансии в афро-азиатском мире одну из первостепенных ролей сыграли частные капиталистические организации, особенностью которых был принцип державы-купца – двойственная властно-торговая (политико-экономическая) природа. Эти организации принадлежат к двум группам (типам) и двум разным эпохам. Первую группу составляют Ост-Индские компании XVII – третьей четверти XVIII в. (но по сути середины XIX в.): английская/британская (1600–1874), голландская (1602–1799), французская (1664–1794) и ряд мелких компаний того же типа (датская, фламандская, шведская и др.). Ко второй группе относятся организационные формы явления, за которым в научной литературе вслед за британским либеральным политиком второй половины XIX в. сэром Уильямом

1. Кирилл Андреевич Фурсов – к.и.н., старший научный сотрудник сектора экономической истории Института экономики РАН, старший научный сотрудник ИСАА МГУ.

Харкортom устоялось название «дешевый империализм» (*imperialism on the cheap*). Специфика этого типа империализма состояла в том, что экспансия на определенных территориях и их хозяйственное освоение государству почти ничего не стоили: эти затраты оно перекаладывало на частный капитал. Взамен государство наделяло его правом управлять данными территориями. Речь идет о нескольких корпорациях конца XIX – первой половины XX в., которые осваивали еще «ничейные» на тот момент сегменты тропиков. Прежде всего это четыре британские привилегированные компании (*chartered companies*) поздневикторианской эпохи: Компания Британского Северного Борнео (1881–1953), Королевская Нигерская компания (1886–1899), Имперская Британская Восточно-Африканская компания (1888–1895) и Британская Южно-Африканская компания (1889–1965). Находясь в авангарде колониализма, две группы компаний имели, с одной стороны, немало общего, а с другой – принципиальные различия. Рассмотреть общее и особенное в природе и деятельности этих ранних транснациональных корпораций и составляет цель настоящей статьи.

Ост-Индские компании возникли в Англии и Нидерландах на рубеже XVI–XVII вв., когда две эти страны, становящиеся капиталистические нации, стали оспаривать у Португалии и Испании контроль над океанскими торговыми путями. Эти корпорации были крупными внешнеторговыми фирмами, которые получили от властей своих стран (соответственно короны и Генеральных штатов) монопольное право торговать со всеми странами бассейнов Индийского и Тихого океанов. Две компании были первыми в истории организациями, которые связали своей деятельностью все известные европейцам части света, а благодаря централизованной системе распределения способствовали стандартизации товаров, производимых в условиях индивидуального ремесленного предприятия².

-
2. *Chaudhuri K.N.* European Trade with India (Chapter XIII.1) // *The Cambridge Economic History of India*. 2 vols. Vol. 1. C. 1200–1750 / Ed. by T. Raychaudhari and I. Habib. Cambridge etc.: Orient Longman; Cambridge University Press, 1982. P. 404.

Наиболее мощной среди всех Ост-Индских компаний до середины XVIII в. была голландская Объединенная Ост-Индская компания (*Vereenigde Oost-Indische Compagnie*) — крупнейшая купеческая организация своей страны. Говоря языком мир-системного подхода, Нидерланды были в этот период первым по счету гегемоном капиталистической мир-экономики (И. Валлерстайн) и субъектом второго цикла накопления капитала в этой системе (Дж. Арриги). Если первоначальный акционерный капитал английской компании составил всего 30 тыс. ф. ст., то голландской (в пересчете на английскую валюту) — 540 тыс.³ К середине XVII в. голландская компания вытеснила португальцев из самого экономически привлекательного для европейцев региона афро-азиатского мира — Нусантары (Малайи и островной части Юго-Восточной Азии), одновременно не дав закрепиться там своим тактическим союзникам англичанам. С самого начала голландская компания не только торговала, но и пускала в ход военную силу, регулируя рынок пряностей и ставя отдельные территории под прямой административный контроль. На протяжении двух столетий компания проникала все глубже в сферу торговли и производства экспортных культур в Нусантаре, одновременно смещая баланс сил в отношениях с политиями региона. Правда, уже в 1720-е годы британская компания обошла голландскую по стоимости сбыта⁴. В изменившейся рыночной конъюнктуре прежняя сила голландцев обернулась слабостью: пробиться в новые зоны роста мировой торговли (прежде всего Индию с ее тканями и Китай с его чаем) они были уже не в состоянии. К своему роспуску в 1799 г. голландская компания пришла хотя и банкротом, но вместе с тем правителем ключевых территорий будущей Индонезии (управление ими перешло к нидерландскому государству).

3. *Gardner B.* The East India Company: A History. L.: Rupert Hart-Davis, 1971. P. 30.

4. *Steensgaard N.* The Growth and Composition of the Long-distance Trade of England and the Dutch Republic before 1750 (Chapter 3) // *The Rise of Merchant Empires: Long-distance Trade in the Early Modern World, 1350–1750* / Ed. by J. Tracy. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1990. P. 112, table 3.4.

Английская (с начала XVIII в. — британская) Ост-Индская компания (East India Company) начинала как неудачница: вытесненная голландцами из Нусантары, на Индии она сосредоточила внимание вынужденно. Однако англичане быстро освоились, создали ряд торговых пунктов — факторий — и наладили масштабный экспорт пряностей, тканей, селитры. Свои главные фактории: Мадрас, Бомбей и Калькутту — они превратили в крепости, которые стали зародышами Британской империи в Индии. Когда к середине XVIII в. в Южной Азии распалась Могольская империя, а во многих частях мира полыхали англо-французские войны за австрийское наследство (1740—1748) и Семилетняя война (1756—1763), компании представилась возможность превратиться из купца в державу-купца. Одолев военным путем и свою французскую конкурентку, и ряд индийских княжеств, она стала собирать индийские земли так же, как ее голландская коллега — индонезийские. Правда, уже в 1784 г. британский парламент спохватился и поставил все не относящиеся к торговле аспекты деятельности компании — административную, военную, дипломатическую — под надзор правительства (создание Контрольного совета по акту Питта). Растущее осознание экономического значения индийской империи привело к переоценке того, чьи интересы Ост-Индская компания представляет в Азии. Ее владения и доходы все больше рассматривали в Британии как «национальные» сферы интересов, и все больше считали, что она действует не только в корпоративных интересах, но и в государственных (*public*). Поэтому, в частности, правительство оказывало компании все более ощутимую военную поддержку⁵. Вместе с тем в начале XIX в., в условиях континентальной блокады Наполеона, промышленная буржуазия добилась отмены монополии компании на торговлю с Индией (1813 г.), а позднее — и с Китаем (1833 г.). Одновременно государство вело наступление на политиче-

5. Bowen H.V. The Business of Empire: The East India Company and Imperial Britain, 1756—1833. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2006. P. 43—44.

скую самостоятельность компании, постепенно оттягивая ее функции по управлению Британской Индией на себя. В 1858 г., в ходе восстания *сипаев*⁶, парламент перевел Индию под прямую власть короны. Компания просуществовала до 1874 г., но уже не торговала и не управляла, а лишь получала дивиденды, гарантированные правительством из индийских налогов. Именно долговечность британской Ост-Индской компании позволяет относить к истории этих организаций даже первую половину XIX в., хотя в этот период компания стала экономически и административно выхолощенной структурой и функционировала все больше по инерции.

Французская купеческая организация того же типа была экономически много слабее голландского и английского аналогов. На деле это были три сменявшие друг друга организации: Компания Восточных Индий (*Compagnie des Indes Orientales*, 1664–1719), Постоянная компания Индий (*Compagnie perp tuelle des Indes*, 1719–1769) и Компания Восточных Индий и Китая (*Compagnie des Indes Orientales et de la Chine*, 1769–1794). От ост-индских предприятий Северо-Западной Европы французскую компанию отличала определяющая роль государства. Ввиду слабости французской буржуазии предприниматели вносили средства в ее капитал под сильным давлением правительства, воспринимая подписку как разновидность налогообложения⁷. Созданная интендантом финансов (1661–1665) Ж.-Б. Кольбером, французская компания находилась под избыточной опекой государственных чиновников, что вредило ее деловым операциям. В XVIII в. она попыталась восполнить торговую слабость военной силой. Именно французы первыми набрали в Индии крупную армию сипаев и ненадолго поставили под контроль ряд князей — все это с целью одолеть английского экономического конкурента внеэкономическими средствами. Тем самым они подали конкуренту пример для подражания,

6. С и п а и — туземные солдаты европейских Ост-Индских компаний в Индии, обученные и вооруженные на европейский лад.

7. Golant W. The Long Afternoon: British India, 1601–1947. L.: Hamish Hamilton, 1975. P. 8.

результатом которого станет Британская империя в Индии. Семилетняя война похоронила имперские амбиции Франции в Индии (как и в Канаде), после чего французская компания (третья по счету) занималась только торговлей. Успеха в этом она опять не достигла и в 1794 г. была распущена якобинцами.

К типу Ост-Индских компаний относились и некоторые другие внешнеторговые предприятия Нидерландов, Англии и ряда других стран. Однако лишь единицы среди них силой обстоятельств взяли под управление заморские территории. Все они действовали в Новом Свете: голландская Привилегированная Вест-Индская компания (*Geocroyeerde Westindische Compagnie*, 1621–1674 и 1675–1791), британская Компания Гудзонова залива (*Hudson's Bay Company*, 1670–1870⁸) и Российско-Американская компания (1799–1881). Прочие, такие как английские Московская и Левантская компании (*Muscovy and Levant Companies*) и Компания восточных земель (*Eastland Company*), гибридными организациями были только в зародыше: пользовались правом экстерриториальности⁹ своих служащих, а о власти не помышляли.

XIX в. стал могилищиком последней Ост-Индской компании – британской. Однако к концу этого столетия принцип державы-купца был – неожиданно для многих – возрожден, извлечен из небытия. К последней трети XIX в. в истории Британской империи относят феномен «нового империализма» с характерным для него вывозом капитала. В некоторых частях мира инструментами еще одного колониального рывка и послужили корпорации «дешевого империализма». Отказывая Форин-офису в средствах на консульский штат для протекторатов, казначейство проявляло «фантастическую

8. Даты владения территориями в Северной Америке, которые компания в 1870 г. уступила доминиону Канаде. Компания существует по сей день.

9. Экстерриториальность – право представителей какой-либо страны на самоуправление, на неподчинение законам страны пребывания. В данном случае имеются в виду фактории упомянутых компаний в Восточной Европе и Османской империи.

скарденность»¹⁰, тогда как Манчестерская торговая палата, активно выступавшая за экспансию (в частности, в Восточной Африке), тоже не собиралась выделять на нее ни пенса, пока не будет гарантирована финансовая отдача¹¹. Идею создать компанию по модели Ост-Индской для освоения Африки впервые высказал в 1875 г. путешественник В.Л. Кэмерон — первый европеец, который пересек Экваториальную Африку от моря до моря¹². Однако первый такой эксперимент был поставлен в Нусантаре — регионе, куда когда-то в первую очередь и устремились англичане, отправившись на Восток.

Первопроходцем среди компаний «нового старого типа» стала Компания Британского Северного Борнео (British North Borneo Company), осваивавшая северную часть о. Калимантан (Борнео). Сегодня эта область представляет собой малайзийский штат Сабах. Основали компанию владельцы крупного торгового дома в Лондоне и Шанхае сэр Алфред Дент (1844—1927) и его брат. Они воспользовались тем, что до севера Борнео пока не дошли руки у голландцев, которым принадлежала большая часть острова. Формально же область находилась под верховной властью султана Брунея, как и область по противоположную от его столицы сторону — Саравак под управлением династии «белых раджей» Бруков. Давая хартию на инкорпорацию Компании Борнео, правительство У.Ю. Гладстона было обеспокоено притязаниями на Сабах Испании и Нидерландов, но расходы на содержание колонии нести не собиралось. Выходом и была привилегированная компания. Главными статьями экспорта страны стали уголь, каучук и древесина. Компания управляла ею до японской оккупации в 1941 г., а после войны, в 1946 г., официально сложила полномочия, и Сабах превратили в коронную колонию.

-
10. *Flint J.E.* Sir George Goldie and the Making of Nigeria. L. etc.: Oxford University Press, 1960. P. 46–49.
 11. *Galbraith J.S.* Mackinnon and East Africa, 1878–1895: A Study in the «New Imperialism». Cambridge: At the University Press, 1972. P. 9.
 12. *Ibid.* P. 4–5.

Компания Борнео на материале Юго-Восточной Азии опробовала возрождение принципа державы-купца, и оказалось, что в ограниченном масштабе он вновь работает. Однако центром приложения курса «нового империализма» был Черный континент. Именно драка за Африку (*Scramble for Africa*) стояла на международной повестке дня в 1880–1890-е годы. Ее участниками от Британской империи стало не только государство метрополии, но и три частные фирмы, созданные после Компании Борнео по ее образцу.

Первой из них стала Королевская Нигерская компания (Royal Niger Company). Ее основателем и фактическим руководителем был ловкий предприниматель сэр Джордж Голди (1846–1925). Еще в 1879 г. он учредил Объединенную Африканскую компанию, которая через два года была переименована в Национальную Африканскую компанию, а в 1886 г. инкорпорирована под названием, с которым и вошла в историю колониализма. Чтобы добиться для нее хартии на управление значительной частью территории современной Нигерии, Голди мастерски воспользовался французской и немецкой угрозами британским интересам в регионе. Протекторат над дельтой Нигера правительство Британии решило установить еще в 1883 г., но полгода спорили, откуда взять 5 тыс. ф. ст. в год на его содержание; пока спорили, упустили Камерун, отошедший немцам¹³. Фирма Голди в самом деле стала для правительства Гладстона золотой серединой: оно стремилось избежать обвинений и в расточительности (если бы аннексировало бассейн Нигера), и в малодушии (если бы его не аннексировало)¹⁴. Главной статьей экспорта компании было пальмовое масло. Правда, управляла Нигерская компания недолго: министр колоний (1895–1903) Дж. Чемберлен считал ее анахронизмом, а ускорил ее уход с политической сцены англо-французский территориальный конфликт из-за Буссы, который называют репетицией знаменитого Фашодского

13. Flint J.E. Sir George Goldie... P. 55.

14. Porter B. The Lion's Share: A Short History of British Imperialism, 1850–1970. L. etc.: Pearson, 2012. P. 96.

инцидента 1898 г. В первый день 1900 г. владения компании перешли к государству (за щедрую сумму в 865 тыс. ф. ст.)¹⁵. Она модифицировала название и в конечном счете была поглощена многонациональной корпорацией Unilever.

Фирмой, которая продвигала интересы Британской империи на противоположном, индоокеанском, побережье Африки, стала Имперская Британская Восточно-Африканская компания (Imperial British East Africa Company). Здесь основателем и доминирующей фигурой стал судовой магнат сэр Уильям Маккиннон (1823–1893). Бизнес он вел в Индии, где сделался председателем Британско-индийской пароходной компании. Поскольку в Британской империи Аравия и Восточная Африка находились «в ведении» Индии, появление у Маккиннона коммерческих интересов на Суахилийском побережье закономерно. В 1888 г. он добился хартии для инкорпорации компании с задачей освоить территорию современной Кении. Стимулом для правительства лорда Солсбери послужила активность немцев в материковой Африке напротив Занзибара. Однако среди корпораций «дешевого империализма» компания Маккиннона оказалась наименее успешной. Как Восточная Африка служила пешкой в англо-германских отношениях, так и компанию политики использовали в собственных целях, что обеспечило ей раннюю смерть¹⁶. Необходимым условием процветания Восточно-Африканской компании ее руководство считало налаживание торговли с политией Буганда у оз. Виктория. Однако организовать строительство туда железной дороги

15. Darwin J. The Empire Project: The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 127. Поскольку, переводя на себя управление, государство обычно выкупало у компаний их владения, отечественный англовед И.Д. Парфёнов, автор специального исследования привилегированных компаний конца XIX в., утверждает, что «дешевым империализмом» освоение тропиков их руками не было, так как при отмене хартии административные расходы были компаниям возмещены (Парфёнов И.Д. Монополия и империя: Английские привилегированные компании и колониальная экспансия 80–90-х годов XIX в. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1980. С. 157). Однако такой взгляд представляется ретроспективным: ведь перед дарованием хартии и во время ее действия правительства действительно рассчитывали сэкономить.

16. Galbraith J.S. Mackinnon and East Africa... P. 142–143.

от побережья компания не сумела — лишь спровоцировала в Буганде междоусобную религиозную войну. Компания обанкротилась и в 1895 г. была распущена. Управление страной Уганда и территорией Британская Восточная Африка (Кения) в статусе протекторатов взял на себя Форин-офис.

Наиболее известной из корпораций «дешевого империализма» стала Британская Южно-Африканская компания (British South Africa Company). Ее в 1889 г. основал знаменитый алмазо- и золотодобытчик, создатель мировой алмазной монополии «Де Бирс» и одно время премьер-министр Капской колонии Сесил Родс (1853–1902). Его программой-максимум было протянуть по линии Кейптаун — Каир непрерывную цепь британских колоний (то, что британцы, закрасивая свою империю на картах красным цветом, называли *all-red line*). Реализовать, правда, удалось лишь программу-минимум — присоединить к империи земли севернее Капской колонии и протектората Бечуаналенд до р. Замбези, которые по имени Родса стали называть Родезией (их было три: Южная, Северо-Западная и Северо-Восточная; в 1911 г. две последние объединили в Северную). По сути то была частная империя Родса. Среди корпораций своего типа Южно-Африканская компания стала ветераном и просуществовала до 1965 г., хотя управление Южной Родезией (современная Зимбабве) уступила государству уже в 1923 г., а Северной (современная Замбия) — в 1924 г.

Корпорации «дешевого империализма» действовали хотя и не скоординированно, но в одном направлении — продвигали имперские интересы Британии (пусть подчас и имели противоречия с группами предпринимателей метрополии). Более того, лидеры корпораций общались и были связаны между собой. Маккиннон был другом и деловым партнером братьев Дентов, а контроль над Африкой от экватора до юга мечтал осуществлять совместно с Родсом. Некоторые дела с Алфредом Дентом вел и Голди.

Примеру британцев в освоении тропиков руками частного капитала (как и во многом другом, что касалось импер-

ских дел) последовали немцы. Опоздавший к колониальному разделу мира Второй Райх спешил наверстать упущенное. Инструментами его экспансии в тех же частях мира тоже выступили корпорации «дешевого империализма».

Германское Восточно-Африканское общество (*Deutsch-Ostafrikanische Gesellschaft*), основанное в 1884 г. Карлом Петерсом (1856–1918), пыталось осваивать Танганьику — материковую часть современной Танзании. Заключив 12 договоров с вождями по сути о признании ими верховной власти его компании, Петерс в следующем году добился от кайзера хартии на управление этими землями. Правда, применяемые методы колонизации вызвали широкое восстание под руководством араба аль-Башира бин Салима, и общество обанкротилось. (Британская конкурентка Петерса компания Маккиннона учла его ошибки и в своей Кении не стала поднимать британского флага и смещать местных чиновников.) Чтобы привести африканцев к покорности, Восточно-Африканскому обществу потребовалась военная помощь своего государства, которое в 1891 г. и выкупило у него управленческие функции. Позднее обществу пришлось передать в государственную собственность также свои рудники, плантации и инфраструктуру.

В бассейне Тихого океана действовали сразу две немецкие фирмы. Германская Новогвинейская компания (*Deutsche Neuguinea-Kompagnie*), которую основал в том же 1884 г. банкир Адольф фон Ханземанн (1826–1903), колонизовала северо-восточную четверть о. Новая Гвинея (Земля кайзера Вильгельма) и архипелаг Бисмарка общей площадью 240 тыс. кв. км¹⁷. Компания пыталась развивать плантационное хозяйство, но немцы плохо знали острова и их климат, да и смертность колонистов была высокой (от малярии и других болезней умерли 20% чиновников компании¹⁸). Поэтому

17. *Gründer H.* Geschichte der deutschen Kolonien. Paderborn; München; Wien; Zürich: Schöningh, 1985. S. 93.

18. *Biskup P., Jinks B., Nelson H.* A Short History of New Guinea. L. etc.: Angus and Robertson, 1968. P. 47.

в 1899 г. территории компании стали колонией в строгом смысле слова — были переведены под управление губернатора — представителя государства. Джалаутское общество (Jaluit-Gesellschaft) в 1888 г. приняло от правительства Германии административный контроль над рядом архипелагов Океании — островами Маршалловыми, Каролинскими и Гилберта (главная фактория размещалась на атолле Джалаут). Однако здесь дела у частных тоже не пошли, и в 1906 г. государство вернуло себе административные функции, подчинив названные колонии властям немецкой Новой Гвинеи.

Пробовали идти по стопам британцев и бельгийцы. В личной колонии бельгийского короля Леопольда II (1865–1909) с издевательским названием «Независимое государство Конго» действовали свои корпорации «дешевого империализма»: 30% процентов территории страны было роздано в собственность или концессии таким фирмам, как Компания Катанги (Compagnie du Katanga) и Компания Касаи (Compagnie du Kasai)¹⁹.

Две рассматриваемые группы компаний демонстрируют как сходства, так и различия. Для корпораций «дешевого империализма» характерна значительная преемственность по отношению к Ост-Индским компаниям и подобным им структурам.

Во-первых, обе группы организаций имели гибридную природу: это частные корпорации, которые добились от властей своих государств хартий на деловую активность и (иногда позднее, но чаще одновременно) на право управлять определенными территориями афро-азиатского мира. Так, английская Ост-Индская компания по хартии Елизаветы I 1600 г. получила торговую монополию в огромной зоне от мыса Доброй Надежды до мыса Горн, по хартии Якова II 1683 г. — право объявлять войну нехристианским народам и заключать с ними мир, назначать морских офицеров и наби-

19. Винокуров Ю.Н., Орлова А.С., Субботин В.А. История Заира в Новое и Новейшее время. М.: ГРВА, 1982. С. 98–99.

рать военные отряды, вводить военное положение на судах и в факториях, а по хартии 1686 г. при том же короле — самой основать в Мадрасе муниципалитет. В отношении служащих компании на Востоке государство делегировало ей право издавать для них законы, следить за их соблюдением и вершить правосудие. Хартии корпораций конца XIX в. тоже давали им право управлять. В результате, например, компания Родса организовывала рабочую силу, вела учет ресурсам и составляла карты. В силу этого она, «вероятно, больше походила на государство, чем многие современные [ей] правительства»²⁰.

Торговые и административные полномочия часто подкреплялись пожалованием соответствующих привилегий со стороны властей местных политий. Так, в 1717 г. британская Ост-Индская компания добилась от шаха Могольской империи *фирмана* (указа) с освобождением от пошлин в обмен на внесение в казну фиксированной суммы, в 1765 г. — назначения себя *диваном* (сборщиком налогов) провинции Бенгалия, а в 1803 г. — полномочным регентом (*вакил-ул-мутлак*) империи. Корпорации «дешевого империализма» тоже юридически встраивались в существующие властные структуры: Компания Борнео формально выступала концессионером султана Брунея (партнеру Дента австрийскому барону фон Овербеку тот даже пожаловал титул махараджи), британская и немецкая Восточно-Африканские компании — концессионерами султана Занзибара, Южно-Африканская — концессионером вождей народов ндебеле и баротсе.

Будучи державами-купцами, компании обеих групп обладали соответствующими признаками. Так, их выделяли крупные размеры капитала: у голландской Ост-Индской компании в начале XVIII в. он (в пересчете на английскую валюту) составил 2,7 млн ф. ст.²¹, у британской в тот же

20. Bayly C.A. The Birth of the Modern World, 1780–1914: Global Connections and Comparisons. Malden (Mass.) etc.: Blackwell, 2004. P. 253.

21. Рассчитано по: Gaastra F.S. Bewind en Beleid bij de VOC: De financiële en commerciële politiek van de bewindhebbers, 1672–1702. Zutphen: 1989. Blz. 212, tabel 17.

период — 3,2 млн²², у Компании Борнео в 1882 г. — 362 тыс.²³, у Южно-Африканской компании уже исходно — 1 млн ф. ст.²⁴ Для сравнения: в 1864 г. в Британии существовало всего две фирмы с капиталом свыше 2 млн ф. ст., к 1905 г. — 52²⁵ (тоже не так много). Контролировали компании целые страны: площадь Британской Индии в 1852 г. составляла 678 тыс. кв. миль²⁶, Северного Борнео после получения Дентом концессии в 1877 г. — 28 тыс.²⁷, Северной Родезии к моменту перехода управления к государству в 1924 г. — 4 тыс.²⁸. Для контроля над территориями или их расширения компании содержали внушительные вооруженные силы. Сухопутная армия британской Ост-Индской компании в 1844 г. насчитывала 17 тыс. европейских солдат и 201 тыс. сипаев (не считая королевских войск в Индии)²⁹; армия Южно-Африканской компании, вторгшаяся в 1890 г. в Машоналенд, — около 200 наемников, 500 полицейских компании и более 1000 прочих солдат, по большей части африканцев³⁰; армия Нигерской компании, вторгшаяся в 1897 г. в эмираты Нупе и Илорин, — 25 офицеров-британцев и 500 полицейских-африканцев с 2 пушками плюс более 800 носильщиков³¹.

Двойственная политико-экономическая природа компаний обоих типов обусловила то, что они состояли в конкуренции не только с купеческими организациями, но и с

-
22. *Reid C.L.* Commerce and Conquest: The Story of the Honourable East India Company. L.: Temple, 1947. P. 198.
 23. *Tregonning K.G.* A History of Modern Sabah (North Borneo 1881–1963). Singapore: University of Malaya Press, 1965. P. 50.
 24. *Flint J.* Cecil Rhodes. L.: Hutchinson, 1974. P. 120.
 25. *Парфенов И.Д.* Указ. соч. С. 20.
 26. *Barber W.J.* British Economic Thought and India, 1600–1858: A Study in the History of Development Economics. Oxford: Clarendon Press, 1975. P. 143.
 27. *Tregonning K.G.* Op. cit. P. 14.
 28. British Imperialism in East Africa. Prepared by the Labour Research Department. Colonial Series №1. L.: The Labour Research Department, 1926. P. 16.
 29. *James L. Raj.* The Making and Unmaking of British India. L.: Little, Brown and Co, 1997. P. 120.
 30. *Bown S.R.* Merchant Kings: When Companies Ruled the World, 1600–1900. Vancouver: Douglas & McIntyre, 2009. P. 267.
 31. *Burns A.* History of Nigeria. L.: George Allen and Unwin, 1929. P. 160.

политиями — восточными патримониями и западными государствами.

С восточными патримониями компании, обладая квазигосударственными функциями, в тот или иной момент своей истории взаимодействовали на равных, а нередко подчиняли или даже уничтожали их. Конечно, вначале, когда Могольская империя была сильна, английская Ост-Индская компания чаще выступала смиренным просителем торговых льгот. Однако когда в первой половине XVIII в. султанат стал распадаться, рост британских анклавов Мадраса, Бомбея и Калькутты превратил их не только в экономических и демографических, но и во властных конкурентов возникавших княжеств³². В 1757 г. в ходе конфликта с *навабом*³³ Бенгалии Сираджем-уд-даула (1756–1757) компания бросила ему военный вызов и разбила в сражении при Палаши, содействовав дворцовому перевороту. Голландская компания еще в 1619 г. приступила к территориальным захватам на Яве, а к 1755 г. так окрепла, что содействовала разделу султаната Матарам на два зависимых от нее княжества. Южно-Африканская компания в ходе недолгой войны 1893–1894 гг. свергла одного из сильнейших правителей юга Африки — *инкоси*³⁴ ндебеле Лобенгулу (1870–1894) — и присвоила его владения. Это не говоря о договорах о покровительстве, которые все компании заключали с азиатскими или африканскими властителями разных уровней. К примеру, английская Ост-Индская компания отработала механизм косвенного управления индийскими княжествами в форме субсидиарного союза, при котором наваб или раджа принимал на службу англо-сипайский отряд, выделяя на его содержание несколько налоговых округов (договоры с княжествами Авадх

32. Подр. см.: Фурсов К.А. Держава-купец: отношения английской Ост-Индской компании с английским государством и индийскими патримониями. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. С. 103–117.

33. *Наваб* — должность наместника в Могольской империи; после ее фактического распада в XVIII в. навабы стали самостоятельными правителями региональных княжеств.

34. *Инкоси* — титул правителя у народов зулу и ндебеле (матабеле) на юге Африки.

1773 г., Траванкур 1788 г., Майсур 1799 г. и т.д.)³⁵. Компании Борнео, Нигерская, Восточно-Африканская, прежде чем просить британское правительство о хартии, заключили многочисленные договоры с местными вождями и правителями о своем праве не пускать на их территорию иностранцев, монопольно добывать полезные ископаемые, приобретать землю, а кое-где и контролировать их отношения с другими правителями. Например, компания Голди к 1889 г. заключила с вождями 209 таких договоров и платила им субсидии на общую сумму почти 1,3 млн ф. ст.³⁶ Правда, часть этих документов компании сфабриковали, а часть вождей относительно истинного значения уступаемых полномочий просто обманули. Вместе с тем многие племена шли под европейское покровительство добровольно — например немусульманские племена Нигерии, опасавшиеся завоевателей-фулани.

Что касается конкуренции с европейскими государствами, она в отдельные периоды тоже была вполне выраженной. В войнах голландской и английской Ост-Индских компаний против Португальской империи в XVII в., а также компаний друг с другом (голландцы против англичан в XVII в., французы против британцев в XVIII в.) за ними стояли их национальные государства. Корпорации «дешевого империализма», действовавшие в эпоху дальнейшего подъема государств, конкурировали именно с ними. Например, Нигерская компания активно сопротивлялась проникновению в зону своих интересов агентов Французской колониальной империи, таких как руководитель экспедиции на р. Бенуэ 1892 г. лейтенант Л.-А. Мизон.

Наиболее любопытным, пожалуй, был факт конкуренции компаний с собственным государством. Правда, в случае голландской Ост-Индской компании конкуренция была

35. A Collection of Treaties and Engagements with the Native Princes and States of Asia Concluded, on behalf of the East India Company, by the British Governments in India; also Copies of Sunnuds, or Grants, of Certain Privileges and Immunities to the East India Company by the Mogul, and Other Native Princes of Hindustan. L.: E. Cox and Son, 1812. P. 69, 416–421, 456.

36. *Flint* J.E. Sir George Goldie... P. 137.

минимальной, так как участвовавшая в предприятии крупная буржуазия одновременно по сути и правила страной. Минимальной конкуренция была и во французской компании — парадоксальным образом из-за обратной ситуации: королевская власть всегда осуществляла над компанией жесткий контроль, что позволило одному историку назвать ее второразрядным государственным департаментом³⁷. А вот британская Ост-Индская компания, подчинив Бенгалию, выступила мощным конкурентом своего государства: в 1801 г. население Бенгалии превосходило британское вчетверо³⁸, в 1789 г. сухопутная армия компании британскую армию — почти втрое³⁹, набобы⁴⁰ скупали места в парламенте, перехватывая их у земельной знати, тогда как механизма контроля над компанией у правительства до 1773 г. не было никакого. В известной степени конкурентом собственного государства выступала и Нигерская компания. Так, в 1897 г. войска во главе с самим Годди вторглись в эмираты Нупе и Илорин: предлогом была борьба с работоторговлей, но причиной — стремление держать на расстоянии как французов (те установили протекторат над Порто-Ново), так и власти британской(!) колонии Лагос⁴¹.

Во-вторых, сходными были методы деятельности двух групп компаний. Среди этих методов я выделил бы экономические, частично экономические и внеэкономические.

К экономическим методам относится ведение торговли — прямой между Европой и заморским регионом или каботажной в пределах этого региона. Так, английская,

37. Griffiths P. The British Impact on India. L.: Macdonald, 1952. P. 63.

38. James L. Op. cit. P. 30.

39. Рассчитано по: Bayly C.A. Indian Society and the Making of the British Empire / The New Cambridge History of India. Vol. II.1. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 85; Kennedy P.M. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. L.: Fontana Press, 1989. P. 128, table 4.

40. На б о б (искаженное от «наваб») — так в Британии во второй половине XVIII в. неодобрительно называли сказочно разбогатевших в Индии служащих Ост-Индской компании. Возвращаясь на родину, такие нувориши часто покупали титулы и земли.

41. Isichei E. A History of Nigeria. L. etc.: Longman, 1983. P. 363–364.

голландская, французская Ост-Индские компании вывозили ткани из Бенгалии, а Нигерская компания — пальмовое масло с территории современной Нигерии.

К частично экономическим методам можно причислить экономию военных расходов через «интернализацию оборонных издержек»⁴² (в защите своей торговли компании не зависели от внешних сил) и сбор таможенных пошлин и налогов (когда компании обзавелись опорными пунктами, а позднее территориальными владениями). Я именую эти методы частично экономическими, так как, относясь к сфере финансов, эти потоки средств в то же время регулируются не рынком, а политической властью и/или военной силой. Так, совокупные налоговые поступления всех трех президентств Британской Индии в 1792—1793 гг. превысили 8,2 млн ф. ст.⁴³ У Ост-Индских компаний к сбору пошлин и налогов добавлялось взимание в Индийском океане и морях Нусантары платы за мореплавание с местных купцов, паломников и т.д., т.е. выдача (продажа) судам обязательных пропусков.

Наконец, внеэкономические методы включали дипломатическую деятельность и применение насилия в отношении европейских и азиатских торговых и властных конкурентов.

Обладая полномочиями вести внешние сношения, все рассматриваемые компании широко ими пользовались. Ост-Индские компании вели переговоры с наместниками Могольской империи и с самими шахами, с малайскими правителями и другими властителями. Когда компании превратились в военно-политическую силу, обычной целью их дипломатической деятельности стало подчинение местных правителей путем заключения с ними договоров о той или

42. Термин датского историка Н. Стеенсгора. *Steensgaard N. The Asian Trade Revolution of the Seventeenth Century: The East India Companies and the Decline of the Caravan Trade.* Chicago; L.: University of Chicago Press, 1973.

43. Рассчитано по: *Dutt R. The Economic History of India under Early British Rule: From the Rise of the British Power in 1757 to the Accession of Queen Victoria in 1837.* L.: Kegan Paul, Trench, Trubner and Co., s.a. P. 399, table.

иной форме протектората. Схожую дипломатическую деятельность вели и корпорации конца XIX в.

Не брезговали компании прямым грабежом друг друга. К 1617–1619 гг. относится бескомпромиссная война двух Ост-Индских компаний в Индийском океане: две фирмы выясняли, кто будет контролировать Малайский архипелаг. Войны британской и французской компаний в рамках войн за австрийское наследство (1740–1748) и Семилетней (1756–1763) также отмечены крейсерскими операциями.

Целью применения насилия в отношении азиатских политий было заставить правителей согласиться предоставить торговые льготы или отнять их у конкурентов. Здесь особое место в арсенале средств занимала блокада побережья вооруженными судами (а несли вооружение практически все суда компаний). Голландская Ост-Индская компания неоднократно блокировала острова Молуккского архипелага, чтобы навязать местным князькам свою монополию — владение одного покупателя. Применяла этот рычаг воздействия и английская Ост-Индская компания, например в ходе конфликта с могольскими властями крупнейшего порта Индии Сурата в 1734 г.⁴⁴ В 1669 г. голландцы путем войны заставили султанат Макасар на о. Сулавеси прекратить торговать с англичанами. Эти же цели преследовал генерал-губернатор французских факторий Ж.-Ф. Дюплекс, вмешавшись в 1740-е годы в борьбу за власть в южноиндийских княжествах Карнатик и Хайдарабад и поддержав в каждом одного из претендентов. Самый яркий пример в Африке — свержение компанией Родса Лобенгулы в 1894 гг., когда инкоси возмутился нарушением ею режима концессии.

Конечно, компании применяли военную силу и тогда, когда речь уже шла о планах подчинить обширную территорию их административной власти. История поэтапного завоевания и ползучего покорения голландской Компанией

44. Marshall P.J. *British Expansion in India in the Eighteenth Century: A Historical Revision* // Marshall P.J. *Trade and Conquest: Studies on the Rise of British Dominance in India*. Aldershot; Brookfield: Variorum, 1993. P. 33.

Нусантары в XVII—XVIII вв., а британской — Индии и Бирмы в XVIII—XIX вв. хорошо известна.

Получив административную власть на той или иной территории, компании смогли применять ее для устранения торговых и/или геополитических конкурентов уже не руками подчиненных им местных правителей, а сами. Так, еще в 1623 г. голландская компания почти на 200 лет по сути решила английскую проблему: голландцы ложно обвинили служащих фирмы-конкурентки в заговоре с целью захватить их форт на о. Амбон и обезглавили 10 человек, что вошло в историю как Амбонская резня. То была акция устрашения с целью выдавить английскую компанию из Нусантары, чего голландцы в большей части территории региона добились. Британская компания, произведя в 1757 г. дворцовый переворот в Бенгалии, оказалась в состоянии пустить полученные из внеэкономического источника средства на успешное завершение войны со своей французской «коллегой» в Южной Индии. Нигерская компания сразу ввела таможенные сборы и лицензии на торговлю стоимостью 100 ф. ст., чтобы максимально затруднить деятельность торговых конкурентов, в том числе африканских⁴⁵. При этом Голди искусно обошел условие акта Берлинской конференции 1885 г., по которому судоходство по Нигеру объявлялось свободным. Сэр Джордж следовал букве документа: свободно судоходство — но не торговля. Как только чужие суда приставали к берегу, они должны были подчиняться законам компании и платить пошлины.

В-третьих, две группы компаний сближает стратегия получения полномочий от властей. Доминировавшие в компаниях представители торгового и финансового капитала понимали значение неформальных связей с придворными кругами и правительством своего государства. Поэтому они старались кооптировать их представителей в состав компаний, чтобы заручиться влиятельными союзниками. Так, хотя при учреждении английской Ост-Индской компании доля купцов в ее

45. *Flint J.E. Sir George Goldie... P. 97.*

капитале составила 85,6%⁴⁶, список первых 218 пайщиков (которым Елизавета I и даровала хартию 1600 г.) открывали граф Камберленд и три рыцаря⁴⁷. Их присутствие должно было придать создаваемой фирме больше респектабельности. Симбиоз с представителями официальных властей культивировали и создатели корпораций «дешевого империализма». Председателем совета директоров Нигерской компании ее организатор Голди сделал барона Абердэра — личного друга четырежды премьер-министра Гладстона, побывавшего в его кабинете министром внутренних дел; сам Голди числился лишь заместителем Абердэра⁴⁸. В правлении Британской Южно-Африканской компании ту же роль свадебного генерала при ее подлинном хозяине Родсе исполнял герцог Файф. Сдружился Родс и с чиновниками Британской империи на местах: верховного комиссара Южной Африки (1881—1889, 1895—1897) сэра Геркулеса Робинсона ввел в совет директоров «Де Бирс», а заместителя комиссара Бечуаналенда сэра Сидни Шиппарда — в правление Южно-Африканской компании⁴⁹. Поэтому-то один из ее директоров герцог Эберкорн и писал о Родсе, что тот «получил полномочия делать все, что ему заблагорассудится, не испрашивая разрешения у министерства, а только сообщая о содеянном»⁵⁰.

Одинаковыми методами компании добивались и расположения правителей Азии и Африки, во владениях которых имели торговые или иные интересы. Голландская и английская Ост-Индские компании постоянно делали могольским шахам и их наместникам богатые подарки. Так, в 1644 г.

46. *Мецзякова Н.М.* Основные черты генезиса капитализма в промышленности Англии XVI — первой половины XVII века // Проблемы генезиса капитализма. Сб. ст. М.: Наука, 1978. С. 224, табл.

47. *The Register of Letters etc. of the Governor and Company of Merchants of London Trading into the East Indies, 1600—1619* / Ed. by G. Birdwood. L.: Bernard Quaritch, 1893. P. 448.

48. *Flint J.E.* Sir George Goldie... P. 46.

49. *Galbraith J.S.* Origins of the British South Africa Company // Perspectives of Empire. Essays presented to G.S. Graham / Ed. by J.E. Flint and G. Williams. L.: Longman, 1973. P. 153.

50. Цит. по: *Давидсон А.Б.* Сесил Родс — строитель империи. М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1998. С. 187.

англичане поднесли Шаху Джахану (1628–1658) и принцам ткани, зеркала и арабских лошадей, которыми те остались довольны⁵¹.

Наконец, в-четвертых, схожими были и основные результаты деятельности компаний. Все они не только сыграли роль инструментов имперского строительства, но и снабдили колониальные империи арсеналом методов экономического и административного господства. Так, голландская Ост-Индская компания своими *контингентами* и *леференсиями*⁵² предвосхитила «систему принудительных культур», которую ввело на Яве в XIX в. нидерландское государство. Британская Ост-Индская компания наладила каналы связи с индийским купечеством, которое позднее, с завоеванием Британией индийского рынка превратилось в компрадорскую прослойку. Административный опыт этой компании привел к созданию в Индии системы резидентов – формально послов, а фактически хозяев княжеств; позднее британцы распространили эту систему на Малайю. Голди заложил теоретические основы косвенного управления Африкой, которое после перехода власти к короне внедрял генерал-губернатор Нигерии (1914–1919) лорд Лугард.

При немалом сходстве двух рассматриваемых групп компаний были у них и коренные различия.

Первое состояло в наличии или отсутствии монополии. Ост-Индские компании пользовались в своих странах правом монопольной торговли с Востоком. В XVII в. это право воспринимали как часть экономического порядка вещей. Хотя даже в первой половине столетия английские мануфактуристы жаловались на ущерб, который Ост-Индская компания причиняла отечественному сукноделию из-за ввоза

51. The English Factories in India: A Calendar of Documents in the India Office, British Museum and Public Record Office. 13 vols (1618–1669) / Ed. by W. Foster. Vol. VII. 1642–1645. Oxford: Clarendon Press, 1913. P. 160–163.

52. Контингенты – прямой налог натурой во владениях Ост-Индской компании; леференсии – принудительные поставки сельскохозяйственной продукции или полезных ископаемых по сниженным ценам из зависимых от голландцев княжеств.

индийских тканей, всерьез принцип торговой монополии не оспаривался. Напротив, он был официальной экономической политикой государства. Его применяли и внутри Англии, и во многих сферах внешней торговли. Так, торговлю страны с Африкой монополизировала Королевская африканская компания (1660–1752; монополия законодательно ослаблена в 1698 г.). В XV–XVII вв., а отчасти и XVIII в., в правительстве и деловых кругах преобладала убежденность в необходимости внешнеторговых монополий. Нигде эта идея не была укоренена так сильно, как в случае с Ост-Индской компанией. Понимали: чтобы успешно вести торговлю Англии с отстоящей на полмира Азией, это должна делать единая организация – ведь только она будет в состоянии содержать сеть факторий, учитывать сложную конъюнктуру азиатских рынков, устраивать ежегодные плавания, отбиваться от пиратов и вести переговоры с восточными правителями (в том числе на языке силы).

Корпорации «дешевого империализма» торговой монополии не получали в принципе. Время их создания и функционирования было совсем иным. С середины XIX в. Британия, став «мастерской мира», жила в эпоху фритреда, отменив большинство экспортных и импортных пошлин. Отношение к монополии в викторианской Британии было уже резко отрицательным. Поэтому хартии рассматриваемых корпораций недвусмысленно запрещали устанавливать в зонах их деятельности торговую монополию (кроме, как в Южной Африке, монополии на инфраструктуру, включая железные дороги и ирригацию, – но это уже приближалось к понятию государственной монополии, так как компании выступали на своих территориях как квазигосударства)⁵³. Так, специальный пункт хартии Южно-Африканской компании гласил: «Ничто в этой нашей хартии не будет считаться разреша-

53. *Flint J.* Cecil Rhodes. P. 119; *McDermott P.L.* British East Africa, or IBEA: A History of the Formation and Work of the Imperial British East Africa Company. Compiled with the authority of the directors from official documents and the records of the company. L.: Chapman and Hall, 1895. P. 481; *Tregonning K.G.* Op. cit. P. 27.

ющим Компании устанавливать или даровать какую-либо монополию торговли»⁵⁴. Вот почему, например, руководство Компании Борнео поначалу решило не заниматься торговлей вовсе, а предоставить это другим фирмам и сосредоточиться на управлении. Поэтому основной доход компания получала от 10%-х импортных пошлин, которые до 1907 г. она отдавала на откуп⁵⁵. В 1922 г. в Сабахе работали 23 каучуковые компании с общим капиталом 3,5 млн ф. ст.⁵⁶ Впрочем, в 1920-е годы Компания Борнео приобрела часть акций Древесинной компании и Угольной компании гавани Коуи, добавив к административным функциям торговые в духе Ост-Индской компании⁵⁷.

Противоположностью Компании Борнео стала Нигерская компания, которая уже к 1889 г. фактически установила в своих владениях торговую монополию в нарушение собственной хартии. Поместив под свою юрисдикцию всех иностранцев в дельте Нигера (как европейцев, так и африканцев с других территорий), компания решила вопрос исключения торговых конкурентов. Этим она вызвала серьезное недовольство купцов Ливерпула, которые, напротив, рассчитывали на доступ с помощью компании к рынкам Западной Африки. Купцы создали Африканскую ассоциацию, которая стала помогать посредникам-африканцам проникать в бассейн Нигера. Однако в 1893 г. Голди удалось оторвать от этой ассоциации пароходные фирмы, предложив им выгодные фрахтовые цены. Правда, уже в 1900 г. владения компании отошли государству. Помимо геополитического соперничества с Францией этому содействовало то же давление промышленной буржуазии, что и в случае Ост-Индской компании. А в 1918 г. Тайный совет в Лондоне дал по рукам Южно-Африканской компании, объявив необоснованными

54. *McDermott P.L.* Op. cit. P. 481.

55. *Tregonning K.G.* Op. cit. P. 51.

56. *Rutter O.* *British North Borneo. An Account of its History, Resources and Native Tribes.* L. etc.: Constable, 1922. P. 245.

57. *Ibid.* P. 145.

ее претензии на частную собственность на землю в Родезии⁵⁸. Так была пресечена другая попытка заблокировать промышленному капиталу метрополии доступ к африканским ресурсам.

Второе различие заключалось в разном удельном весе компаний в общем процессе накопления капитала. Роль голландской и английской Ост-Индских компаний в экономическом подъеме своих стран переоценить невозможно. В XVII—XVIII вв. это были ведущие корпорации своего времени. Голландская компания была крупнейшим работодателем и судостроителем в Нидерландах. Число занятых на ее службе превышало 30 тыс. человек — при 2 млн населения⁵⁹. На компанию приходилась четверть внешней торговли страны, а судов она построила за свою историю более 1450⁶⁰. Вклад британской Ост-Индской компании в накопление капитала в своей стране составил, по разным подсчетам, от 5 до 15%⁶¹, а размеры ее флота позволили одному акционеру в 1813 г. отметить: если считать компанию отдельной морской державой, она заняла бы в Европе третье место⁶². Сам термин «акция» (*aktie*) впервые употреблен в документах голландской Ост-Индской компании (1610 г.); вследствие полученного ею разрешения свободной купли-продажи акций и возникла Амстердамская фондовая биржа.

Хотя корпорации «дешевого империализма» были довольно крупными предприятиями, по сыгранной в развитии капитализма роли в сравнение с Ост-Индскими компаниями не идут. Эти фирмы были созданы для освоения меньших по масштабу районов мира, к тому же исходно экономически слаборазвитых. Даже будучи включены в Британскую империю, эти районы заняли в ней достаточно скромное место. Так, в 1913 г. доля Африки в импорте Британии из ее

58. Flint J. Cecil Rhodes. P. 149.

59. Gaastra F.S. De geschiedenis van de VOC. Zutphen: Walburg Pers, 2002. Blz. 11.

60. Ibid. Blz. 163.

61. Bayly C.A. The Birth of the Modern World... P. 174.

62. Bowen H.V. Op. cit. P. 49.

колоний (без доминионов и Индии) равнялась 19%⁶³, при том, что общая доля колоний (без доминионов и Индии) во всем импорте страны составляла всего 5,1%⁶⁴. Конечно, Родс с полным правом похвастал королеве Виктории в 1894 г., что добавил к ее владениям две провинции, но именно Ост-Индская компания заложила основы империи в афро-азиатском мире, а во многом и вывела Британию в мировые лидеры. Вместе с Английским банком она в XVIII в. служила опорой государственной кредитной системы, и займы у нее внесли значительный вклад в победу Британии над Францией во Второй Столетней войне 1689–1815 гг.

Разная роль в накоплении капитала просматривается и по размерам выплачиваемых компаниями дивидендов. Голландская Ост-Индская компания к 1796 г. платила акционерам 18% годовых⁶⁵, английская с 1833 г. – 10,5%⁶⁶, тогда как Нигерская компания – (чаще) лишь более 6%⁶⁷, Компания Борнео – только 2% в 1899–1904 гг. и 5% в 1909–14 гг.⁶⁸, а Южно-Африканская компания за свою историю не выплатила дивидендов ни разу⁶⁹.

Со вторым различием связано третье – разная продолжительность существования фирм. Ост-Индские компании просуществовали примерно от 150 (череда французских) до 250 (английская) лет, причем голландская и английская компании управляли обширными территориями примерно 100 лет каждая. Недолговечность корпораций «дешевого импери-

63. Судейкин А.Г. Колониальная политика лейбористской партии между двумя мировыми войнами. М.: Наука, 1976. С. 36.

64. Fieldhouse D.K. The Metropolitan Economics of Empire // The Oxford History of the British Empire: Vol. IV: The Twentieth Century / Ed. by J.M. Brown and W.R. Louis. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 100, table 4.2.

65. Ferguson N. Empire: The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power. N.Y.: Basic Books, 2002. P. 15.

66. Hansard's Parliamentary Debates / Third Series. L.: Thomas Curson Hansard, 1833. Vol. XVIII (A.D. 1833). P. 722.

67. Darwin J. Op. cit. P. 127.

68. Tregonning K.G. Op. cit. P. 68.

69. Judd D. Empire: The British Imperial Experience, from 1765 to the Present. L.: Fontana Press, 1997. P. 120.

ализма» на этом фоне бросается в глаза. Их жизненный цикл оказался много короче — всего от 6 (Восточно-Африканская) до 76 (Южно-Африканская) лет, причем максимальный срок управления землями среди этих компаний составил лишь полвека (Компания Борнео). Причина различия состоит отчасти в том, что существование фирм второго типа пришлось, если вновь употребить терминологию мир-системного анализа, уже на период упадка британского цикла накопления (Дж. Арриги) и британской гегемонии в мир-экономике капитализма (И. Валлерстайн). Отчасти же державы-купцы Борнео и Африки работали в худших условиях, чем их предшественницы. Когда британская Ост-Индская компания на рубеже XVIII–XIX вв. начала терять торговые и административные привилегии, за ней были 200 лет успешной коммерции и накопления этих привилегий. Корпорации «дешевого империализма» начали уже в промышленную эпоху (с нуля), причем на гораздо более неблагоприятных с точки зрения бизнеса территориях. По сути участники империалистической гонки конца XIX в. лишь «выскребали дно бочки»⁷⁰, добивали то, что еще не разобрали ранее. К этому надо добавить растущее давление на Британию ее колониальных конкурентов (прежде всего Германии и Франции), перед лицом которых ей приходилось мобилизовать свои силы и не слишком полагаться на суррогаты вроде частных компаний.

За третье различие цепляется четвертое — по субъекту создания фирм и управления ими. Ост-Индские компании были коллективными детищами: их замыслили и основали целые группы купечества, да и управлялись они на протяжении большей части своей истории коллегиально (хотя в отдельные периоды на первый план выдвигались выдающиеся личности, такие как — у англичан — сэр Джозайя Чайлд после Реставрации Стюартов или Лоренс Саливан в 1760–1770-е гг.). Исключение среди Ост-Индских компаний

70. Gallagher J., Robinson R. The Imperialism of Free Trade // *The Economic History Review*. L.; N.Y., August 1953. Second Series. Vol. VI, No. 1. P. 15.

составила французская, основанная Кольбером (к тому же не купцом, а государственным деятелем). Корпорации конца XIX в., напротив, в целом были плодом творения одного предпринимателя. Неслучайно автор книги о Маккинноне 1972 г. отметил, что написаны биографии Голди и Родса, но не истории компаний, которые они представляли⁷¹. Две из компаний, Борнео и Южно-Африканская, успели набрать инерцию и просуществовали до середины XX в.; Восточно-Африканская практически не пережила своего создателя, а Нигерская потеряла власть еще при его жизни.

Пятым качественным различием был разный контроль государства над компаниями. Даровав Ост-Индским компаниям широкие властные полномочия, которые послужили одной из предпосылок их превращения в держав-купцов, европейские государства в то же время не создали налаженного механизма, который позволил бы контролировать их в их ипостаси правителя – кроме французских компаний, где и директора, и генерал-губернатор назначались королем, а главным лицом с 1748 г. по сути был надзиравший за директорами королевский комиссар⁷². Хотя инструкции директоров голландской компании подлежали одобрению Генеральных штатов, на деле этот главный государственный орган Голландской Республики осуществлял мало контроля. В Англии механизма правительственного контроля над Ост-Индской компанией долгое время не было вовсе. Между тем, как сказано выше, в число переданных Ост-Индским компаниям властных полномочий входили полнота законодательной, исполнительной и судебной власти, право войны и мира и т.д. Когда сложились благоприятные условия (ослабление политий на Яве в XVII–XVIII вв. и в Индии с середины XVIII в., процесс «коммерциализации власти» в Индии того же периода⁷³), компании по сути перенесли эти квазигосударственные полномочия

71. Galbraith J.S. Mackinnon and East Africa... P. 13.

72. Weber H. La Compagnie française des Indes (1604–1875). P.: Rousseau, 1904. P. 444.

73. Bayly C.A. Rulers, Townsmen and Bazaars: North Indian Society in the Age of British Expansion, 1770–1870. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1983. P. 459.

на население обширных азиатских областей и затем стран. Британскому государству потребовалось более четверти века, чтобы осознать аномальную ситуацию империи в империи, в какую превратилась Ост-Индская компания, и поставить ее под надзор (упомянутый акт Питта 1784 г.). Весь оставшийся период истории компании парламент уменьшал аномальность этой ситуации, постепенно лишая компанию черт политики. В соответствии с «законом Лэйна» в зрелом капиталистическом обществе политика и экономика, административное управление и управление бизнесом разведены; в XIX в. Ост-Индская компания стала анахронизмом как параллельная государству структура управления Британской Индией, поэтому и была ликвидирована (параллельно с лишением ее прав на монополию, а затем вообще на торговлю).

Принципиально иными были хартии корпораций «дешевое империализма». Для каждой из этих фирм был характерен исходный плотный контроль государства над некоммерческими видами ее деятельности. Учитывая опыт Ост-Индских компаний, британское государство сразу даровало корпорациям право управлять не только собственными служащими на территориях в Азии или Африке, но и самими этими территориями (обычно в силу предварительно заключенных компаниями с местными вождями договоров о протекторате). Однако оборотной стороной этого права было исходное включение в хартии пунктов о государственном контроле. Дав фирме привилегию, государство тут же создало механизм надзора за ее применением в интересах страны в целом. Так, по хартии Компании Борнео, она не могла передавать свои привилегии кому-либо без разрешения правительства и должна была руководствоваться его советами в вопросах обращения с туземцами и отношений с иностранными державами (по сути была подконтрольна метрополии во всем спектре внутренней и внешней политики). Также в хартии были прописаны обязанность компании бороться с рабством (влияние победившего в первой половине XIX в. движения аболиционизма) и запрет вмешиваться в религии и обычаи туземцев.

Последний пункт был включен опять же под влиянием опыта Ост-Индской компании, которая не посягала на веру и образ жизни индийцев, понимая, что вмешательство вызовет их недовольство (отход от этого курса и привел к сипайскому восстанию 1857–1859 гг.). Главный представитель компании на Борнео назначался с одобрения правительства; она была обязана создать инфраструктуру для королевского флота⁷⁴. Согласно хартии компании Маккиннона, в случае споров между нею и султаном Занзибара арбитром выступал Форин-офис. В случае несогласия министра с курсом компании в отношении иностранных держав, а также в вопросах управления ее территориями (вопросы рабства, религии, правосудия и иные) она была обязана поступать согласно его указаниям⁷⁵. По хартии компании Родса, споры вождей и племен с ней тоже передавались на арбитраж министра — в данном случае колоний. В соответствии с его же указаниями компания обязывалась вести сношения с иностранными державами; министр имел право давать обязательные для исполнения инструкции и по внутренним вопросам, включая правосудие, проблемы религии и рабства. Компании надлежало ежегодно отчитываться за собранные налоги и административные расходы, постепенно отменить рабство, бороться с торговлей спиртным и гарантировать африканцам свободу вероисповедания⁷⁶. Правда, на деле Южно-Африканская компания пользовалась большой самостоятельностью, хотя, например, в 1892 г. Министерство колоний запретило главному магистрату Машоналенда Л.С. Джеймсону обложить народ шона налогом на хижины⁷⁷.

Шестым различием можно считать состав политических контрагентов фирм. Ост-Индские компании имели дело с азиатскими политиями, включая довольно сильные империи (султанаты Османов, Сафавидов и Моголов, а также Матарам

74. *Tregonning K.G.* Op. cit. P. 27.

75. *McDermott P.L.* Op. cit. P. 479–480.

76. *Flint J. Cecil Rhodes.* P. 119.

77. *Ibid.* P. 149.

на Яве), и друг с другом. Так, английская компания в XVII в. добивалась торговых льгот у могольских шахов и правителей юга Индии и одновременно поддерживала непростые отношения с «коллегами» — голландской (война 1617–1619 гг., затем торговое сотрудничество и даже совместные обращения к индийским властям с просьбой о льготах; в то же время непрерывная торговая конкуренция, а в третьей четверти XVII в. — полоса конфликтов в рамках трех англо-голландских войн) и французской (от сотрудничества к торговому и военному соперничеству середины XVIII в.). Корпорации «дешевого империализма» существовали в эпоху завершения колониального раздела мира, причем отрыв Запада от Востока в сфере технологий был уже значительно большим, чем в раннее Новое время. Соответственно, с восточной стороны контрагентами корпораций оказались только слабые политики или даже вождества менее развитых частей мира (в основном уже не Азии, а Африки); подчинить их составило гораздо меньше труда, чем княжества Явы, Индии, Бирмы. В то же время «с западной стороны» с корпорациями взаимодействовали чаще не однотипные им структуры, а национальные государства Европы, владевшие колониальными империями. Поэтому, если Ост-Индские компании заключали договоры друг с другом (союз голландцев и англичан против португальцев 1619 г. или мирный договор британцев и французов 1754 г.), корпорациям «дешевого империализма» как исключениям в мире национальных государств чаще приходилось иметь дело именно с последними. Так, Маккиннон в 1890 г. самостоятельно подписал договор с королем Бельгии Леопольдом II о разграничении зон освоения в районе Межозерья⁷⁸, а Южно-Африканская компания в 1899 г. — договор с Германией, по которому построенная ею железная дорога должна была быть продлена дальше на север только через территорию немецкой колонии Танганьика⁷⁹. (Хотя в конечном счете немцы строить

78. *Wesseling H.* Le partage de l'Afrique, 1880–1914. P.: Denoel, 1991. P. 305.

79. *Michell L.* The Life of the Right Honourable Cecil John Rhodes, 1853–1902. L.: Edward Arnold, 1910. Vol. II. P. 251.

эту дорогу помешали, не желая делать Танганькику звеном британского геополитического проекта Кейптаун – Каир.)

Наконец, седьмое различие касается сферы целеполагания. Конечно, все рассматриваемые фирмы схожи в том, что, будучи капиталистическими предприятиями, стремились к максимизации прибыли. Однако не у всех эта цель была единственной. Выделяется здесь фирма Родса, причем на этот раз ее можно противопоставить не только Ост-Индским компаниям, но и ее товаркам. Создавая свои коммерческие и (позднее) территориальные империи, Ост-Индские компании не руководствовались заранее составленными и продуманными планами экспансии. Они исходили из конъюнктуры рынка, а также властных отношений между азиатскими политическими и внутри них. Нидерландская империя в Нусантаре и Британская – в Южной Азии строились *ad hoc*, причем чаще вопреки намерениям руководства Ост-Индских компаний, которое призывало власти факторий к экономии и мыслило категориями краткосрочной прибыли. Компании чаще плыли по течению и реагировали на обстоятельства (в то же время умело пользуясь ими). Не было далеко идущих планов и у большинства корпораций «дешевого империализма». Правда, Голди имел виды на значительную часть Центральной Африки, но эти интересы, как и интересы Маккиннона с противоположной стороны континента, были только региональными. Цель Родса была глобальной: в условиях медленной утраты Британией экономической и военной гегемонии он мыслил свою Южно-Африканскую компанию как исходный мотор возрождения мировой Британской империи.

Опираясь при необходимости на ресурсы алмазо- и золотодобывающих предприятий Родса⁸⁰ и рассчитывая на открытие аналогичных месторождений в Родезии, эта компания была призвана содействовать объединению юга Африки в федерацию, по образцу которой должны были затем объеди-

80. Его личное состояние в 1895 г. достигло 5 млн ф. ст. (*Galbraith J.S. Crown and Charter: The Early Years of the British South Africa Company. Berkeley etc.: University of California Press, 197. P. 285).*

ниться все белые колонии и доминионы Британии. Одной из конечных целей Родса было ни много ни мало вернуть в империю США. Как показала история, превращение Британской империи в федерацию англосаксонских народов (рас) оказалось нежизнеспособной идеей, но Родс за свою короткую жизнь успел создать неформальную группу влияния, которая в XX в. (будучи известна как Группа Милнера, или Группа «Круглого стола») во многом определила ход и результаты деколонизации в желательном для британских правящих кругов направлении и сформировала Содружество наций именно в том виде, в каком оно сложилось⁸¹. По иронии истории, с административными функциями Южно-Африканской компании в Родезии покончила борьба белых поселенцев за самоуправление. Впрочем, сам Родс в 1895 г. заявил, что привилегированная компания не может управлять своими землями постоянно и однажды они войдут в Капскую колонию (через присоединение или федерацию)⁸². Экономическим инструментом построения федеративной империи Родс, обгоняя свое время лет на 40, мыслил таможенные преференции. Под его давлением британское правительство запретило повышать пошлины на ввозимые в Южную Родезию британские товары: Родс предоставил метрополии преференциальные тарифы почти вопреки ее воле⁸³.

Правда, противопоставлять Ост-Индскую и Южно-Африканскую компании по параметру целей некорректно в том смысле, что Родс как бы стоял на плечах строителей империи, уже осмыслив их опыт, и стремился трансформировать созданную предшественниками империю, сделать ее более живучей. У предшественников, которые еще только строили империю, этой сверхцели Родса быть не могло.

С названным отличием связан характер колонизации владений Южно-Африканской компании. В отличие от владе-

81. См., напр: *Quigley C. Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. N.Y.: Books in Focus, 1981.*

82. *Michell L. Op. cit. P. 132.*

83. *Ibid. P. 223.*

ний всех прочих держав-купцов — предтеч и современниц — Родезия была частично переселенческой колонией. Поэтому ко времени односторонней Декларации независимости Южной Родезии (1965 г.) доля ее белого населения составила $1/13$ ⁸⁴ — не так уж мало для африканской страны. Для сравнения: доля британцев в Индии (вместе с гарнизонами) никогда не превышала 0,03%⁸⁵. Из всех рассмотренных фирм лишь компания Родса активно содействовала европейской колонизации своих территорий — колонизации в узком смысле термина (массовое заселение мигрантами из-за моря).

Таким образом, колониально-капиталистические предприятия двух периодов имели как существенные сходства, так и коренные различия. Ост-Индские компании и корпорации «дешевого империализма» сближают их двойственная суть держав-купцов, методы, стратегия получения экономических и властных прерогатив от политий разных типов, а также основные итоги деятельности. Вместе с тем две группы предприятий серьезно разнятся по наличию или отсутствию торговой монополии, степени государственного контроля, жизненному сроку, субъекту создания и управления, составу политических контрагентов, а также целям.

Чем же обусловлены выявленные сходства и различия компаний?

Сходства объясняются тем, что их вторая волна в главных чертах была смоделирована по образцу первой. И ранние, и поздние державы-купцы выступали инструментами втягивания Азии и Африки в капиталистическую мир-экономику, их превращения в периферийные зоны этой системы. Расширяя охваченное европейским капиталом пространство, они переносили производство в зоны с более низким уровнем оплаты труда. Так, голландская Ост-Индская компания платила производителям перца в 10 раз меньше, чем выручала при его

84. Judd D. Op. cit. P. 372.

85. Washbrook D. South Asia, the World System, and World Capitalism // The Journal of Asian Studies. Ann Arbor, August 1990. Vol. 49. No. 3. P. 493.

сбыте на родине⁸⁶. При этом втягивание в мир-экономику было комплексным — для того экономические функции компаний и были дополнены политическими. Вначале политические функции лишь создавали условия для экономических, служили им подпоркой: без права экстерриториальности и вооруженной силы Ост-Индские компании не смогли бы успешно торговать или, во всяком случае, накапливать капитал с той скоростью, с какой это делали. Однако позднее их политические функции были использованы с тем, чтобы дополнить экономическое включение Востока в западную систему политическим (строительство империй). У корпораций XIX в. в бассейне Тихого океана и Африке эти функции по необходимости были уже синхронными.

Различия компаний в огромной степени обусловлены в корне разным характером капитализма в эпоху раннего Нового времени и в XIX в. Ост-Индские компании были организациями раннего капитализма, основой которого были торговля (в значительной степени — реэкспорт), меркантилизм и монополии. Корпорации «дешевого империализма» были организациями зрелого капитализма, основу которого составляли промышленность и фритред. Государства не возражали против воссоздания таких властно-торговых гибридов только с целью **первичного** освоения капиталом тех зон мира, которые к концу XIX в. Запад еще не успел включить в сферу своего влияния. Почти все земли, подвластные корпорациям этого типа, довольно быстро превратились в коронные колонии. Экономическая же эксплуатация этих земель была подчинена интересам промышленников соответствующих европейских стран.

Если Ост-Индские компании ретроспективно можно считать мерой неразвитости промышленного капитала (неслучайно они пришли в упадок с его развитием), то корпорации «дешевого империализма» были функцией, органом промышленного капитала, росли вместе с ним, были мерой его разви-

86. Dobb M. *Studies in the Development of Capitalism*. N.Y.: International Publishers, 1970. P. 208.

тия и средством проникновения на новые территории, характерным уже для эпохи империализма. Ост-Индские компании, строго говоря, лишь подготовили приход колониализма, но сами колониальными организациями не были. Несмотря на военно-политическое собрание Индии британской Ост-Индской компанией, ее экономический *raison d'être* состоял в сбыте в Европе продукции индийского ткачества, т.е. по сути компания выступала в роли компрадора по отношению к индийскому ремеслу и связанному с ним индийскому капиталу. Поэтому в эпоху промышленного капитализма она оказалась товарищем по несчастью индийских ремесленников перед лицом британского государства, которое действовало в интересах своих фабрикантов. Корпорации конца XIX в. исходно были агентами этих фабрикантов, расчищая им путь в еще неосвоенную часть тропиков, создавая инфраструктуру и условия превращения этих зон в капиталистическую периферию. Правда, как мы видели, отдельные компании (Нигерская) пытались играть самостоятельно, ограничивая доступ промышленного капитала метрополии на свою территорию, чем вызвали недовольство связанного с этим капиталом купечества. Однако политико-экономической погоды эти действия компании Годди не делали. Неслучайно ее владения быстро ушли под эгиду государства. В Британии корпорации «дешевого империализма» и без того лишь терпели за неимением лучших механизмов колониальной экспансии; если к тому же они еще и проявляли строптивость, то были обречены, — как до них Ост-Индская компания.

Взглянув на компании в свете теории системных циклов накопления Дж. Арриги, можно заметить еще одно фундаментальное отличие. Несмотря на принадлежность Англии / Британии, английская Ост-Индская компания, функционировавшая по образцу голландской, типологически (и хронологически) принадлежала скорее к ведущим торговым организациям голландского цикла (конец XVI — третья четверть XVIII в.), а не следующего за ним британского (вторая половина XVIII — начало XX в.). Для голландского, второго по

счету, цикла накопления были характерны корпоративно-национальные организационные структуры (на новом витке они воспроизведутся в американском, четвертом, цикле), тогда как для британского, третьего, — космополитически-имперские (были воспроизведением через цикл структур первого, гемуэско-иберийского, цикла)⁸⁷. И хотя британская Ост-Индская компания ответственна за создание **основ** британского цикла накопления в виде империи в Азии, сама она в этот цикл не попала, а была с его приходом демонтирована. Корпорации «дешевого империализма» полностью принадлежали к структурам британского цикла накопления — и поскольку были исходно созданы для **территориальной** экспансии, и поскольку **по сути** приближаются к понятию семейного бизнеса: были созданы и управлялись одним человеком, а с его уходом из жизни (Маккиннон, Родс) или бизнеса (Голди) почти все отошли на второстепенные роли. Согласно Дж. Арриги, семейный бизнес был важной чертой гемуэско-иберийского и британского циклов, с которой контрастируют вертикально интегрированные и бюрократически управляемые предприятия двух остальных циклов — голландского и американского⁸⁸. Что касается британской Ост-Индской компании, она приближается именно к последнему типу предприятия.

Рассмотрение имперско-капиталистических корпораций обоих типов позволяет лучше понять влияние эволюции капитализма на строительство колониальных империй, прежде всего Британской империи, и выводит на проблему движущих сил этого строительства. В историографии эти движущие силы объясняли по-разному. Одни историки (Дж. обсон, марксисты, представители мир-системного анализа) акцентировали экономические факторы: метрополия стремилась получать все новые источники сырья, рынки сбыта и сферы приложения капитала. Особую позицию здесь занимают

87. Arrighi G. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. L.; N.Y.: Verso, 1994. P. 219.

88. Ibid. P. 242.

авторы концепции «джентльменского капитализма» П. Кейн и А. Хопкинс, которые утверждают, что двигателем империи был не промышленный, а финансовый капитал⁸⁹. Другие (У. Лангер, А. Тэйлор, Дж. Галлахер и Р. Робинсон) отдавали приоритет факторам политическим: настаивали, что Британия расширяла империю, руководствуясь в первую очередь соображениями стратегии и державного престижа. Третьи (Д. Джадд, Р. Хайэм) называли психологические факторы, такие как страх потерять уже имеющиеся владения, амбиции наместников, нечто вроде пассионарности англосаксов (в духе Л.Н. Гумилева). История рассмотренных компаний показывает, что эти факторы, пожалуй, действовали в единстве. Впрочем, перефразируя К. фон Клаузевица, можно сказать, что стратегия — это продолжение экономики другими средствами. Ведь установление военно-политического контроля над территорией часто направлено на обретение в средне- или хотя бы долгосрочной перспективе выгод экономических: сбора налогов, развития торговых и транспортных связей, устранения откуда-либо угрозы, вредящей хозяйственному росту. Неслучайно такой авторитет в вопросах имперского строительства, как Родс, заметил: «Империя — это вопрос желудка».

89. *Cain P.J., Hopkins A.G. British Imperialism, 1688–2000. L. etc.: Pearson Education, 2001.*

ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ ФИНАНСОВЫХ РЕФОРМ
В АВСТРИИ И ВЕНГРИИ ПОСЛЕ 1919 г.:
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рассматривается экономическое положение Австрии и Венгрии после Первой мировой войны. Анализируются мероприятия в области денежно-кредитной и налоговой политики. Особое внимание уделяется роли внешних займов в процессе достижения стабилизации национальных валют.

Ключевые слова: Австрия, Венгрия, денежное обращение, налоги, финансовая политика, экономическая история.

Перед войной денежное обращение Австро-Венгрии отличалось некоторыми своеобразными чертами. Денежная реформа 1892 г. установила в дунайской монархии золотую валюту, но на Австро-Венгерский банк не было возложено обязательства разменивать его билеты на золото. Вследствие этого золота в обращении было немного, но золотой запас центрального банка был велик. В конце 1913 г. запас Австро-Венгерского банка был четвертым по величине золотым запасом в Европе². С началом войны правление Австро-Венгерского банка признало своей обязанностью всеми находящимися в его власти средствами помогать государствам монархии. Была прекращена публикация балансов банка. Его средства были единственным источником, к которому государство могло обратиться. Со второго полугодия 1915 г. был начат выпуск военных займов (всего было выпущено восемь) и финансирование этих кредитных операций упало также

-
1. Александр Станиславович Соколов – д.и.н., заведующий кафедрой истории и философии Рязанского государственного радиотехнического университета.
 2. Силин Н.Д. Денежное обращение Австрии // Денежное обращение в иностранных государствах. М., 1930. С. 95.

на Австро-Венгерский банк. В то же время наблюдалось возрастание вкладов в банки в результате роста эмиссии и накопления военных прибылей. Коммерческие банки помещали свои средства в военные займы, производили крупные взносы в казну в счет выпуска будущих займов и давали большие кредиты работавшим на оборону промышленным предприятиям, продукция которых не оплачивалась казной своевременно. Билеты Австро-Венгерского банка составляли единственное средство обращения в монархии. К концу войны денежное обращение выросло с 2,5 млрд до 30 с лишком млрд крон, т.е. более чем в двенадцать раз. С 1916 г. произошло резкое сокращение товарных запасов, внутреннее обесценение денег стало обгонять рост количества денег в обращении. За время войны крона потеряла 94% своей покупательной способности. Оплата необходимого ввоза военных материалов производилась за счет золотых запасов страны, что вело к отливу за границу золота из обращения. Золотой запас банк к концу войны составил 268 млн крон.

Выход Австрии из войны решился в конце октября 1918 г., когда чешской революцией начался процесс распада прежней монархии на отдельные самостоятельные государства. 12 ноября 1918 г. в Вене произошла замена монархии республикой, создавшая новое государство с неопределенными границами. После распада Австро-Венгрии наименее приспособленной для независимого существования оказалась Австрия. Это новое государство и его столица сразу же попали в чрезвычайно трудную экономическую ситуацию. Истощение товарных запасов в результате войны и блокады, главным образом недостаток предметов продовольствия, заставили другие вновь возникшие на развалинах Австро-Венгрии государства принять самые решительные меры против вывоза продуктов их народного хозяйства. Провинции самой немецкой Австрии наложили запрет на внутренние перевозки, пользуясь бессилием возникшего правительства, власть которого простиралась «не дальше тени башни св. Стефана». Территория Австрии оказалась отрезанной от мно-

гих важных источников снабжения природными ресурсами. Было создано маленькое государство, имевшее территорию 84 тыс. кв. км. и население в 6,5 млн человек. Между тем как в бывшей монархии насчитывалось 676,6 тыс. кв. км. и 50 млн населения. Сен-Жерменский мирный договор (сентябрь 1919 г.) между победившей в Первой мировой войне Антантой и Австрией обязал последнюю к уплате репараций. Однако конкретная сумма платежа договором не была определена. Поэтому реально Австрия репарации не платила. Нарастание инфляции в Австрии после 1919 г. было связано не с выплатой репараций, а с созданием послевоенного экономического кризиса. Новое государство попало в чрезвычайно трудное экономическое положение. Промышленность не могла работать из-за отсутствия угля, а сельское хозяйство страдало вследствие подвоза искусственных удобрений и корма для скота. В результате этого промышленность, торговля и транспорт были в застое, безработица быстро возрастала (за полгода она выросла с 46 до 186 тыс. человек), чему содействовало возвращение солдат с фронта и служащих бывшей монархии, съезжавшихся из отпавших областей. Истощение товарных запасов в результате войны и блокады привело к голоду в Вене. Положение страны было настолько затруднительным, что население страны видело выход лишь во включении Австрии в состав Германии (постановление Национального собрания 12 ноября 1918 г.). Первую попытку провести финансовую стабилизацию предпринял министр финансов Йозеф Шумпетер. В целях достижения бюджетного баланса он предложил установить высокий подоходный налог, что позволило бы увеличить поступления в бюджет. Кроме того, Шумпетер предполагал продать акции предприятий зарубежным инвесторам³. В 1920 г. часть хозяйственных затруднений была преодолена. Наладилось железнодорожное сообщение, промышленность стала работать, и безработица начала уменьшаться. Был введен единовременный сбор с

3. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 23.

имущества, в 1920 г. выпущены 4%- и 6%-е обязательства казначейства, выигрышного займа. С 1 января 1920 г. роль центрального эмиссионного банка республики стал выполнять австрийский отдел Австро-Венгерского банка. Однако программа Шумпетера не получила поддержки. В настроениях населения проявилось недоверие к способности Австрии восстановить после войны ее хозяйственные силы. Правительство обвиняли в гипертрофии социального протекционизма, заставлявшего удерживать на службе избыточную армию чиновников. Денежное обращение Австрийской Республики увеличилось по сравнению с довоенным временем в 350 раз. Быстро нарастающая инфляция привела к росту цен. По сравнению с уровнем 1914 г. к январю 1922 г. они выросли в 830 раз, что привело к нарастанию социального напряжения в стране. К маю 1922 г. обменный курс опустился до 35 тыс. крон за один фунт. В Вене жизнь стала несносной. Торговцы всех стран наполняли столицу, обедневшее население видело себя вынужденным продавать самое дорогое для него имущество. Все магазины в Вене были переполнены, так как в столицу толпами стекалось сельское население, чтобы избавиться от денег. Автор книги «Австрия сегодня» В.У. Джермейнс писал: «Несмотря на повышение цен, женщины закупают впрок сахар, кофе и другие продукты или тратили деньги на одежду и домашнюю утварь. Кто-то проматывал деньги, под предлогом, что вино завтра тоже подорожает»⁴. В середине мая 1922 г. робкие попытки канцлера Шобера навести порядок в австрийской экономике с позиций умеренности потерпели крах. Ему удалось убедить союзников в Генуе отказаться от права залога на всю австрийскую недвижимость, находившуюся в государственной собственности, которое они получили для обеспечения оккупационных войск и выплаты репараций. Это соглашение открыло Австрии путь к получению иностранных кредитов. Однако вскоре в парламенте кабинету Шобера был вынесен вотум недоверия. Новость об

4. Фергюсон А. Когда деньги умирают. Минск, 2012. С. 124.

отставке канцлера заставила Англию отменить кредит, обещанный Ллойд Джорджем. Это привело к дальнейшему падению курса кроны. В начале июня он составил 52 тыс. крон за фунт. Новое правительство возглавил христианский социалист Игнаций Зейпель. Он обратился к Антанте с просьбой о предоставлении кредита на сумму 15 млн фунтов. Зейпель заявил, что без оказания финансовой помощи Австрия распадется на части. Австрийский парламент объявит, что ни теперешнее, ни какое-либо другое правительство не в состоянии продолжать управление государством. В ходе его поездок в ряд европейских государств осенью 1922 г. в Женеве было заключено соглашение. Австрия получила крупный международный заем в размере 650 млн золотых крон, который обеспечивали Англия, Франция, Италия и Чехословакия. Политическим условием данного займа было сохранение территориальной целостности Австрии, замораживание на 20 лет вопроса об аншлюсе. Женевские соглашения вызвали критику со стороны социал-демократии. Отто Бауэр потребовал отклонения этих соглашений и образования путем изъятия церковных ценностей, 520 млн фонда, необходимого для оздоровления австрийских финансов⁵. Российский экономист Л.Н. Юровский писал в «Экономической жизни», что австрийский капитал стремится превратить страну в нечто подобное африканской колонии, а пролетариат в рабов времени древнего Рима»⁶.

Австрийская валюта была прикреплена к курсу доллара, стала «альпийским долларом». К началу 1923 г. в стране начал работать новый эмиссионный банк (Австрийский Национальный банк), не зависимый от правительства, с капиталом 30 млн золотых крон. Ему предоставлялось монопольное право эмиссии. Билеты банка, находящиеся в обращении, должны были иметь наличное покрытие, которое состояло в благородных металлах и подвергающейся чрезмерным коле-

5. Юровский Л.Н. Как спасали Австрию // Экономическая жизнь. 1922. 3 сентября.

6. Юровский Л.Н. Обращение в рабство (о кредитной помощи Австрии со стороны Лиги Наций) // Экономическая жизнь. 1922. 1 ноября.

баниям иностранной валюте. Австрийское правительство предприняло ряд мер, направленных на проведение политики строжайшей экономии. Программам оздоровления стала разрабатываться совместно с прибывшей в Вену делегацией Лиги Наций. Была проведена реорганизация государственных предприятий, повышены цены продуктов и услуг государственной монополии (табачной), железнодорожных тарифов, введены новые налоги, выпущен 50-миллионный внутренний заем. В результате предпринятых мер уже в 1924 г. бюджет был сведен без дефицита. Австрийская крона стала одной из самых стабильных валют в Европе. Кризис германской экономики, вызванный гиперинфляцией, увеличил спрос международного рынка на австрийские товары. В 1925 г. крона была денонмирована и обменена на шиллинг, делящийся на 100 грошей, при паритете 34,5 шиллинга за 1 ф. ст., 7,1 шиллинга за доллар. Следующий год оказался годом быстрого экономического роста. Был отменен контроль со стороны Лиги Наций за ходом реформ, и Австрия стала экономически самостоятельной страной.

Огромные изменения на карте Европы и мира в целом (появление новых стран, в том числе Венгрии) вызвали сложные нарушения устоявшихся хозяйственных связей. Трианонский договор (4 июня 1920 г.) лишил Венгрию 72% ее территории. Она была разделена между странами-наследницами Австро-Венгерской империи – Чехословакией, Румынией и Югославией. От Венгрии были отторгнуты 64% ее населения (в том числе 3 млн этнических венгров), 88% лесных ресурсов, 83% производства чугуна и 67% банковско-кредитной системы. Территория нового венгерского государства, определенная условиями мирного договора, составила менее 30% владений венгерской и хорватской короны в составе Габсбургской монархии, с 325 тыс. кв. км она сократилась до 93 тыс. кв. км. Численность населения уменьшилась с 18 млн до 7,6 млн человек. Несмотря на то, что по Трианонскому договору Венгрия получила независимость, страна оказалась разделенной, а ее экономика находилась в

упадке. На Венгрию были возложены огромные репарации странами — победительницами в Первой мировой войне.

В марте 1919 г. в Будапеште была провозглашена Советская Республика, которая вступила в Гражданскую войну, подорвавшую и без того тяжелое экономическое положение страны. Революционный правительственный совет принял решение о национализации банков, шахт, крупных промышленных и торговых предприятий, средств транспорта. Был установлен 8-часовой рабочий день, повышена на 25% зарплата, введены ежегодные оплачиваемые отпуска, всеобщее государственное страхование для рабочих и служащих⁷. В результате расходы советского правительства значительно превысили его доходы. Некоторые банкноты, достоинством 25 и 20 крон, стали печатать на белой бумаге вместо традиционной синей. Крестьяне считали белые деньги неполноценными и отказывались принимать их. В результате в стране возник курс синих денег к белым, и на черном рынке они обменивались по данному курсу⁸. На четвертом месяце существования советского правительства через почтово-сберегательные кассы были выпущены новые бумажные деньги номиналом в 5, 10, 20 и 100 крон⁹. Они были объявлены единственным законным платежным средством. Инфляция захлестнула страну, и советская власть пала в августе 1919 г. Социал-демократическое правительство провело денационализацию, однако Венгрия находилась на грани экономической катастрофы. Новое профсоюзное правительство во главе с Д. Пейдлой восстановило дореволюционные размеры заработной платы рабочим и служащим. После падения советской власти социал-демократическое правительство часть денежных знаков аннулировало, часть признало и объявило законным средством, часть изъяло, обменяв по расчету

7. Всемирная история: В 24 т. Т. 20. Минск, 1999. С. 238.

8. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 78.

9. Варга Е. Денежный вопрос при диктатуре пролетариата в Венгрии // Красная новь. 1921. №2. С. 1.

20 за 100¹⁰. Другие денежные знаки (1 и 2 кроны старого образца) хотя и были аннулированы правительством, но все же остались в обращении вследствие недостатка в разменных знаках. Населению было достаточно трудно разобраться в этом винегрете. К 1920 г. сельскохозяйственное производство сократилось наполовину, а промышленность выпустила лишь 35% от продукции, произведенной в 1914 г. К концу 1920 г. покупательная способность венгерской кроны составляла лишь 10% от ее стоимости в середине 1919 г. Жизненный уровень большинства населения составлял 20–40 % от довоенного показателя. Треть трудоспособного населения оказалась безработной. В феврале 1920 г., после румынской оккупации, регентом страны был избран адмирал Миклош Хорти. Для Венгрии, униженной нищетой, поражениями и потерей территорий, герой Первой мировой войны М. Хорти стал своеобразной консолидирующей фигурой. Однако сам он не был хозяйственником и не мог непосредственно заниматься вытягиванием страны из экономической пропасти.

В апреле 1921 г. Хорти поставил во главе своего правительства графа Иштвана Бетлена, оказавшегося одним из наиболее работоспособных политиков Венгрии 1920–1930-х гг. Как говорил о нем сам регент, в фигуре Бетлена, происшедшего из старой семьи трансильванских протестантов, удачно сочетались консервативные традиции с либеральными реформаторскими взглядами. Премьер-министр устраивал и аристократию, и буржуазию. Бетлен укрепил власть консервативных сил, проведя ряд мер. Он объединил две ведущие партии в новую Объединенную партию, начал диалог с социал-демократами. В Венгрии установился режим цензовой демократии с сильными авторитарными началами, идущими от регента и премьер-министра. Экономическая стабилизация стояла в ряду наиболее важных правительственных задач. В промежутке между 1913 г. и концом 1921 г. количество денег, находящихся в обращении, увеличилось в 64 раза. За

10. Денежное обращение и кредит. Т. 1 / Воронин С.В., Шмелев К.Ф. Пг., 1922. С. 529.

товары, которые в 1914 г. можно было приобрести в среднем за 100 крон, теперь надо было выложить 8620 крон. В 1921 г. нарушения монетарных стандартов, вызванные войной, революцией, контрреволюцией, красным, а затем белым террором вызвали в народе такое уныние, что любой человек, имевший деньги, первым делом стремился перевести их в более надежные активы – иностранную валюту, акции, антиквариат, ювелирные изделия. Первую попытку финансовой стабилизации предпринял в самом начале 1921 г. банкир, ставший министром финансов, д-р Роланд Хегеди. Он открыто заявлял, что его главной задачей является восстановление доверия к кроне. Он создал национальный эмиссионный институт, отделенный от исполнительной власти, и предпринял меры для обеспечения роста доходов¹¹. «Эта политика «твердой руки»... должна быть принята во внимание и Советской Россией при осуществлении начатой в текущем году финансовой реформы», – писал в «Вестнике финансов» Н.Н. Любимов¹². Однако осуществленное им повышение налогов не дало заметных результатов. Крупной психологической ошибкой был запрет на изъятие с банковских депозитов более 20% хранящихся там денег. В результате крестьяне перестали доверять свои деньги каким бы то ни было финансовым учреждениям и хранили их дома, что окончательно подорвало денежную систему государства. Хегеди объяснял свои неудачи падением немецкой марки, плохим урожаем и неопределенностью в вопросах репараций. Одним из его последних распоряжений на посту министра был выпуск в обращение дополнительно 960 млн крон, чтобы повысить жалованье государственным служащим, которое намного отставало от зарплаты рабочих. Это привело к новому витку инфляции. В июне 1922 г. закончился период, в течение которого новый министр финансов Миклош Каллаи еще мог навести порядок в венгерском бюджете. Начиная с января денежная эмиссия возросла на 28%, индекс цен – 36%.

11. Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация: В 2 кн. Кн. 2. М., 2004. С. 81.

12. Любимов Н. Финансовая реформа в Венгрии // Вестник финансов. 1921. №15. С. 18.

Ортодоксальные финансовые круги вину за инфляцию возлагали на недостаточное доверие к ним со стороны Цюриха и указывали на то обстоятельство, что обесценивание валюты шло значительно более быстрыми темпами, чем печатание новых денег. По их мнению, денежная эмиссия могла быть в лучшем случае лишь сопутствующим обстоятельством инфляции. Венгерские финансисты пришли к выводу, что нет ничего плохого в том, чтобы покрывать бюджетный дефицит бумажными деньгами, и их печатанье даже необходимо, чтобы не возникло дефицита наличности при очередном повышении цен. В конце июня 1922 г. в народе ошутимо стало усиливаться недовольство растущей стоимостью жизни. Забастовки муниципальных мусорщиков и ассенизаторов в Будапеште вынудили правительство провести общее повышение зарплат для всех категорий работников в пределах от 12 до 75%. М. Каллаи вынужден был открыто признать, что для этого необходимо напечатать новые деньги. Девальвация кроны продолжалась стремительными темпами. Летом 1922 г. к одной золотой кроне приравнивалось 190 бумажных крон, а через год — уже 1820. На инфляции наживались земельные магнаты, спекулянты, банкиры и всякого рода авантюристы. Буржуазия получала у государства крупные займы, которые через несколько месяцев погашались многократно обесцененными бумажными банкнотами. За 1921—1923 гг. было учреждено около 7 тысяч банкирских домов. Займы давались под очень высокий процент, поэтому, как отмечалось в одной из газет, «мелкий торговец и промышленник не могут получить соответствующих кредитов». В сентябре, когда денежная масса выросла на 25% по сравнению с августом, а курс опустился до 11 тыс. крон за фунт, Министерство финансов заявило, что новая денежная эмиссия не должна привести к обесцениванию денег, так как всего лишь отражает прирост национального продукта за счет сбора нового урожая. По примеру Австрии, правительство в панике создало новую организацию по контролю за валютными операциями — валютную биржу. Установление искусственного обменного курса, кото-

рый был ниже рыночного, никак не стимулировало население расставаться со своими валютными запасами. В результате торговцы остались без валюты, которая была необходима для погашения иностранных кредитов. В ноябре цены поднялись на 60%. Правительство существенно повысило тарифы на пассажирские и грузовые перевозки по железной дороге. Такая мера тут же непосредственно отразилась на ценах на все товары. Английский верховный комиссар в Будапеште Хоулер сообщал: «Все слои общества потеряли ориентиры в соотношении цен. Покупая бутылку вина за 5 тысяч крон, венгры лишь пожимают плечами и вполголоса бормочут себе что-то под нос про Трианонский договор, но при этом выражают бурный протест против повышения на пять крон платы за проезд в трамвае»¹³. К концу 1922 г. стало очевидно, что рост цен превышает возможности к выживанию для большей части населения и поддерживать стабильный курс кроны становится невозможным. Инфляция парализовала жизнь страны. Реальная заработная плата составляла около 55% довоенного уровня и вследствие инфляции неуклонно уменьшалась. В конце 1922 г. заработная плата рабочего-металлиста составляла 12 260 крон, в то время как прожиточный минимум – вдвое больше – 24 561 крон. Заработка едва хватало на полмесяца. Многочисленные группы населения были обречены на нищенское существование. В результате безработицы рабочие питались почти что из мусорных куч¹⁴. В стране начались забастовки шахтеров.

С 1923/1924 финансового года правительство Бетлена вынуждено было более трети расходов покрывать с помощью печатного станка. Темпы, которыми обесценивалась венгерская крона, превосходили темпы инфляции по причине панического бегства населения от теряющей свой вес валюты. Инфляция увеличивалась с каждым днем. 31 декабря 1923 г. в обороте было бумажных банкнот на сумму 931,3 млрд крон,

13. Фергюсон А. Когда деньги умирают. Минск, 2012. С. 138.

14. История Венгрии: в 3-х т. Т. 3. М., 1972. С. 194.

а 30 июня – уже 2893,7 млрд крон. За один доллар в Будапеште нужно было платить соответственно 21 750 и 83 350 крон. В мае–июне 1924 г. инфляция кроны достигла кульминационного пункта – 1 золотая крона равнялась 19 100 бумажным. Инфляция кроны подрывала экономические устои Венгрии – возрос дефицит государственного бюджета, начались массовые банкротства, сокращалась внешняя торговля. Падение курса кроны ухудшило и без того тяжелое положение венгерской экономики. В стране бездействовало 39% машиностроительных и металлургических предприятий, 20% предприятий работали неполную неделю. За первое полугодие 1925 г. промышленное производство сократилось в среднем на 45%. Венгрия стояла перед экономической катастрофой. В мае 1923 г. Бетлен решил последовать примеру Австрии и обратился к Лиге Наций с просьбой о займе. Этот шаг имел следствием усложнение внутренней ситуации: лидер оппозиционной Партии защиты прав Д. Гембеш и его сторонники вышли из проправительственной партии в знак протеста против того, что Венгрию ставят на колени перед внутренним и международным еврейским капиталом; затяжные, в течение нескольких недель, переговоры в Лондоне, Париже и Риме¹⁵. Из-за противодействия Франции Венгрия, поддержанная Италией и Британией, смогла получить около половины искомой суммы – 250 млн золотых крон под не слишком выгодные условия, 7,5% годовых, что в два раза превышало обычный для того времени процент по займам банков Нью-Йорка.

Репарационная комиссия приняла решение отложить арест имущества Венгрии, проявившей неспособность выплачивать союзникам то, что требовалось в соответствии с условиями мирного договора. Венгрия в перспективе должна была расплатиться по своей доле долгов, накопленных Австро-Венгрией. Меры принимаемые венгерским правительством для дальнейшего предотвращения падения кроны, в особен-

15. Всемирная история: в 10 т. Т. 9. М., 1962. С. 204.

ности выпуск в обращение принудительного займа, вызвали возмущение в политических кругах. Министр юстиции Наги выступил против принудительного займа, что вызвало кризис и заставило министра финансов М. Каллаи уйти в отставку¹⁶. Заем 1924 г., размещенный главным образом в Англии, США, Франции и Швейцарии, открыл широкий доступ иностранному капиталу к природным богатствам Венгрии¹⁷. В соответствии с решением репарационной комиссии Венгрия обязалась до 31 декабря 1926 г. поставлять ежедневно 800 т угля на общую сумму 21 млн золотых крон. С 30 июня 1927 г. до конца 1943 г. Венгрия обязывалась начать денежные выплаты в размере от 2,5 до 7 млн золотых крон. Венгерский парламент передал правительству полномочия, необходимые для того, чтобы увеличить налоги и сократить расходы. В течение нескольких месяцев 1924 г. была осуществлена финансовая стабилизация, и крона оказалась привязана посредством фиксированного валютного курса к английскому фунту. За период с середины 1924 г. до середины 1926 г. размер депозитов венгерских банках вырос почти в семь раз. Казна пополнялась за счет косвенных налогов и таможенных пошлин. Существенную роль в деле стабилизации сыграло и сокращение расходов, связанное, со снижением численности государственных служащих. В 1925 г. благодаря низкому налоговому бремени и достижению финансовой стабильности, гарантировавшей заработки рядовым гражданам, а также сохранность инвестиций предпринимателям, в экономике страны впервые с довоенного времени наметился стабильный рост. В 1925 г. в Венгрии был восстановлен золотодевизный стандарт¹⁸. С 1 января 1927 г. обесцененную крону заменила пенге, формально имевшая золотое содержание, но не подлежавшая реальному обмену на золото. 12 500 крон подлежали обмену на 1 пенге. Гарантией стабильности пенге была

16. Финансовый кризис в Венгрии // Экономическая жизнь. 1924. 22 февраля.

17. История Венгрии: в 3-х т. Т. 3. М., 1972. С. 205.

18. Мoiseev С.Р. Возникновение и становление центральных банков. М., 2013. С. 262.

независимость центрального банка. Весьма характерным для экономико-политического развития Венгрии было то, что на новых деньгах надписи оказались сделаны на языках всех народов, входивших ранее в состав короны святого Стефана. Иностранные долги Венгрии в 1924–1928 гг. росли в два раза быстрее, чем до войны. Ежегодно они увеличивались в среднем на 442 млн пенге. В 1927 г. промышленное производство Венгрии приблизилось к довоенному уровню. В 1931 г. в условиях Великой депрессии Венгрия отказалась от системы золотого стандарта.

Таким образом, изменения на карте Европы после Первой мировой войны привели к распаду монархии Габсбургов и созданию двух новых государств: Австрии и Венгрии. Сен-Жерменский и Трианонский мирные договоры существенно сократили территории данных государств, лишили их части сырьевых ресурсов. Антанта обязала бывших противников выплачивать значительные репарации. Финансовое положение двух стран было катастрофическим. Инфляция привела к росту социальной напряженности. В отличие от Венгрии Австрия избежала реальной выплаты репарации, не несла крупных расходов на военные действия, не страдала от анархии и гражданской войны. Она выбрала путь финансовой стабилизации, опираясь на рыночные механизмы достижения сбалансированного бюджета за счет взвешенной налоговой политики. Напротив, Венгрия избрала путь выхода из кризиса за счет национализации народного хозяйства. Это привело к ухудшению ее экономического положения. Уровень инфляции в Австрии был значительно ниже, чем в Венгрии. Одним из факторов этого явился рост спроса на австрийские товары в европейских государствах в связи с параличом германской экономики. Большую роль в избежании финансового хаоса в Австрии и Венгрии сыграла реформаторская деятельность христианского социалиста Йгнация Зейпеля и либерально настроенного графа Иштвана Бетлена. Следствием энергично предпринятых Зейпелем действий стало то, что финансовая стабилизация в Австрии была обеспечена раньше, чем в

Венгрии. Попытки венгерских министров финансов Хегеди и Каллаи достичь бездефицитного бюджета при усиленной бумажной эмиссии не привели к положительным результатам. Ортодоксальные венгерские круги вину за инфляцию возлагали на недостаточное доверие к ним со стороны Цюриха. Большую роль в стабилизации денежного обращения двух стран сыграли воссозданные вновь эмиссионные банки, не зависящие от правительства. Оздоровление национальных валют в Австрии и Венгрии было достигнуто благодаря получению международного займа со стороны Англии, Франции и США. Заем поставил эти страны в зависимость от иностранных государств и финансового контроля со стороны репарационной комиссии. Достижение финансовой стабилизации позволило Австрии и Венгрии в период 1923–1925 гг. восстановить конвертируемость валют.

Часть III

МАТЕРИАЛЫ ПОСТОЯННО
ДЕЙСТВУЮЩЕГО
СЕМИНАРА
(тезисы докладов)

А.В. Гутерц¹

«ОБЪЕДИНЕННЫЙ КОМИТЕТ РУССКИХ
КООПЕРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ЛОНДОНЕ»
(ОКРКОЛ) / «JOINT COMMITTEE OF RUSSIAN
CO-OPERATIVE ORGANIZATIONS IN LONDON»,
по материалам ГАРФ и РГАЭ²

Настоящий доклад – как бы устное продолжение многолетнего издания «Кооперация. Страницы истории», где докладчик был членом авторского коллектива. Доклад можно считать также логическим завершением статьи о сибирском маслоделии в февральском номере журнала «Вопросы истории» за 2010 год.

Сибирские кооператоры заняли определенное место на английском масляном рынке в 1910-е годы XX в., но во время войны экспорт заглох. В самой России кооперация привлекалась к поставкам в армию (что поддержало кооперацию), но одновременно правительство пресекало политические амбиции ее вождей. Отдельные виды кооперации курировали, как известно, разные министерства. В военные годы начало набирать силу объединение льноводов, окрепли позиции Моснарбанка, родился сибирский «Закупсбыт». Между февралем и октябрём 1917 г. шла политизация кооперативного движения с неоднозначными, противоречивыми последствиями. Нездоровый рост кооперации военного времени был вызван ненормальными условиями. Весной 1918 г. в Лондоне состоялась конференция Антанты с обсуждением вопроса об интервенции, и вскоре стала фактом блокада северных портов России и Владивостока.

-
1. Анатолий Викторович Гутерц – экономист, член Союза журналистов Москвы.
 2. Тезисы доклада на заседании постоянно действующего семинара «Теория и практика экономических реформ». Институт экономики РАН, 24 марта 2016 г.

В 1918 г. в Лондоне уже несколько месяцев существовала контора Центросоюза, начали действовать: контора Закупсбыта, Отделение Моснарбанка и его товарный отдел (Плодоовощ, Центрпенька, Центрзерно и пр.), — а с конца года — ОКРКОЛ. И с декабря этого же года начинается постепенное и усиливающееся давление на лондонских кооператоров правительства Советской России. Однако пока в Сибири не установилась советская власть, торговые операции зарубежных контор ОКРКОЛ шли активно. Союз сибирских маслодельных артелей (ССМА), открыто поддержавший Колчака, не стал членом ОКРКОЛ; представитель маслоделов выступал в Лондоне независимо. Проследить деятельность ОКРКОЛ, помимо архивных материалов, можно по его периодике: «The Russian Co-operator», «Вестник ОКРКОЛ»; в целом же «...работа по представительству русской кооперации перед правительствами различных государств была поставлена сравнительно слабо...» (доклад председателя ОКРКОЛ 29.01.1920).

Наиболее яркий эпизод действий Закупсбыта совместно с лондонской конторой Центросоюза — Карская экспедиция к устью Оби; но, успешная в морской части, экспедиция не дала прибыли по условиям военно-политическим. Противоречия (и конкуренция) между Закупсбытом и Центросоюзом отрицательно сказывались на работе, в том числе их контор в Шанхае, Берлине, Лондоне, Нью-Йорке. Расхождения были якобы принципиальные: товарообмен или купля-продажа. Конференция Англии, Франции и Италии своим решением начать торговлю с Советской Россией через аппарат кооперации пробудила у деятелей ОКРКОЛ надежды, которым не суждено было сбыться, так как дипломатические усилия советского правительства лишали лондонских кооператоров легитимности. Кроме всего прочего, у главы ОКРКОЛ К.И. Морозова истек срок полномочий как члена правления Закупсбыта, а с 1923 г. — и срок доверенности по лондонской конторе. В 1923 г.у началась подготовка к ликвидации дирекций «Закупсбыт Лимитед» (Шанхай, Берлин, Лондон)

и «Закупсбыт Инкорпорейтед» (Нью-Йорк, Шанхай), а ликвидация контор Центросоюза и Иноцентра прошли раньше, поскольку в Советской России состоялись перевыборы правления Центросоюза.

Подводя итог, можно оценку председателя, цитированную выше, распространить на весь период существования ОКРКОЛ. Коммерческие достижения кооператоров, входивших в Комитет, также оставались скромными. История ОКРКОЛ — это, главным образом, история борьбы с большевистским правительством за свое независимое существование; причем опорой старой кооперации была юрисдикция Англии и США.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ АДМИНИСТРАЦИЙ
Г. ГУВЕРА И Ф.Д. РУЗВЕЛЬТА: СРАВНЕНИЕ²

Великую депрессию ассоциируют с обвалом на Нью-Йоркской бирже в США, хотя на самом деле американские процессы 1929–1933 гг. были частью гораздо более обширных (как во времени, так и в пространстве) процессов очередной трансформации капиталистической мир-системы.

До Первой мировой войны США были лишь частью, причем не самой главной, атлантического (англо-американского) капитализма, который базировался на индустрии Великобритании. Как писал Джованни Арриги, Британия интернационализовала издержки промышленного выпуска, что определило ее господствующее положение в мире в период с конца XVIII по начало XX в.³

В первой половине XX в., по Дж. Арриги, завершалась фаза очередного цикла в развитии мир-системы, шла смена лидера ядра капиталистической мир-системы: Великобритания сдавала позиции, новым глобальным лидером должны были стать либо Германия, либо США. Правда, до 1914 г., или даже 1915 г., в США не задумывались всерьез о лидерстве в мире, кризис в Европе породил в Вашингтоне ожидания выхода США на международную арену как ведущей державы. Уже в 1915 г. до 40% всех военных материалов Антанты получала из США, что и создало перевес в пользу Северной Америки в 1918 г. в мировой экономике.

-
1. Григорий Германович Попов – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики Московской академии экономики и права.
 2. Тезисы доклада на заседании постоянно действующего семинара «Теория и практика экономических реформ». Институт экономики РАН, 22 сентября 2016 г.
 3. *Арриги Дж.* Динамика кризиса гегемонии // Свободная мысль. 2005. №1.

В 1917–1919 гг. США интернационализировали издержки безопасности в мире, правда, с уходом Вильсона наступил новый период изоляционизма и сдачи позиций на мировой арене, чем воспользовались Италия, Япония, а затем Германия.

Результатом Первой мировой войны стал гипертрофированный аграрный сектор экономики, который был уже не нужен после Версаля государству, но он также был не нужен крупным банкам, поэтому Средний Запад финансировался в основном мелкими и средними банками, отличавшимися низкой рентабельностью.

Державы Антанты в годы Первой мировой войны распродали свои активы за рубежом, в основном в США, чтобы оплачивать военные поставки из Америки (до 3,3 млрд долл. проданных активов). Германия и Австрия в результате войны потеряли почти все свои зарубежные активы, поэтому им нечем было финансировать свои закупки импортных сырья и продовольствия, кроме как американскими кредитами и кредитами других стран. Все это сделало США крупнейшим кредитором к началу 1920 г.

В 1914 г. чистый долг США перед странами Западной Европы составлял 3 млрд долл. (5,5 млрд – инвестиции европейцев в американские ценные бумаги, 2,5 млрд – капиталы США в других странах). К зиме 1918 г. США превратились в главного кредитора Антанты, чистый внешний долг иностранных государств перед США составил 12,5 млрд долл.⁴ К 1921 г. европейская задолженность Америке выросла до 15 млрд долл. Одновременно значительно возросли частные американские инвестиции в другие страны, которые в 1918 г. достигли 7 млрд долл. Валютные курсы в ряде государств стали привязываться больше к доллару, так как другие валюты сильно обесценились к 1919 г. Национальное богатство США за годы войны выросло более чем в 2,5 раза. В стране скон-

4. *Abrahamson J.L. The American Home Front: Revolutionary War, Civil War, World War I and World War II. Colorado: Patrick Henry University Press, 2001. P. 89.*

центрировалась половина мирового запаса золота. Париж и Лондон отправили через Атлантику золото почти на сумму 1 млрд долл.⁵

Американский ВВП непрерывно падал с 1929 по 1933 г. Поэтому маловероятно, что причины *начала* спада стали также причинами *длительной* депрессии экономики. Наиболее вероятным объяснением последнего могут служить структурные проблемы, существовавшие в экономике уже в 1920-х годах, или значительные политические просчеты, сделанные после 1929 г., или оба этих обстоятельства.

Однако американский кризис нельзя назвать абсолютно уникальным. С 1870 по 1914 г. на Западе имела место так называемая «нулевая депрессия» с центром в Англии. Причина той депрессии – слишком неравномерное распределение доходов в англосаксонской модели капитализма, которую пытались импортировать разные страны мира, в том числе Российская империя. В рамках Британской империи и континентальной Европы существовали дисбалансы между отраслями, социальными стратами и регионами в распределении национального дохода. Подобный сценарий был реализован в США в 1920-е годы, с существенной разницей, что вес государства в экономике тогда был выше, нежели до Первой мировой войны.

Популярная версия генезиса Великой депрессии, выдвинутая в 1960-е годы. Милтоном Фридманом и Анной Шварц⁶, сфокусирована на банковской панике, вызванной изменениями различных монетарных факторов. По их мнению, Великая депрессия могла быть значительно облегчена путем своевременной и продуманной монетарной политики. Однако М. Фридмен использовал тему Великой депрессии, чтобы опровергнуть теорию Кейнса и противопоставить свою концепцию неокейнсианцам.

5. Ibid.

6. Friedman M., Schwartz A. Monetary History of the United States, 1867–1960. Princeton: Princeton University Press, 1963.

Авторы «Монетарной истории Соединенных Штатов» полагали, что центральной причиной кризиса стала неправильная работа Федеральной резервной системы. Учетная ставка была повышена в 1928 г., однако это не помогло избежать отрицательных последствий бума на фондовом рынке. В 1931 г., на пороге кульминации банковского кризиса, ФРС не стала скупать правительственные облигации, ускорив тем самым наступление кризиса и усугубив его. Одной из главных причин такого поведения ФРС было стремление удержать паритет доллара в определенных рамках, однако проблема дефицита ликвидности не была должным образом учтена.

Другой механизм банковского кризиса в годы Великой депрессии был рассмотрен в 1990-е годы американским экономистом Беном Бернанке⁷. Он утверждал, что банковские паники ударили по экономике из-за рационирования кредитов, когда кредиты стали дороже, что в первую очередь нанесло ущерб фермерам и малому бизнесу.

Механизм дефляции можно объяснить с помощью эффекта Манделла (Mundell effect)⁸: «При существующей дефляции ожидания формируются в сторону еще большего снижения цен, за счет чего падает текущее потребление и спрос на кредитование (так как позже, когда цены упадут, придется расплачиваться более «дорогими деньгами»). В результате реальные процентные ставки оказываются выше номинальных. Так как в США, после первых симптомов серьезного кризиса, общество посчитало, что падение цен будет продолжаться и снижали потребление и спрос на кредиты, дефляция оказалась дестабилизирующей и привела к усугублению кризиса»⁹.

Есть мнение, что запускным механизмом Великой депрессии стала девальвация фунта, за чем последовали ожи-

7. *Bernanke B.* The Macroeconomics of the Great Depression: A Comparative Approach // Journal of Money, Credit and Banking. 1995.

8. *Temin P.* The Great Depression // NBER Working paper. 1994.

9. Великая депрессия и великая реформа (успехи и провалы экономической политики Ф.Д. Рузвельта) / Под ред. Р.М. Нуреева. М.: Норма, 2016.

дания инвесторов по поводу такой же судьбы доллара, от долларов стали избавляться, в ответ ФРС повысила процентные ставки, что сделало кризис еще более тяжелым¹⁰.

Питер Темин выдвинул концептуальную идею¹¹, что к Великой депрессии привело снижение активности на рынке жилья; «анализируя активность на рынке жилья в совокупности с показателями инвестиционной активности в ведущих отраслях промышленности с помощью разработанной модели временных рядов, разработанная им модель выдала практически точный прогноз спада, который произошел на самом деле»¹². Однако П. Темин не объяснил достаточно причин такой распространенности в пространстве американской экономики депрессии¹³.

Великую депрессию в США правомерно рассматривать также как результат затяжного аграрного кризиса, условия которого были заложены еще Авраамом Линкольном. Гражданская война в США создала в дальнейшем проблему большого дисбаланса между аграрным сектором и промышленностью США. 20 мая 1862 г. А. Линкольном был принят Гомстед-акт, согласно которому «любой американец мог за 10 долларов получить 65 га гос. земель к западу от Миссисипи с последующей передачей участка в собственность через пять лет, если этот участок был аграрно освоен в течение данного времени». Этот принцип в развитии аграрного сектора стал развиваться практически до Первой мировой войны, когда фермерам почти бесплатно предоставлялись на Западе обширные земли, при этом к западу от Миссисипи возникло множество мелких и средних фермерских хозяйств, на Среднем Западе это стало тормозом развития сельского хозяйства, так как там имелось почти три миллиона чернокожих батраков, то же самое касается Виргинии и других преимущественно аграрных штатов.

10. Там же.

11. *Temin P. Did Monetary Forces Cause the Great Depression?* N.Y.: Norton, 1976.

12. Великая депрессия и великая реформа... М.: Норма, 2016.

13. Там же.

В 1920-х годах под влиянием крупных инвестиций в расширение посевных площадей и поголовий скота в годы Первой мировой войны аграрный сектор США был поражен затяжным кризисом перепроизводства, отразившимся на банковском секторе страны. В итоге в 1930 г. началось массовое разорение мелких и средних фермеров, ставка по кредиту для которых превысила 21% против 6% в 1929 г. Аграрные банки не имели права открывать филиалы в соседних штатах и не могли получать помощь от ФРС, что и привело к кризису экономик аграрных штатов.

В заключение обзора хотелось еще раз обратиться к одной из самых распространенных версий возникновения Великой депрессии, а именно к версии о значимости монетарных показателях, выдвинутую М. Фридманом и А. Шварц. Фридман и Шварц сами говорили, что ошибочно утверждать, будто *только лишь* неудачная монетарная политика привела к Великой депрессии. Скорее, они указывают, как *многие* факторы по-своему усугубляли положение и на фондовом рынке, и на рынке товаров и услуг, и на международной арене. Среди косвенных факторов М. Фридман и А. Шварц называли «волатильность доллара после Гражданской войны, нестабильность «золотого стандарта», влияние краткосрочных колебаний цен на долгосрочные тренды экономического роста»¹⁴.

В числе причин Великой депрессии называлась также некомпетентность руководства ФРС¹⁵, которая осенью 1929 г. обладала огромным золотым запасом — 38% от всего золота, хранившегося банками и правительствами всех стран мира. ФРС была в состоянии обеспечить золотом 55% всех наличных долларов, что на 15% выше официально принятого обязательства покрытия¹⁶. То есть ФРС обладала достаточным

14. Там же.

15. Анализу действий ФРС посвящена, например, работа: *Chang-Tai Hsieh, Romer C.D. Was the Federal Reserve Constrained by the Gold Standard during the Great Depression? Evidence from the 1932 Open Market Purchase Program // The Journal of Economic History. Vol. 66. №1 (Mar., 2006). P. 140–176.*

16. *Chang-Tai Hsieh, Romer C.D. Was the Federal Reserve Constrained by the Gold Standard during the Great Depression? Evidence from the 1932 Open Market Purchase Program. P. 142.*

золотым запасом для спасения финансовой системы страны от коллапса; «с 23 октября по 18 декабря 1929 г. фонд государственных ценных бумаг ФРС вырос на 397 млн долл.¹⁷ Однако экспансия ФРС конца 1929 г. была слишком краткосрочной, чтобы спасти американскую банковскую систему, поскольку ФРС опасалась спекулятивных атак на доллар»¹⁸. Была и другая причина: резервы банковской системы США достигли в декабре 1929 г. 2,35 млрд долл., почти как до краха на Нью-Йоркской бирже; данный факт вселил в руководство ФРС уверенность в том, что кризис вступил в фазу затухания еще до Рождества 1929 г.¹⁹ Дело в том, что главным индикатором здоровья финансов ФРС считала резервы банковской системы.

В 1932 г. ФРС отошла от своей предыдущей жесткой монетарной политики и скупила государственные ценные бумаги на сумму 1,08 млрд долл.²⁰, экспансия длилась 20 недель. Программа спасения экономики стартовала в феврале 1932 г., достигнув своего пика в апреле, чтобы завершиться столь же внезапно в июле того же года. Причиной прекращения экспансии стало отсутствие единства мнений по вопросу о необходимости ее продолжения среди 12 директоров банков, входивших в ФРС, что было вызвано во многом достижением банковскими резервами необходимого для поддержания нормального межбанковского кредитования уровня²¹. Одной из причин стало поведение также Чикагского банка, который ограничивал кредитование клиентов, предпочитая наращивать резервы, когда Нью-Йоркский банк проводил противоположную политику.

17. Op. cit. P. 174.

18. Великая депрессия и великая реформа... М.: Норма, 2016.

19. *Ротбард М.* История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум, 2005. С. 281.

20. *Chang-Tai Hsieh, Romer C.D.* Was the Federal Reserve Constrained by the Gold Standard during the Great Depression? Evidence from the 1932 Open Market Purchase Program. P. 142.

21. Op. cit. P. 143.

По мнению М. Ротбард, причиной провала антикризисной политики Гувера и Харрисона стало то, что банки и население в 1932 г. потеряли доверие к доллару, это выразалось в том, что банки просто не хотели кредитовать экономику, ожидая девальвации доллара. ФРС, предоставляя помощь банкам, только усугубляла положение, так как крупные банки чувствовали себя уверенно, не спеша расширять рискованные операции. Гувер, кроме того, призвал население не забирать деньги с депозитов, эта мера не привела к расширению кредитования, но только наращивала банковские резервы²².

Новый курс не являлся подробно расписанной пошаговой макроэкономической политикой. Он не имел четкой теоретической базы. Рузвельт требовал сбалансировать бюджет, однако это не было главной рецептурой против кризиса. Им были предложены радикальные меры, в частности, договоры о фиксированных ценах в промышленности и коллективные трудовые договоры.

Для вывода США из кризиса Рузвельт предложил:

- «государственное регулирование уровня промышленного производства;
- введение отраслевых «кодексов честной конкуренции», определявших единую политику цен, фиксировавших размеры производства, распределяющих рынки сбыта, рекомендуемый уровень заработной платы;
- принудительное картелирование промышленных предприятий;
- оказание поддержки финансово-банковской системе и промышленным и торговым предприятиям при помощи крупных государственных займов и субсидий;
- стимулирование частных инвестиций при помощи налоговых льгот;
- стабилизацию падающих цен путем девальвации доллара и допущения усиления инфляционных тенденций»²³.

22. Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум, 2005. С. 305.

23. Великая депрессия и великая реформа... М.: Норма, 2016.

Главным виновником кризиса Рузвельт назвал промышленную олигархию, сконцентрировавшую к началу 1930-х годов до половины производственных мощностей страны в своих руках. Антитрестовое законодательство, возникшее в конце XIX в., оказалось бессильным против ассоциаций. Однако Рузвельт не видел в сложившейся ситуации иного выхода, кроме опоры на крупный бизнес. В отношении банков Рузвельт повел жесткую политику. Коммерческие банки были лишены права осуществлять инвестиции, неустойчивые банки попали в прямое временное управление государства. Но самой главной мерой стало страхование вкладов. Помимо этого, стоит отметить девальвацию доллара как важный шаг в развитии антикризисной политики Рузвельта.

Стратегия «финансового национализма» имела и обратную сторону. США стали требовать за свои товары только доллары, это привело к ограничению торговли между США и странами Латинской Америки. В то же время подешевевший доллар позволил США развить внешнеторговую экспансию в отношении Канады и Западной Европы.

С.Г. Кара-Мурза¹

ИСТОКИ И ЗНАЧЕНИЕ СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОЕКТА²

1. Капитализм — фактор этногенеза и сборки буржуазных наций Запада. Они собрались в цивилизацию с острой потребностью экспансии. «Капитализм является порождением неравенства в мире; для развития ему необходимо содействие международной экономики... *Капитализм вовсе не мог бы развиваться без услужливой помощи чужого труда*» (Ф. Бродель). Тем, кто попали в колониальную зависимость, навязали тип дополняющей экономики (периферийного капитализма), вызвавший архаизацию, трайбализацию и слаборазвитость. Запад разрушал структуры туземного капитализма, создавал анклав модерна и вывозил ресурсы. Незападные общества были вынуждены вести *модернизацию*, хотя при этом не возникало западного типа хозяйства.

2. Массивное вторжение в Россию западного капитала в фазе империализма потребовало срочной модернизации экономики, не угодив в периферию Запада. Надо было догонять капитализм и одновременно убежать от него. Монархия и сословное общество это не одолели. Революция 1905 г. — распутье. Наметились три проекта: консервативный капитализм (Столыпин), либеральный капитализм, обход капитализма (народники, Советы). Все проекты проверены на практике. Россия не имела услужливой помощи чужого труда, и разумно было избежать кавдинские ущелья капитализма. Поэтому победил Октябрь.

-
1. Сергей Георгиевич Кара-Мурза — д.х.н., главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН.
 2. Тезисы доклада на заседании постоянно действующего семинара «Теория и практика экономических реформ». Институт экономики РАН, 3 ноября 2016 г.

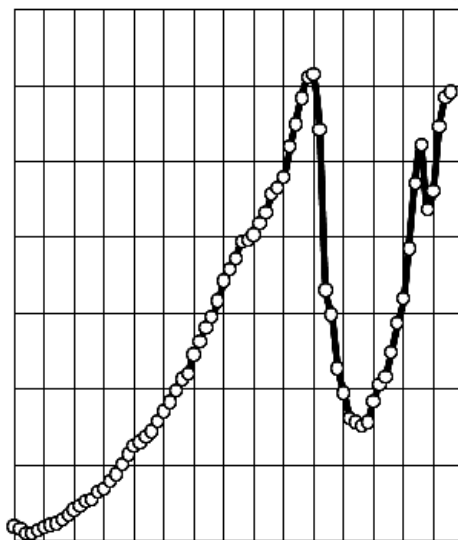

Рис. Индексы инвестиций в основной капитал в СССР и в СНГ, 1940 = 100

3. В рамках советского проекта построили экономическую систему, где в производстве ресурсы соединялись не через обмен (*куплю-продажу*), а соединение (*кооперацию*), регулятор — план. Национализация, индустриализация и культурная революция *пересобрали* распавшуюся империю в СССР и отпавшие народы — в советскую нацию, *предотвратили* втягивание России в периферийный капитализм с архаизацией большинства. Метафора — не рынок, и община (семья). Экзамены — ВОВ и реформа.

А.И. Фурсов¹

«РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ»
(«ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ»)
КАК СОЦИАЛЬНАЯ СИСТЕМА:
ГЕНЕЗИС, ПРОТИВОРЕЧИЯ, ЛОГИКА РАЗВИТИЯ²

25 лет назад было прекращено существование Советского Союза. Вместе с СССР ушел в прошлое советский («красный») проект. Приходится констатировать, что прошедшую четверть века наука и у нас, и на Западе так и не прояснила вопрос о социальной природе Большой Системы «СССР» («реального социализма», «исторического коммунизма», «системного антикапитализма»). Чаще всего приходится иметь дело либо с возведенными в ранг научных теорий пропагандистскими схемами типа «тоталитарное общество», либо с эмпирическими исследованиями, так и не выходящими на уровень теоретических обобщений.

В докладе предпринята попытка системного анализа советского общества, основанная на определении базового объекта присвоения, конституирующего присваивающего субъекта, выявления базовых противоречий, развертывание которых и составляло логику и динамику развития системы. Особое внимание уделено, во-первых, генезису системы, во-вторых, переломным моментам в ее развитии: рубеж 1920–1930-х годов, вторая половина 1960-х, вторая половина 1980-х.

Именно генезис определяет дальнейшее функционирование системы. Специфика генезиса «исторического комму-

-
1. **Андрей Ильич Фурсов** – директор Института системно-стратегического анализа, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, академик International Academy of Science (Инсбрук, Австрия).
 2. Тезисы доклада на заседании постоянно действующего семинара «Теория и практика экономических реформ». Институт экономики РАН, 8 декабря 2016 г.

низма» заключалась в том, что это было двойное отрицание — самодержавия как формы русской власти и капитализма как мировой системы. Отсюда — системный антикапитализм, персонификатором которого выступает власть, очищенная от собственности на вещественные факторы производства («классовости»).

И.В. Ширяков¹

ИНОСТРАННАЯ МОНЕТА В РУССКОЙ
ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII века²

Как известно, до начала XVIII в. Россия не располагала добычей золота и серебра, чеканя собственные монеты из привозного сырья. Обеспечить приток драгоценных металлов ей позволяло осуществление политики активного торгового баланса, при которой Россия вывозила товаров больше, чем ввозила, и компенсировала разницу поступлениями иностранной монеты. Объем таких поступлений иногда достигал трети российского импорта.

Вопрос, о котором пойдет речь, слабо изучен. Есть лишь несколько работ, посвященных общей оценке роли иностранных монет в допетровской России, возбудившие полемику, точка в которой не поставлена до сих пор. Спор возник у коллег по работе в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа — И.Г. Спасского (1904–1990) и В.М. Потина (1918–2005).

С точки зрения И.Г. Спасского, иностранные монеты в российское денежное обращение XV–XVII вв. не входили, хотя свободно поступали на русский рынок как товар, а не как платежное средство. Из специфических функций денег, по его словам, «им было свойственно только то, что в весьма ограниченной мере они служили средством накопления и постепенно собирались в царских и церковных сокровищницах»³.

1. **Игорь Владимирович Ширяков** — к.и.н., заведующий отделом нумизматики Государственного исторического музея.
2. Тезисы доклада на заседании постоянно действующего семинара «Деньги и денежное обращение в период формирования национальных денежных систем». Институт экономики РАН, 25 мая 2017 г.
3. *Спасский И.Г.* Денежное хозяйство Русского государства середины XVII в. и реформы 1654–1663 гг. Археографический ежегодник за 1959 г. М., 1960. «Золотые» — воинские награды в допетровской Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1961. Т. 4. С.94.

Основным предназначением иностранного монетного серебра в России, по мнению Спасского, было использование его как сырья для чеканки российских монет, приносящей выгоду и поставщикам серебра на монетные дворы, и казне. Передел иностранных золотых монет в русские (исключив выпуск Шуйским золотых копеек и денег, предпринятый для выплат шведским наемникам в период острой нехватки в казне серебра⁴), полагал И.Г. Спасский, не приносил экономических выгод, но преследовал иную важную цель — награждения ратных людей за успешные военные службы.

В.М. Потин не был согласен с этим в принципе. Он считал, что русская денежная система проходила, не всегда совпадая по времени, те же этапы развития, что и денежные системы западноевропейских государств. Обратившись к выяснению роли иностранных монет в России XVI—XVII вв., он привел ряд примеров использования талеров и дукатов в расчетах с иностранцами во внутренней российской торговле⁵. Большинство их относилось к XVI — началу XVII в. По мнению А.С. Мельниковой, веско аргументированные суждения В.М. Потина смогли всерьез поколебать категорические суждения «о роли западноевропейской монеты только как монетного сырья»⁶.

-
4. Спасский И.Г. О золотых царя Василия Ивановича Шуйского // Сообщения Государственного Эрмитажа. Л., 1984. Вып. XLIX.
 5. Ранняя работа В.М. Потина, затронувшая тему золотой монеты в допетровской России, появилась еще в 1964 г. Уже тогда автор утверждал, что иностранные словари XVI—XVII вв. «в согласии с рядом русских источников подтверждают, что золотые и ефимки служили» не только сырьем для ремесла и чеканки российской монеты, но «также международными деньгами и принимали участие, хотя и в ограниченной мере, во внутреннем денежном обращении русского государства, особенно в пограничных землях и городах-центрах торговли с иностранцами». См.: Потин В.М. Термины русского денежного обращения в иностранных словарях XVI — первой четверти XVII в. // Государственный Эрмитаж. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Государственного Эрмитажа за 1964 г. Л., 1965. Впоследствии теме были посвящены работы: Потин В.М. Талеры на территории Русского государства в XVI—XVII веках // Прошлое нашей Родины в памятниках нумизматики. Л., 1977. Он же. Золотые западные монеты на территории Русского государства XIV—XVII вв. // Русская нумизматика XI—XX веков. Л., 1979.
 6. Мельникова А.С. Средневековая русская нумизматика в советских исследованиях 1950—1980 гг. // ВИД. Л., 1991. Т. XXII. С. 5—24.

3. При работе с документами Сибирского приказа удалось выявить немало известий о покупках в нем пушнины русскими людьми в середине XVII в., оплаченных иностранными монетами⁷. Еще более ценны оказались сведения о выплатах в Москве и посылках в конце 60 – начале 70-х годов XVII в. в сибирские города в качестве денежного жалования служилым людям золотых и серебряных монет, названия которых свидетельствуют, что это были монеты иностранной чеканки. При этом видно, что отпуск этих монет из Сибирского приказа осуществлялся по ценам, превышающим указные, установленные Новоторговым уставом 1667 г. для монопольной закупки их в казну: талер, указная цена которого составляла 50 копеек, выдавался взамен 60 русских копеек, а «золотой одинокий» (дукат), приобретаемый казной по рублю, засчитывался при отпуске в 1,2 руб. Словом, мы можем констатировать, что к концу 1660-х годов казна увидела, что извлекать выгоду от закупки иностранных монет можно не только путем передела их в русские, но путем проведения обменных операций. О том, что подобный обмен, осуществляемый Купецкой ефимочной палатой, происходил и в конце 80-х годов XVII в. свидетельствуют записки чешского иезуита И. Давида, который говорит также о возможности вывоза из России полученных при обмене монет⁸.

О возможности использования в России иностранных серебряных монет (ефимков) как средства платежа говорит масштабное пожалование ими дипломатов, заключивших в 1686 г. «вечный мир» с Речью Посполитой, а также тех, кто

-
7. Об этом см.: *Щиряков И.В.* Расходные книги Сибирского приказа об изменениях в денежном обращении в Москве середины XVII в. // Государственный Эрмитаж / Шестая Всероссийская нумизматическая конференция: Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. С.148–151; *Он же.* Некоторые данные о поступлении в Сибирский приказ и расходовании им иностранной монеты в первые годы царствования Алексея Михайловича // Нумизматический сборник 1998 г. к 80-летию В.М. Потина. СПб., 1998. С. 155–170; *Он же.* Пушнные «торги» стольника Н.П. Воейкова: к вопросу о составе денежной массы в преддверии реформы 1654–1663 гг. // Монета. Вологда, 2001. Т. 8. С. 31–39 (начало); Монета. Вологда, 2003. Т.9. С. 49–65 (окончание).
 8. *Давид И.* Современное состояние Великой России или Московии // Вопросы истории. 1968. №1. С. 126–132; №3. С. 92–97; №4. С. 138–147.

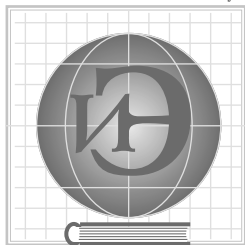
занимал командные посты во втором Крымском походе 1689 г. В первом случае денежные награды ефимками получили бояре Б.П. Шереметев и И.В. Бутурлин (по 4000 ефимков), окольные П.Д. Скуратов и И.И. Чаадаев (по 3000), думный дьяк Е.И. Украинцев (2000), дьяки В.И. Бобинин, П.Б. Возницын и И.М. Волков (по 500 ефимков)⁹. Во втором наградой в 4000 ефимков был отмечен боярин А.Р. Неплюев, стольнику князю Я.Ф. Долгорукому и окольному В.А. Змееву определено по 3500, думным дворянам А.И. Хитрово и Г.И. Косагову – по 3000, думному дьяку Е.И. Украинцеву и стольнику князю Ф.Ю. Барятинскому – по 2500 ефимков; а всего назначены в тот раз 23 подобные выдачи, вместе составившие 31400 ефимков¹⁰. Как говорится в указах, талеры предназначались на покупку вотчин; иными словами – вбрасывались на рынок. Очевидно, что сами награжденные могли распорядиться монетами по своему усмотрению.

4. Таким образом, обращение контрамаркированных талеров в период денежной реформы царя Алексея Михайловича, а затем использование неклеимых золотых и серебряных иностранных монет в качестве средства платежей на внутреннем рынке России в какой-то мере приучили русских людей к использованию крупных монет европейских типов наряду с привычными всем копейками русской чеканки и таким образом помогли подготовить общественное мнение к введению при Петре I параллельного обращения русских монет европеизированного внешнего вида вдобавок к традиционным монетам из проволоки.

9. Полное собрание законов Российской империи. СПб. Т. 2. №1197. С. 803.

10. Там же. Т. 3. №1343. С. 25–26.

Российская академия наук

Институт экономики

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

www.inecon.ru

Научное издание

Экономика в переломные эпохи

(История мировой экономики, вып. 6.)

Сборник статей

Дизайн серии – *Валериус В.Е., Ахмеджанова В.А.*

Редактор – *Полякова А.В.*

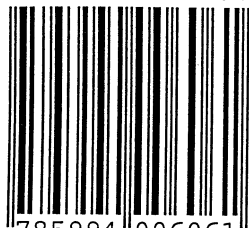
Компьютерная верстка – *Гришина М.Ф.*

Подписано в печать 29.08.2017.

Заказ №20. Тираж 300 экз. Объем 14,2 уч.-изд. л.

Отпечатано в ИЭРАН

ISBN 978-5-9940-0606-1

9 785994 006061